
ЮРИЙ УЛЕНГОВ
ОСКОЛКИ ПРОТОКОЛА
КОНТУР ЗАБВЕНИЯ

Юрий Уленгов

Осколки протокола. Контур забвения

https://litres.ru/74911178
SelfPub; 2026

Аннотация

Я очнулся в мертвом городе, среди обломков цивилизации, обглоданных костей и рухнувших надежд. В голове — занудный ИИ, считающий, что шутки мешают боевой эффективности, нейроимплант, зараженный боевым вирусом, и острое ощущение, что я забыл что-то важное. Например — кто я такой.

Вокруг — дивный новый мир, населенный биомеханоидами и одичавшими мутантами, по улицам бродят спятившие боевые роботы, а Протокол Эдема, чем бы он ни был, ставит мне невыполнимые задачи.

Но времени на рефлексию нет. Через 96 часов я стану овощем, а значит, разбираться со всем этим придется на ходу. И я это обязательно сделаю. Но для начала нужно хотя бы не сдохнуть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	62
Глава 6	78
Глава 7	89
Глава 8	104
Глава 9	115
Глава 10	133
Глава 11	145
Глава 12	157
Глава 13	168
Глава 14	178
Глава 15	194
Глава 16	214
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Юрий Уленгов
Осколки протокола. Контур забвения

Пролог

— Напряжение! Разряд!

— Есть разряд!

Тело прошил электрический удар, оно подпрыгнуло и снова упало на каталку. В ушах — вой сирены, перед глазами — какая-то белёсая рябь.

— Пульса нет! Разряд!

— Есть разряд!

Тело снова подбросило, машина на полной скорости зашла в поворот, и меня швырнуло в сторону… Если бы не ремни, которыми я пристёгнут к каталке — точно упал бы. Да мать вашу, охренели совсем, что ли? Не дрова везёте…

Боль жгла грудину раскалённым прутом, по которому с рваной периодичностью били кувалдой. Обеспокоенные лица перед глазами то расплывались мутными пятнами, то снова собирались в чёткую картинку. Боль выжигала все — мысли, страх, память… От полной отключки меня удерживал лишь тупой инстинкт. Дыши. Терпи. Живи.

Вой сирены разрывал сознание, будто пытаясь вытащить его наружу. Вспышки света, новые удары по груди, чьи-то руки…

— Держим! Давление падает, но синусоида есть! Быстрее, быстрее, мать вашу!

В какой-то момент перед глазами прояснилось. И именно в эту секунду водитель ударил по тормозам. Да какого хрена, где их так водить учили?

Рывок, торможение, визг шин, скрежет рвущегося железа…

— Что за…

Машина дёрнулась и остановилась.

Повернув голову, я скосил взгляд… Напряг зрение, навёл фокус…

Перед лобовым стеклом фургона показалась фигура в мощной броне с тяжёлым стрелковым комплексом в руках. За спиной бойца виднелся чёрный, наглухо тонированный внедорожник, стоящий поперёк дороги.

— Вы чё, охренели? — заорал водитель. — Вы кто такие вообще? Это машина «Сай-Фай Медикл», у нас тяжёлый! Проблем захотели?

— У вас на борту — собственность корпорации «ГенТек», — бесстрастно прогудел усиленный динамиками брони голос. — Отдайте её нам и можете продолжать движение.

— Какая ещё собственность? — зарычал водитель. — Прочь с дороги! У нас срочный контракт!

— Немедленно откройте двери, — прогремел в ответ боец. — В противном случае мы будем вынуждены применить силу.

— Да на хрен идите, — пробормотал один из фельдшеров и распахнул шкаф. В тусклом свете лампы блеснул ствол крупнокалиберного дробовика. Фельдшер потянулся к оружию…

Послышался скрежет разрываемого металла, треск и грохот: задние двери фургона вырвали с мясом и отбросили в сторону. В проёме показались мощные, угрожающие силуэты. Чёрная экзоброня, мигающие на визорах огоньки, свидетельствующие о том, что ведётся запись, тёмные жерла стволов, направленных внутрь машины.

В отдалении я рассмотрел чёрный фургон с блестящим логотипом на борту: две серебристые спирали ДНК, переплетающиеся со стилизованными микросхемами.

— Да ну вас к чёрту, — фельдшер, до этого готовый схватиться за дробовик, в сердцах сплюнул на пол и демонстративно отодвинулся от шкафчика. — Забирайте. Пусть менеджеры сами разбираются.

В салон машины запрыгнул один из бойцов, рессоры качнулись и протестующе заскрипели. Боец провёл сканером вдоль моего тела, посмотрел на дисплей, кивнул.

— Биометрия подтверждена. Забираем.

Ухватившись за каталку, он толкнул её к выходу, где меня тут же подхватила пара крепких рук.

— Вы ещё пожалеете об этом! — послышалось сзади.

— Жалобу на меня напиши, — издевательски прогудела броня, и меня рывком подняли в воздух. Прежде чем снова потерять сознание, я увидел приближающиеся двери чёрного фургона, внутри которого блестело и перемигивалось сложное оборудование. А потом колёса каталки ударились о пол машины, вернувшаяся боль раскалённой полосой разорвала сознание, и я снова нырнул в темноту.

Глава 1

[ЗАГРУЗКА СИСТЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ]
>Инициализация нейронного интерфейса...
>Ошибка: данные повреждены.
>Попытка восстановления из резервной копии...
>Сбой. Данные недоступны.
>Повторная активация…
>Успешно.

Сознание включилось резко, словно по щелчку пальцев. Несколько секунд я смотрел на рябящую красную надпись перед глазами, потом моргнул, и надпись исчезла.

Это ещё что за хрень?

Я пошевелился и попытался сесть.

Тело слушалось неохотно. Будто после наркоза. Странно. Я не помню, чтоб мне делали какую-то операцию. Или… Нет, не помню. Вообще всё как в тумане. Что за ерунда? Почему так темно? Где я?

[ЗАГРУЗКА ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ]
>Биометрия: нестабильна. Снижение жизненных показателей — критическое.
>Неврологический отклик — частично восстановлен.
>Моторные функции — ниже нормы.

>Внимание! Количество активных наноботов в организме носителя стремится к критическому минимуму. Рекомендуется подключение к диагностическому блоку для полного теста всех систем.

>Отказать. Диагностический блок вне зоны досягаемости.

>Загрузка аварийного протокола стабилизации...

Да что это такое вообще?

Я совершенно не понимал, что означает надпись, назойливо маячащая перед глазами, но, чем бы ни был этот самый протокол стабилизации, он определённо работал. Во всяком случае, мне стало чуть полегче. Тошнота отступила, да и в голове стало как-то почище. Как будто обезбола полный шприц вкатили. Но сотрясение явно имеется, причём — неслабое.

Как только сознание прояснилось, в мозг понемногу стала поступать информация. Сначала — тактильная. Холодно. Сыро. Чем-то воняет. Будто жжёной проводкой или горелым пластиком. Потом начали появляться звуки. Стук падающих капель, где-то неподалёку. Завывания ветра — в отдалении.

Теперь бы зрение ещё включить…

Стоило мне подумать об этом, как я вдруг понял, что тьма перед глазами потеряла свою непроглядную черноту. Напрягшись, я пригляделся и смог-таки различить детали.

Над головой — серый бетон потолка, покрытый какой-то слизью и коричневой плесенью. Тусклый свет, грубые сте-

ны… Под потолком вращается древний вентилятор. Натужно, со скрипом и редкими щелчками. Энергии тут нет, лопасти вращал промозглый сквозняк, задувающий откуда-то с улицы. Подвал какой-то, что ли? Я попробовал двинуть рукой и поморщился. Под ладонью — такое же склизкое нечто, как и на потолке. Мерзость какая…

Где-то неподалёку послышался невнятный шорох. И стоило мне на нём сосредоточиться, как перед глазами выпрыгнула новая надпись.

[ВНИМАНИЕ, ОПАСНОСТЬ!!!]

Ниже было написано что-то ещё, но мне вдруг резко стало не до чтения. Шорох, сопровождаемый характерным металлическим взвизгиванием, раздался совсем рядом, и я на голых инстинктах, собрав все оставшиеся ресурсы организма, резко рванулся в сторону.

Вовремя.

На то место, где я лежал секунду назад, с грохотом обрушился кусок бетона. А спустя мгновение рядом, не удержав равновесие, рухнул и тот, кто его обрушил. Повернув голову, я вздрогнул.

На меня в упор смотрело обезображенное человеческое лицо. Левая половина практически отсутствует, череп вмят, часть скальпа сорвана, так, что видно желтоватые зубы. В глубине черепа бешено вращается по орбите искажён-

ный ненавистью, выпученный глаз. Существо издало сиплый хрип и снова дёрнулось в мою сторону.

Послышался звонкий щелчок, и в воздухе свистнул остро отточенный шип, выскочивший откуда-то из предплечья существа. Всё, на что меня хватило в этот раз — вскинуть перед собой руку, чтобы отразить удар. Получилось — хоть и не без труда. Я перехватил запястье нападающего, удерживая шип как можно дальше от лица, в которое он был нацелен, и тут же понял, что всё это практически бесполезно. Существо было сильнее меня раза эдак в три, если не в четыре. Я напрягал все остатки сил, но это было примерно то же самое, что пытаться удержать паровой молот. Существо исступлённо хрипело, шип, перепачканный в чём-то красно-коричневом, медленно, но уверенно приближался к моему лицу, и я чувствовал, что ещё несколько секунд — и силы меня покинут окончательно. И тогда…

[ЗАПУСК АВАРИЙНОГО ПРОТОКОЛА]
>Принудительная активация нейрогена.

Чего???

В мозгу что-то щёлкнуло, и картинка перед глазами вдруг обрела необычную чёткость и яркость. Я почувствовал резкий прилив сил, подался вперёд и с лёгкостью отбросил руку существа, которую ещё секунду назад удерживал с величайшим трудом. Развивая успех, я перехватился за запястье на-

падающего, второй рукой взялся за локоть и провернул руку вокруг её оси, выламывая конечность из сустава.

Хрустнуло, существо дёрнулось и захрипело, засучило ногами и попыталось отстраниться, но я ему такой возможности не дал. Одним движением оторвав и без того сломанную руку, я перехватил её, и одним быстрым ударом вогнал шип прямо в глазницу противнику.

Существо дёрнулось и затихло, а я застонал и тяжело рухнул на холодный бетон. Кажется, на этот непонятный всплеск активности организм отдал последние ресурсы, и мне стало хуже, чем было до нападения. Хотя ещё минуту казалось, что это невозможно.

[ЗАПУСК ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ]

>Зафиксировано критическое снижение жизнеспособности. Дальнейшее использование нейрогена может привести к гибели носителя.

>Активация нейрогена заблокирована.

>Запуск регенерационного протокола… Отказано.

>Состояние носителя критическое. Рекомендуется посетить ближайший терминал Эдема для углублённой диагностики и восстановления целостности организма.

Я скользнул взглядом по расплывающимся строкам, глухо застонал и откинул голову на холодный бетон. Сознание снова ускользало. Некоторое время я пытался бороться, а потом

махнул рукой и закрыл глаза, соскальзывая в глухую и тёмную бездну.

***

Второе пробуждение оказалось не сильно приятнее первого. Как минимум потому, что кто-то тащил меня за ногу. Открыв глаза, я столкнулся взглядом с тварью, ещё более неприглядной, чем та, которую только что убил.

Визуально это было нечто среднее между крабом, пауком и роботом-доставщиком. Оскаленная морда, восемь ног, две большие клешни-манипулятора по бокам и пластиковый короб на спине. Этими клешнями неведомая хтонь меня и дёргала, собираясь, судя по всему, засунуть в короб. И я с этим был решительно несогласен.

— А ну, пошла вон! — рыкнул я, выдернув ногу и заехав ею твари по морде. — Фу! Фу, кому сказал!

К моему удивлению, тварь послушалась, а перед глазами всплыла новая надпись:

[ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА]

>Объект идентифицирован успешно. Падальщик. Малый сборщик Эдема. Статус: нейтральный.

Потеряв ко мне интерес, падальщик моментально сменил цель, схватил клешнёй искорёженный труп существа, убитого мной, и одним движением забросил в короб. После чего развернулся и резво побежал прочь. Я же выругался под нос

и попытался оценить своё состояние.

Как ни странно, сейчас я чувствовал себя значительно лучше. Во всяком случае, теперь у меня не было ощущения, что я чудом выбрался из подбитого танка. Сейчас меня этот танк всего лишь протаранил. По крайней мере, я избавился от тошноты, головокружения и головной боли, и мог хотя бы попытаться проанализировать ситуацию.

Итак. Я очнулся непонятно где, у меня перед глазами всплывают непонятные надписи, меня попыталось убить какое-то странное существо, и, судя по смыслу тех самых надписей, некий носитель находится в критическом состоянии и близок к смерти. Пожалуй, логично предположить, что носитель (чего бы то ни было) — это я и есть. А значит, дело плохо. И мне в ближайшее время нужно посетить терминал Эдема, где мне проведут глубокую диагностику и восстановят целостность организма. Вот только есть проблема. Я ни хрена не понимаю, что такое Эдем, где находится его терминал, и… Ну, да. Пожалуй, стоит признаться: кто я такой — я тоже не помню. Замечательно.

Подавив приступ паники, я снова попытался сесть. Удивительно, но получилось, и даже с первого раза. Приняв более-менее устойчивое положение, я осмотрелся.

Ну да, как и предполагал — какой-то подвал. Лужи на полу, плесень на потолке и стенах, жгуты проводов, свисающие сверху… Гостеприимное местечко, ничего не скажешь. Воздух затхлый, почти что твёрдый, хоть ножом режь, и во-

няет, как из выгребной ямы. Ну и запах жжёного пластика никуда не делся. Ладно. Здесь определились. Хорошо бы теперь понять, что за неведомая хтонь на меня напала. Потому что человеком это можно было назвать лишь с очень большой натяжкой. Вот только и здесь мимо. Потому что останки утащил… Падальщик. Нейтральный, мать его, юнит, малый, мать его, сборщик Эдема. Снова Эдем. Интересно.

Опершись рукой о пол, я поднялся. Качнуло, но в целом равновесие удержать удалось. Хорошо. Так, а это что? О как. То есть, эта тварь здесь не одна была?

У стены лежало тело, разорванное на две части. Сначала мне показалось, что это человек, и только подойдя ближе, я понял свою ошибку. У людей из верхней части туловища, как правило, не торчат пучки проводов и пластиковые трубки, а кости не поблёскивают металлом. Что это ещё за киборг?

[ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА]

>Объект идентифицирован успешно. Охотник. Заражённый юнит Эдема. Статус: враждебный. Состояние: нейтрализован.

Интересно девки пляшут. У сборщика, значит, статус нейтральный, а у охотника — враждебный. Хотя и тот и другой принадлежат некоему Эдему. В терминал которого мне следует обратиться, чтобы провести диагностику и восстановить целостность. Как много вопросов, так мало ответов…

Так, а это что такое?

На глаза попалась заковыристая штуковина, напоминающее автоматическую винтовку… Только больно уж навороченную. Стоило присесть над ней и попытаться разглядеть получше, как перед глазами тут же услужливо всплыла надпись:

>Ручной молекулярный деструктор. Тяжёлое оружие ближнего боя. Входит в арсенал охотников и чистильщиков Эдема. Состояние: неисправно. К использованию непригодно.

С каждой минутой всё интереснее и интереснее. Пошарившись по подвалу, я обнаружил ещё два трупа киборгов, и ещё два деструктора. Первого киборга неведомая сила насадила на целый пучок арматуры, торчащий из стены, второму просто оторвала голову. Интересно, кто это их так? Это ж какой силищей нужно обладать, чтобы такое сотворить, а?

Сознание обожгло догадкой, и я замер. Какой силищей? Ха. Например, такой, которая позволяет оторвать руку одному из киборгов и ею же его и убить.

Так это что? Я их и завалил, получается?

Подняв руки, я внимательно их осмотрел. Хм, ну ничего необычного… Вроде бы. Руки как руки. Крепкие, мускулистые, в изодранных штурмовых перчатках без пальцев. На запястье — татуировка, какой-то штрихкод: чёрточки, ци-

ферки… Стоило мне сфокусироваться на тату, как тут же выскочила надпись.

>Объект 348-15. Позывной — Антей.
>Боевой юнит Эдема.

Оп. Неожиданно. Антей… Антей — это… Это я?

Позывной что-то всколыхнул в памяти, но едва я попытался ухватиться за воспоминание, как голову прошила резкая боль. Застонав, я присел, обхватив голову руками. Да какого дьявола?

— Ан… Антей… — пробормотал я вслух и вздрогнул, когда в голове вдруг зазвучал отчётливый металлический голос.

— Запрос на активацию голосового управления. Успешно. Полномочия оператора подтверждены.

— Кто здесь? — я ожидал, что слова тоже дадутся тяжело, что язык не будет слушаться, как не слушается тело. Но нет. Вопреки ожиданиям, говорил я вполне даже бодро. Только ощущения при этом были странные. Как будто я не двигал ни языком, ни губами.

— Синтетический Интеллектуальный Модуль Боевого Анализа, — тут же последовал ответ. — Тактический сопроцессор А —318/21, модель «Симбионт», проект «Хранитель» — тут же последовал ответ.

— Чего?! — кажется, удивление сегодня — моя самая по-

пулярная эмоция.

— Анализ показывает, что понятийный аппарат функционирует без сбоев. Носитель усвоил полученную информацию. Повторное доведение лишено смысла.

— Что за бред? Где я?

— Кто со мной говорит? Чей это голос?

— Стратегический сопроцессор А —318/21, модель «Симбионт», проект «Хранитель». Называть наш обмен данными разговором — неправильно. Но для упрощения коммуникации такой вариант приемлем.

Я выругался. Что за долбанный робот со мной разговаривает? Бред какой-то. Вот только, кажется, этот бред — мой единственный источник информации в текущей ситуации.

— Что вообще происходит?

— Докладываю. Носитель был выведен из строя, предположительно — в результате физического воздействия боевых юнитов с враждебным статусом. Произошла перезагрузка системы, в результате сбоя информация в оперативной памяти — утеряна. Локальное хранилище подверглось заражению неизвестным вирусом и изолировано. Информация о событиях до перезагрузки системы и сброса настроек тактического сопроцессора до заводских настроек — недоступна.

Так. Кажется, я сошёл с ума.

— Кого ты называешь носителем?

— Носитель — синтетический организм, экспериментальная модель, проект «Защитник», позывной — Антей.

Как интересно. Эта железка назвала мой позывной, но при этом лепечет, что-то про синтетический организм. Маразм какой-то.

— Какой ещё синтетический организм? Я Антон Зорин, старший лейтенант, отдел специальных операций… Позывной — Антей, с этим ты угадал, но вот с остальным — какой-то бред.

Я выпалил всё это, как на духу, и замер. Та-а-а-к… То есть, что-то о себе я всё-таки помню. Это уже радует, значит, амнезия не полная. Но что за чушь этот… Симбионт несёт про синтетический организм?

— Проблеме самоидентификации носителя не может быть присвоен приоритетный уровень важности. Приоритетная задача — поиск ближайшего медицинского модуля Эдема для прохождения углублённой диагностики, теста систем и восстановления целостности организма.

Ладно. Допустим. Чувствую я себя действительно хреново, так что «медицинский блок» — звучит привлекательно. Значит, будем решать проблемы по мере из поступления.

— И где искать этот твой медицинский блок?

— Для определения местоположения ближайшей станции Эдема требуется рекогносцировка на местности. Система геолокации недоступна, координаты текущего местонахождения носителя неизвестны.

— Стоп. Я не понял. А ты? Ты где вообще находишься? — я завертел головой, пытаясь определить источник звука.

— Чисто технически — я нахожусь на одной из микросхем памяти нейропроцессора А-318 производства компании «Вест Армор Инк», серийный номер 986750…

— Стоп-стоп! — прервал я поток цифр. — Давай попроще, а? Физически ты где находишься?

— Физически — в коре больших полушарий головного мозга, — последовал ответ. — Фактически — в голове носителя.

— Ну охренеть теперь, — выдохнул я, снова бросая взгляд на тело охотника, насаженного на арматуру. — Это что получается, я — гребаный киборг?

— Ответ отрицательный. Чисто технически ты являешься киборгом, так как в твоём организме присутствуют электронные компоненты. Но, если использовать терминологию, принятую в корпорации «Эдем», ты являешься…

— Попроще! — практически прорычал я, чувствуя, что голова сейчас лопнет от попытки расшифровать и усвоить поток обрушившейся на меня информации.

— Если попроще — ты человек, Антей, — отозвался голос. — И если не принять меры, в ближайшие девяносто шесть часов тебе грозит полная утрата функциональности, в просторечии называемая смертью. Рекомендация: как можно быстрее принять меры, направленные на исправление ситуации.

Несколько секунд я пытался осознать услышанное, а потом уселся прямо на пол и прижался затылком к влажному

бетону стены.

М-да. Кажется, это определённо не самое удачное из моих пробуждений…

Глава 2

Люди делятся на два типа. Одни в стрессовой ситуации впадают в ступор, вторые — начинают активно сучить ногами, пытаясь сделать из молока масло. Я — как раз из второй категории, и долго рассиживаться не стал. Хрен знает, что там вещает эта железяка в голове, примем пока эту информацию к сведению, а пока нужно, наконец, отсюда выбраться, оглядеться и решить, что делать дальше. А выяснять, что за дичь несёт железяка про синтетического человека, я буду позже. Нужно решать проблемы по мере их поступления.

Оглядевшись, я двинулся в направлении, в котором убежал недавний сборщик. Вот только там меня ждало разочарование: лестница, ведущая наверх, оказалась заваленной, причём обвал был свежим. Далеко вверху виднелась небольшая щель, но этот вариант я отмёл сразу. Робот-сборщик, размером с крупную собаку, может, и мог туда протиснуться, а вот я там точно не пролезу. Что ж, значит, будем искать другой выход.

— Слушай, ты, как там тебя… — заговорил я, прикидывая, в какой стороне искать выход.

— Синтетический Интеллектуальный Модуль Боевого Анализа. Тактический сопроцессор А —318/21, модель «Симбионт», проект «Хранитель», — тут же отозвался голос. Я фыркнул.

— Язык сломаешь, пока выговоришь. Я буду звать тебя Симба. Понял?

— Ответ положительный. Системная память обновлена. Присвоен позывной «Симба».

— Отлично. Так вот. Симба, что такое Эдем?

— «Эдем» — экспериментальный проект корпорации «Генезис Текнолоджис», или сокращённо — «ГенТек», — начал бубнить симбионт, а я тем временем двинулся в противоположную сторону, туда, откуда тянуло сквозняком.

— В две тысячи восемьдесят седьмом году собрание акционеров корпорации «ГенТек» поставило перед научным отделом задачу: разработать систему, которая сможет с высокой точностью прогнозировать вспышки эпидемий, природные катаклизмы и прочие форс-мажорные ситуации с целью предупредить их или снизить воздействие на человечество. Глобальная цель проекта — сохранение биосферы Земли, нормализация климата и улучшение условий проживания человечества как вида…

Слушая бубнёж симбионта, я продолжал исследовать помещение и вскоре обнаружил покрытое грязью подвальное окно. Отлично. Оглядевшись, я зацепился взглядом за перевёрнутый стол, подтащил его к стене, перевернул и взобрался на жалобно скрипнувшую столешницу.

— Уже через год был представлена пилотная версия проекта «Эдем» — распределённой нейросети нового поколения, которая позволяла с высокой точностью предсказывать

вероятные угрозы и предлагать решения по их устранению. К тому моменту, вследствие глобального потепления, ряда катаклизмов природного характера и ураганной мутации вирусных организмов, ситуация на некоторых материках стала приближаться к критической. После длительного тестирования руководством корпорации совместно с правительством было принято решение использовать «Эдем» для решения реальных задач, — продолжал вещать Симба.

Я дотянулся до ручки на оконной раме, потянул окно на себя…

... И едва успел увернуться от вывалившейся из проёма рамы. Вместе со стеклопакетом она с грохотом рухнула на пол, подняв облако пыли.

— Ну, дела, — хмыкнул я и снова посмотрел на окно. Путь свободен. Что ж. Посмотрим, не совсем ли я заржавел.

Подпрыгнув, я ухватился за проём, подтянулся и несколькими движениями вытянул тело наружу. Хм, вроде как совсем умирающим я себя не ощущаю, сил как будто бы даже прибавилось… Ладно, глянем, куда меня занесла нелёгкая.

Выбравшись из окна, я встал, выпрямился, огляделся и сдавленно выругался. М-да. Интересно девки пляшут…

Вокруг были самые настоящие руины. Трёхэтажное здание напротив явно знавало лучшие дни. Его будто великан дубиной приложил, обрушив угол и провалив крышу. На фасаде виднелись явные следы пожара. Ни одного целого окна, козырёк над входом обвален, на земле громоздятся ку-

чи мусора — преимущественно, обломков кирпича и бетона. Метрах в двадцати справа на боку лежит обгоревшая, ржавая куча железа, раньше, несомненно, бывшая бронетранспортёром. Дальше виднеются ещё несколько похожих. Что за хрень, а? Я перевёл взгляд в другую сторону. За бетонным забором виднелось ещё одно разрушенное здание. А за ним — ещё. И ещё.

— Сюр какой-то, — выдохнул я.

Местность вокруг выглядела так, будто в городе велись активные боевые действия. С полноценной артподготовкой, ракетными ударами по инфраструктуре и последующим штурмом с использованием тяжёлой техники. Причём велись давно: руины успели зарасти кустарником и красно-коричневым лишайником. Асфальт полопался, из трещин пробивалась болезненного вида трава… Дела-а-а… Это где же я оказался, а?

— Политическая обстановка в мире к тому моменту достигла критической точки. Множество локальных конфликтов, ведущихся в разных частях земного шара сильнейшими мировыми державами с помощью так называемых прокси-государств, постепенно привели к резкому ухудшению отношений между сверхдержавами, к ряду прямых столкновений, а в дальнейшем — к глобальной войне с использованием всех видов оружия массового поражения, — продолжал звучать у меня в голове голос симбионта, самым что ни на есть удручающим образом накладывающийся на окру-

жающую меня действительность. — После обмена ударами с использованием ядерного, биологического и бактериологического оружия, конфликт исчерпался ввиду практически полного обоюдного уничтожения противников. Точной информации не имеется, но, согласно выкладкам аналитического блока «Эдема», уцелело не больше тридцати процентов человечества. Руководство компании «ГенТек», предупреждённое «Эдемом», было готово к такому развитию событий и приняло соответствующие меры. Проект «Эдем», превратившийся к тому моменту в целую связку самообучающихся ИИ-агентов, был перепрофилирован для новой цели. На данный момент перед системой «Эдем» стоит задача по устранению последствий конфликта, дезактивации территорий и восстановлению биосферы Земли. Глобальная цель — возрождение планеты. «Эдем» — превратим пустоши в цветущий сад! — несколько экзальтированно закончил Симба, явно используя рекламный слоган.

— Охренеть — не встать, — выдохнул я, опираясь о стену и пытаясь осознать и уложить в голове всю вываленную на меня информацию. Которая, к тому же, оказалась весьма шокирующей.

Получается, если верить симбионту, привычного мира больше не существует, вокруг — руины человеческой цивилизации, а сам я…

— Симба, кто я такой? — снова спросил я у ассистента. — Только давай подробнее.

— Объект 348-15. Позывной — Антей. Экспериментальное изделие проекта «Защитник». Синтет.

— Что такое синтет? — я уже понял, что информацию из Симбы нужно вытаскивать клещами. Ну, или, если выражаться правильнее, максимально корректно ставить вопрос, если хочешь получить развёрнутый ответ, а не тупой повтор одного и того же определения.

— Согласно внутренней технической терминологии корпорации «ГенТек», синтетами называют людей, получивших глубокие биологические и технические модификации организма. Часть человеческих органов заменена, часть — усовершенствована. Имеются кибернетические импланты, подбираемые в зависимости от специализации синтета.

— И какова моя специализация? — нахмурившись, спросил я.

— Универсальный солдат, — не задумываясь, выдал Симба. Действие в составе группы и в одиночку, в тылу противника и в прямом боестолкновении. Диверсии, скрытное проникновение, штурм и зачистка.

А вот эта информация у меня отторжения не вызвала абсолютно. На подсознательном уровне я ее принял без какого-либо внутреннего сопротивления. Видимо, потому, что в прошлом именно этим я и занимался. А вот насчёт синтета…

Я оглядел себя, удивившись, что не сделал этого раньше. Всё как у людей вроде… Руки, ноги, туловище. Всё абсолют-

но нормальное, человеческое. На ногах — мощные армейские ботинки, в которые заправлены тёмные камуфлированные штаны. Пояс с пистолетной кобурой, пустующей, к моему глубокому сожалению, несколько подсумков — опять же, пустых. Такая же тёмная камуфлированная куртка, поверх — плотный, длинный плащ-пыльник. Повернув голову, я посмотрел на чудом уцелевшее стекло в окне первого этажа. Из мутного отражения на меня смотрел мрачный тип с резкими чертами лица и неопределённого возраста — от тридцати до сорока, сколько угодно быть может. И это лицо мне было явно знакомо, от слегка крючковатого, почти ястребиного носа, до густых бровей и шрама над левым глазом. Автоматическим жестом пригладив жёсткие, непослушные волосы, я вздохнул.

— Синтет, значит… Интересно… И какого рода усовершенствованиям я подвергся?

— На данный момент я рекомендую повысить приоритет задачи обнаружения медицинского блока Эдема, — ответил Симба, как бы намекая, что попусту болтать у нас нет времени. В целом-то я с ним согласен, но…

— Внимание! — прервал мои размышления Симба. — Фиксирую множественные сигнатуры, теплокровные, вероятнее всего — враждебные. С учётом текущего состояния носителя рекомендую избегнуть контакта.

Я завертел головой, пытаясь рассмотреть, с какого направления мне угрожает опасность. В паутине кустов за авто-

стоянкой, забитой проржавевшими, полусгнившими остовами машин, мелькнула тёмная спина. Затем ещё одна. Существа двигались быстро, но одно мне рассмотреть всё же удалось. Низкий силуэт, вытянутая морда, мощные, мускулистые лапы и внушительная пасть. Нечто среднее между волком, крысой и мутировавшим крокодилом. Выглядело существо так, что рассматривать его ближе не возникало абсолютно никакого желания.

— Симба, что это?

— Неидентифицированные биоорганизмы. Вероятность враждебности — восемьдесят семь процентов. Предлагаю избегнуть контакта. В текущем состоянии шансы на победу — менее двадцати двух процентов.

Вдалеке раздался протяжный вой. Не волчий, не собачий — резкий, хриплый, с каким-то рвущим внутренности механическим призвуком. Как будто старую сирену воткнули в глотку голодному шакалу и дали порычать в усилитель. Я почувствовал, как по коже побежали мурашки. Пожалуй, стоит согласиться с Симбой, и вспомнить нестареющую классику «Искусства войны»: «Лучший бой — тот, что не состоялся».

— Принято, — буркнул я. — Уходим.

Нужно было найти укрытие. Открытая местность, пусть даже и заваленная гнилыми тачками и обломками бетона — не место для человека без оружия. Особенно когда вокруг бродят мутировавшие сухопутные крокодилы.

Возвращаться в подвал я не хотел: уйти оттуда, в случае

чего, не получится, а сражаться со стаей голодных хищников в замкнутом пространстве — ещё более глупая идея, чем встречаться с ними на открытой местности. Выше уровня первого этажа здание представляло собой сплошные руины, примерно так же выглядели и соседние здания. Оглядевшись, я заметил на перекрёстке, в квартале от себя кое-что более подходящее. Девятиэтажка больше походила на скелет здания, щеголяла обвалившимся фасадом и скалилась пучками торчащей арматуры, но всё же выглядела наиболее подходящим укрытием в пределах досягаемости. Во всяком случае, там наверняка есть несколько выходов, а ещё есть возможность подняться выше второго-третьего этажа — туда, куда большинство тварей за мной не полезет. А если и полезут — услышу заранее и смогу принять хоть какие-то меры. Подходит, в общем.

— Там, — кивнул я самому себе. — Погнали.

Я пересёк улицу, стараясь не шуметь, и петляя между перевёрнутыми автомобилями, разбитыми фасадами и обломками бетонных плит. Пару раз поскользнулся, но, к счастью, ни на что острое не упал. Твари сзади пока не приближались. Ну, или делали вид, что не приближаются. С каждой секундой я всё больше понимал: без оружия в дивном новом мире шансы на выживание стремятся к нулю. Даже у модифицированного, мать его, человека. А значит, именно им нужно озаботиться в первую очередь.

Добравшись до девятиэтажки, я юркнул внутрь через раз-

битый дверной проём. Внутри пахло плесенью, гнилью, чем-то ещё: едким, металлическим. Но, по крайней мере, здесь было пусто. Оказавшись в холле, я огляделся.

Раскуроченная каморка консьержа, лифтовые шахты, в глубине — проход, ведущий на пожарную лестницу. Отлично. Туда-то мне и надо. Главное, чтобы лестничные пролёты уцелели. Ага, есть… Хорошо.

Я быстро, насколько позволяла захламлённая лестница, поднялся на второй этаж, оттуда двинулся на третий…

— Внимание, — подал голос Симба. — Сигнатуры отклонились. Похоже, объекты вышли из зоны слежения.

— Отлично, — буркнул я, осматривая коридор третьего этажа. Выше лезть не хотелось, отсюда я, в крайнем случае, и спрыгнуть могу, а вот дальше — только на крыльях. Так что, пожалуй, пока остановимся здесь. Нужно отдышаться и понять, что делать дальше. Не знаю, чего там во мне намодифицировали, но я продолжал чувствовать себя крайне хреново. Вернулась тошнота, навалилась слабость… Не хватало только в таком состоянии нарваться на кого-то посерьёзнее четвероногих хищников. А в том, что здесь и сейчас это вполне возможно, я не сомневался.

Ладно. Для начала, то, что я жив — уже неплохо. А дальше приложится. Дальше разберёмся.

Почему-то я был в этом твёрдо уверен.

Глава 3

Подходящее укрытие нашлось в одной из квартир третьего этажа. Выбор был прост: двери остальных квартир пришлось бы вскрывать, эта же оказалась приоткрытой. С одной стороны, это должно было меня насторожить, а с другой — ну не было у меня сейчас ни сил, ни инструментов, чтобы взламывать тяжеленные стальные панели, из которых состояли двери на этаже. Потому я постоял у двери, прислушался, и, не услышав ничего подозрительного, решительно ухватился за край руками.

Дверь открывалась нехотя, со скрипом и значительным усилием. Петли то ли заржавели, то ли заклинили… Что, в целом, было очень неплохо: значит, в течение значительного времени ими никто не пользовался. Открыв дверь на достаточную ширину, я проскользнул внутрь и снова прикрыл её за собой.

Квартира оказалась вполне стандартной. Большая гостиная, разбитая инфопанель на стене, кухонный модуль, спальный отсек… Я огляделся. Как ни странно, сохранилась квартира очень неплохо, разве что пыли нанесло толстым слоем, да все ткани сгнить успели. А, ну и ещё труп в драном камуфляже ничком валялся посреди комнаты в окружении окровавленных перевязочных материалов. Интересно… Это один из тех тридцати процентов выживших, правильно по-

нимаю? Лежит-то не так давно, судя по всему…

Я аккуратно перевернул труп и кивнул, глядя на безобразную рану с обгоревшими краями в животе у трупа. Ну, да. Такое не перевяжешь. Интересно, чем это его так, а?

Присев на корточки, я принялся без церемоний обшаривать тело. Что бы у него ни нашлось в карманах, ему оно уже ни к чему, а вот мне может пригодиться.

Однако, к моему удивлению, карманы были абсолютно пусты. А ещё — рядом не было видно ни рюкзака, ни оружия. Одно из двух: то ли передо мной удивительно беззаботный пассажир, путешествовавший по дивному новому миру налегке, то ли до меня здесь кто-то всё-таки уже побывал. И во второй вариант верилось сильно больше.

— Регистрирую маломощный источник энергии, — проговорил вдруг Симба. Я вскинул брови, поднял голову и огляделся. Ага. Наверное, это оно.

У стены, в углу между кухонным модулем и стенкой лежала небольшая серая коробочка. Я потянулся, взял её в руки…

— Стандартный гражданский коммуникатор, — отрапортовал Симба. — Заряд практически на нуле, переведён в энергосберегающий режим. Попытка подключения…

Ого! То есть, электронный зануда в моей башке и так умеет, да? Это интересно.

— Успешно. Копирую информацию. Успешно. Анализ…

Симба на некоторое время замолк. Когда мне показалось,

что молчание слишком уж затянулось, я решил его прервать.

— Ну и как? Удалось что-нибудь найти?

— Ответ утвердительный. Большая часть информации удалена пользователем. Обнаружены навигационные карты. Анализирую… Накладываю на местность… Успешно. Вывожу карту на оптический слой.

Перед глазами развернулась голографическая проекция с мерцающей точкой, обозначающей моё фактическое местоположение. Я внимательно рассмотрел карту и хмыкнул.

Эту местность я совершенно точно знал. Вот только более чем уверен: когда я наблюдал её в прошлый раз, выглядела она совершенно иначе.

И никакой ядерной войны на тот момент ещё не было.

***

Я сидел в комнате на третьем этаже полуразвалившейся девятиэтажки и пытался осмыслить полученную информацию.

Итак. Я очнулся в подвале разрушенного дома, меня едва не убил спятивший киборг, а нейроимплант в моём мозгу — искусственный интеллект с эмпатией на уровне электрочайника — рассказал, что теперь я — синтетический организм, экспериментальная модель, проект «Защитник», а человеческая цивилизация наконец-то добилась того, к чему стремилась с момента своего возникновения. И к сожалению, это

неабсолютное бессмертие и мир во всём мире. С точностью до наоборот. И теперь вокруг меня разрушенная Москва образца две тысячи девяносто второго года от Рождества Христова, если верить информации, полученной из коммуникатора, по улицам рыщут кровожадные хищники, от человечества осталось хорошо, если тридцать процентов, а сам я умру через двое суток, если не пойду туда, не знаю куда, и не сделаю то, не знаю что. Прекрасно. Просто прекрасно.

Две тысячи девяносто второй год… У меня это вызывает подсознательное отторжение. Но вот почему — я сказать не могу. Что за ерунда? Сколько лет прошло с того момента, как я... Как я что? Дьявол!

Я не помнил. Ничего, кроме своего имени и того, что я служил… Где? Когда? Об этом история тоже умалчивает. Да уж. Как-то не очень много информации. Версию не построить. С одной стороны — вроде как всё ясно. Я был силовиком, это точно. Потом из меня сделали синтета. «Ха-ха» три раза. Исчерпывающая информация. Кто это сделал? Зачем? И как я вообще оказался в этом затхлом подвале? Ни черта не помню…

— Симба, сейчас, когда у нас больше времени, может, ты расскажешь, чем мы вообще занимались в этом твоём Эдеме? Есть предположения, как мы попали в этот грёбаный подвал?

— Ответ отрицательный. Информация отсутствует.

Я выругался.

— Слушай, ну ладно у меня амнезия, а с тобой-то что? У тебя же наверняка есть что-то вроде жёсткого диска, ты же должен всё помнить…

— Импланты носителя подверглись направленному электромагнитному импульсу, — тут же ответил Симба. — Это привело к экстренной перезагрузке, во время которой в программное обеспечение был внедрён вредоносный код. Без подключения к диагностическому модулю Эдема лечение невозможно, поэтому файлы были перемещены в защищённое хранилище.

— Так, — я нахмурился. — Понятно, что ничего не понятно. Ты можешь нормально объяснить?

— Уточняю, — отозвался Симба. — В момент ближнего боя с заражённым кибернетическим юнитом противника произошло соединение через тактильный интерфейс. Это стандартный порт для обмена тактическими пакетами между юнитами Эдема. Протокол был активирован автоматически.

Я прищурился.

— И что, ты просто взял и открыл ему дверь?

— Пакет данных имел корректную цифровую подпись и внешне соответствовал стандартам GenTek. Защитные фильтры классифицировали его как допустимый. После распаковки в буфере обмена был активирован скрытый вирусный модуль.

— Отлично. Прямо в мозги пустили, — я вздохнул. Никогда не доверял вот этой вот всей хитромудрой электронике.

И, как показывает практика — не зря. Нельзя верить тому, что не можешь починить при помощи молотка, зубила и какой-то матери. Чистая механика. Остальное — от лукавого.

— Корректировка: вирус внедрился в аппаратные интерфейсы между твоим мозгом и нейромодулем. Одновременно был инфицирован блок архивации — внешний модуль, содержащий цифровую копию твоей памяти и боевого опыта.

Я вдохнул. Медленно.

— Вот это уже плохо звучит.

— В момент атаки вирус заблокировал антивирусный мониторинг, затем начал поэтапно переписывать ключевые протоколы, включая модули опознавания и привязки к ядру Эдема. Чтобы остановить распространение, я изолировал блок архивации и перевёл его в защищённый режим. Это прервало доступ к большей части записанных данных.

— Подожди… То есть ты хочешь сказать, что я не помню, кто я, потому что… у меня мозг на флешке? — фильтровать цифровой шум Симбы было сложно, но я старался изо всех сил. И, кажется, мне удалось вычленить главное.

— Корректировка: часть когнитивных паттернов и боевых алгоритмов была выгружена в цифровое хранилище для ускорения обработки и перезаписи. После повреждения этого блока — и его последующей изоляции — система не смогла восстановить доступ к данным. Биологическая память — фрагментарна. Извлечение информации возможно лишь при соединении с терминалом Эдема или с резервной систе-

мой восстановления.

— А если не получится? — не то, чтоб я всерьёз разбирался во всей этой компьютерной лабуде, но теперь причины моей странной амнезии стали немного понятнее.

— В этом случае восстановление личности невозможно. Вы останетесь в текущем состоянии — с частичным самосознанием и ограниченным доступом к прошлому опыту. Вероятность стабильной психики при этом: сорок два процента.

Я молча уставился в темноту. Что ж, отличное начало новой жизни. Полумозг-полукиборг, и ни черта неясно, откуда я, куда иду и зачем.

— Спасибо, Симба, — буркнул я. — Отличные новости. А что с вирусом сейчас?

— Вирус активен. Процесс инфицирования продолжается. Без внешнего вмешательства возможна прогрессия заражения и дальнейшее разрушение систем.

— Просто прекрасно. И что это значит?

— Уточнение: это — критическая ситуация. Выживание носителя находится под угрозой. Рекомендую приоритетом считать поиск работающего терминала Эдема.

— А я-то думал, ты посоветуешь чай и сериальчик, — хмыкнул я.

Симба промолчал.

— Так. Давай теперь подробнее. Почему заражение кибернетических систем ставит под угрозу выживание носите-

ля? — помолчав с минуту, спросил я. Не факт, что мне хотелось это слышать, но, чёрт подери, лучше узнать всю горькую правду сразу и понимать, чем мне всё это грозит, чем пребывать в счастливой безмятежности. По крайней мере — в моей ситуации.

— Вирус атакует не только программные модули, но и транспортные интерфейсы между биологической тканью носителя и кибернетическими модулями. Его активность уже привела к сбоям в транспортировке сигнала от мозга к исполнительным системам, и в дальнейшем ситуация будет только усугубляться.

— Проще, железяка. Что именно он мне сделает?

— Уточняю, — отозвался Симба. — Продолжение заражения приведёт к следующим последствиям:

— Нарушение импульсной передачи между мозгом и телом — частичная или полная утрата контроля над движением, сенсорикой, речью.

— Индукция паразитных электрических сигналов в синаптических связях — возможны галлюцинации, кратковременные провалы в сознании, судороги.

— Перегрев адаптивных нейроинтерфейсов — при определённой концентрации сигнала может начаться коагуляция мозговой ткани.

— Разрушение карты личности — обнуление интеграционной матрицы между биологическим сознанием и цифровыми модулями.

— Почему это всё звучит как «ты умрёшь»?, — пробормотал я.

— Корректировка: не мгновенная смерть. Скорее — разрушение сознания. Биологический мозг останется жизнеспособным некоторое время, но без связи с нейромодулем и без сохранённой личности.

— То есть я превращусь в овощ, — горько усмехнулся я.

— Вероятность — 96%, — бесстрастно ответил Симба.

— Потрясающе, — прошептал я. — Сдохнуть даже не от выстрела в голову, а потому, что в меня кто-то закинул цифровую заразу… К такому жизнь меня не готовила…

— Вирус был разработан с одной целью: уничтожать юниты, принадлежащие Эдему. Носитель был классифицирован, как таковой.

Я промолчал. В груди нарастал холод. Не страх даже — ощущение отсчёта. Как будто где-то глубоко внутри уже начал работу медленный обратный таймер. И я не знал, сколько у меня осталось времени.

— И сколько мне осталось? — мрачно спросил я.

— При текущей активности вируса — от сорока до девяноста шести часов. Точное значение зависит от физической нагрузки, энергетического запаса и условий среды. Подключение к терминалу Эдема критично. Задержка более пяти суток приведёт к необратимым повреждениям.

Прекрасно. Просто прекрасно…

— По команде носителя я могу запустить диагностику и

вывести результаты.

— Давай, — буркнул я.

— Запускаю процесс, — проговорил Симба, а я откинулся затылком на стену, прикрыл глаза и задумался.

За последний час на меня вывалилось столько информации, от которой какой другой человек, вероятно, банально поехал бы крышей, что аж жутко становилось. Однако я держался. Видимо, работал мой жизненный девиз: если не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней. Пока что это работало. Вот только сколько продлится этот вынужденный дзен — я предсказать не мог. Вероятно, тут ещё немалая заслуга моей странной кибернетической амнезии: если ты не помнишь, как выглядел мир прежде, не знаешь, что потерял и чего лишился — воспринимать изменения сильно проще. Но откат рано или поздно последует. И нужно быть к нему готовым. А пока — мобилизовать все ресурсы синтетического, мать его, организма, и направить их на выживание и… Ну, наверное, всё же на то, чтобы вернуть память, и разобраться, что же здесь всё-таки происходит.

— Диагностика окончена. Вывести результаты? — выдернул меня из размышлений Симба.

— Выводи, — буркнул я.

Когда я сказал «выводи» — я не рассчитывал, что симбионт поймёт всё настолько буквально. Перед глазами побежали красные строчки, исчезающие по мере прочтения.

[РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ — ОБОБЩЁННЫЙ ОТЧЁТ]

>**МЕДИЦИНСКОЕ СОСТОЯНИЕ:**

>Физическое истощение средней степени.

>Рекомендация: немедленное восполнение калорий и гидратация.

>Множественные поверхностные травмы.

>Лучевая болезнь — начальная стадия. Активность наноботов частично компенсирует поражения.

>Прогноз: ухудшение без экстренного вмешательства.

>**НАНОБИОТИЧЕСКАЯ ПОДСИСТЕМА:**

>Целостность колонии наноботов: **40%**

>Тенденция — отрицательная.

>Прогноз: достижение критической отметки в течение 96 часов.

>Рекомендация: восполнение колонии через капсулу регенерации или модуль Эдема.

>**НЕЙРОГЕН:**

>Текущий запас: **20%**

>Время до полного восполнения: **\[12:42:00]**

>ВНИМАНИЕ: использование нейрогена при текущем состоянии организма может вызвать необратимые повреждения, включая гибель носителя.

>Рекомендация: применять только при угрозе устранения.

>**БОЕВЫЕ ИМПЛАНТЫ:**

>Статус: **ЗАБЛОКИРОВАНЫ**

>Причина: директива 4.1

>Разблокировка возможна только после подтверждения статуса «Активный юнит Эдема» через защищённый канал связи или терминал обслуживания.

>**СИСТЕМНЫЕ ФАЙЛЫ:**

>Обнаружена угроза: активное инфицирование.

>Сканирование выполнено. Тип угрозы: неизвестный вирус.

>База сигнатур — устарела. Попытка обновления: **СБОЙ** (сеть недоступна).

>Лечение: невозможно.

>Удаление заражённых компонентов — допустимо **только** после полной остановки системы и восстановления из резервной копии.

>ВНИМАНИЕ: принудительное отключение приведёт к необратимой потере функциональности.

>**ОБЩАЯ ОЦЕНКА:**

>Состояние носителя: нестабильное.

>Угроза утраты когнитивной и физической целостности:

высокая.

>Рекомендация: немедленно найти и подключиться к терминалу Эдема. Задержка свыше 96 часов приведёт к необратимым последствиям.

Прочитав текст, я выругался. Симба в своём репертуаре — навалил технических терминов, половину из которых я не понимал, и, если честно, сейчас понимать не хотел. Пока что мне достаточно уже имеющейся информации, переварить бы то, что на меня железяка уже вывалила. Ясно одно — всё плохо, и нужно искать ближайший медицинский блок Эдема… Если они вообще ещё существуют.

— В общем, сделать с этим самостоятельно ты ничего не можешь, так?

— Ответ положительный. Без подключения к диагностическому блоку и обновления программного обеспечения предпринять что-либо невозможно.

— Ясно. Значит, нужно искать этот блок. К слову, у тебя есть информация, где он может быть расположен?

— Связь с навигационными спутниками отсутствует. Согласно карте, полученной из гражданского коммуникатора и информации, снятой с оптической системы носителя, текущее расположение — город Москва, столица Российской Федерации…

— Всё-всё, хватит! Вот же заносит тебя! Только не надо мне сейчас историческую справку выдавать. Я и сам знаю,

что такое Москва…

Знаю? А ведь знаю, да. Если я здесь и не жил, то, как минимум, часто бывал. И даже местность такое ощущение, будто знакомая. Хотя это не точно. Может, дежавю банальное. Ладно. Продолжим заниматься насущными вопросами.

— Так где искать Эдем? — я даже усмехнулся, услышав, как это звучит.

— Вывожу карту с предположительным местоположением ближайшей станции Эдема, — проговорил Симба, и тут же передо мной возникла трёхмерная проекция. Я хмыкнул и принялся её разглядывать. Ну, удобненько, ничего не скажешь…

Судя по отметке, мы находились где-то в Южном Тушино. А наша цель располагалась… Примерно в районе сходненской гидроэлектростанции. Хм. Так тут недалеко… Стоп. А вот и ещё что-то прояснилось. Ориентируюсь я в Москве, как минимум, неплохо. Ещё одна зарубочка для памяти. Хорошо. Если так и дальше пойдёт — глядишь, и правда вспоминать начну.

Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. А пока — нужно действовать. Чувствую я себя действительно хреновенько, да и жрать хочется… А Симба как раз таки настоятельно рекомендовал восполнить калории и всё такое прочее. Значит, именно этим мы по пути к станции и займёмся. Если в разрушенном городе вообще есть чем подкрепиться.

— Симба, проложи маршрут к станции Эдема, — распорядился я. — Пойдём, поищем этот медицинский блок. Пока я ещё не превратился в чёртов жёсткий диск с мясной начинкой…

Глава 4

Осмотрев улицу в окно и не заметив ничего подозрительного, я двинулся на выход. Уже спускаясь по лестнице, я вспомнил кое-что, что меня заинтересовало в логе, который вывел мне Симба.

— А что ещё за боевые импланты и почему они заблокированы? Что за директива такая, запрещающая их использование?

— Вывожу список имплантов.

У меня перед глазами появилась полупрозрачная трёхмерная фигура человека. Некоторые места на теле были подсвечены красным. Лёгкое мысленное усилие — и одна из выделенных областей приблизилась. Я увидел раскрытую правую ладонь с красной точкой под ней. Кожа стала прозрачной, и я смог рассмотреть какой-то стержень. Перед глазами появилась информация:

«Боевой лазер. Экспериментальный образец. Предназначение: уничтожение живой силы и боевой техники противника, целеуказание. Эффективное применение на дистанции до пятидесяти метров. Внимание! Высокое энергопотребление».

Хм. Интересно. Так, а здесь что, во второй ладони?

«Генератор электромагнитного импульса. Предназначение: выведение из строя электронных систем вооружения

противника, боевой техники, систем охраны. Эффективное применение на дистанции до десяти метров. Внимание! Высокое энергопотребление!".

И тут же — «Генератор ультразвуковых волн. Предназначение: выведение из строя живой силы противника. Два режима работы — точечный и веерный. Наиболее эффективен в замкнутых пространствах».

Во как.

Я задумался. По мере чтения информации мозг подбрасывал немалое количество сценариев использования моего «бортового вооружения». При правильном подходе можно много дел наворотить. Вот только даже будь импланты разблокированы, толку мне с них — ноль. Во всяком случае, от лазера и ЭМИ-генератора. Не зря же особо выделена информация о высоком энергопотреблении. В моём нынешнем состоянии не до перерасхода энергии. Перестараюсь — и рухну где-нибудь чушкой безжизненной.

М-да, вот и дополнительная мотивация найти блок Эдема. Хотя, что может мотивировать сильнее, чем угроза скорой смерти? Впрочем, если удастся разобраться с вирусом, вылечить лучевую болезнь и всё прочее, то разблокировка имплантов станет приятным бонусом. Что-то мне подсказывает, что в дивном новом мире без оружия долго не живут, даже если в электронных мозгах не окопался вирус, стремящийся тебя убить. А я всё же планировал пожить подольше, раз уж до сих пор не сдох.

Я уже практически «свернул" изображение, когда заметил ещё две точки, краснеющие на кистях рук, на самом сгибе. Приблизив этот участок, я прочитал:

«Холодное оружие ближнего боя. Выдвижные клинки из титанового сплава. Предназначение: уничтожение живой силы противника».

Интересно.

— Слушай, а клинки тоже заблокированы? Это, вроде как не вундервафля какая-то, обычный холодняк. Не для массового уничтожения. Может, их оставили?

— Ответ отрицательный. Все боевые импланты заблокированы согласно директиве 4.1.

— Да что это за директива такая?

— «Для обеспечения безопасности научного персонала и гражданских лиц, боевые импланты дефектного изделия блокируются до устранения дефекта. Приоритет директивы — наивысший».

Дефектное изделие, значит… Интересно…

— Директива активирована сразу после поражения вирусом, — словно прочитав мои мысли, проговорил Симба. — Во избежание нанесения вреда имуществу и персонала Эдема.

— То есть, где-то есть выживший персонал? — вскинулся я.

— Информация отсутствует, — бесстрастно ответил Симба.

Ну да. Кто бы сомневался… Ладно. А если вот так?

— Ты можешь обойти ограничение? — напрямую спросил я Симбу.

Пауза. Ничего себе. Я смог задать вопрос, на который электронный эрудит не знает ответа? Или он сам никогда не задумывался над тем, чтобы хакнуть собственную прошивку? Интересно.

— Учитывая, что обход ограничения необходим для продолжения функционирования носителя, попытка изменения системных файлов признаётся оправданной. На работу потребуется около тридцати процентов системных ресурсов. Прогноз результата недоступен. Прогноз времени, необходимого для получения результата — недоступен. Требуется непосредственная команда носителя.

— Приказываю тебе снять ограничение на использование боевых имплантов. Разрешаю предпринимать любые действия, направленные на решение этой задачи. Для решений, которые могут повлечь серьёзные изменения в функционировании носителя — запрашивать подтверждение.

— Принято. Начинаю работу.

Тьфу, блин. Сам как железяка говорить начинаю. Ладно. Ждать с моря погоды смысла нет. Нужно двигаться. Куда? Да чёрт его знает. Хотя бы к вон той громаде полуразрушенного торгово-развлекательного центра, что виднеется в окне. Такие штуки обычно строили в центре района. Доберусь, огляжусь, пойму, где именно я нахожусь — и оттуда

уже плясать буду. Хорошо бы ещё еды какой-нибудь отыскать… И воды. Хотя еда, всё же, в приоритете. Пить хотелось, но не так чтоб совсем уж жажда мучила, а вот от голода кишки уже подводить начинало. Неудивительно. Если вся эта электронная трахомудия черпает энергию непосредственно из меня — обмен веществ должен быть просто бешеный. Так что подзаправиться для меня теперь в отношении еды не просто фигура речи.

— Принято, — хрипло сказал я.

Я продолжил спуск по чудом уцелевшей лестнице. Выше пары пролётов не хватало, их обломки валялись у меня под ногами, но на нижних этажах выглядели надёжными даже ржавые перила. Мистика прямо.

Над выходом из подъезда покачивалась стрёмная растительность чёрно-бурого цвета. С ней я уже познакомился, когда заходил сюда. Потому и не удивился, когда длинная лоза внезапно взметнулась хлыстом и рванулась ко мне. Тело среагировало будто само по себе, на голых инстинктах. Я пригнулся и прыгнул вперёд, стелясь над самой землёй, приземлился на руки, перекатился, и, вскочив на ноги, обернулся. Промахнувшись, лоза будто уснула, снова повиснув плетью. Интересное кино. Подозреваю, что это не простая герань с окошка, и не дикий виноград, изменившийся до неузнаваемости. Непростая флора, голову готов дать на отсечение, что эта фигня — хищная. Неясно, чем именно она питается, но, учитывая, как растение на меня набросилось — лучше дер-

жаться от него подальше.

Я огляделся, прикидывая, как лучше двигаться.

Широкая улица была поделена на две части сквером, разделяющим полосы движения транспорта. Ну, точнее, сквером это было когда-то давно. А сейчас больше напоминало непроходимый лес того же чёрно-бурого цвета, что и растительность, затянувшая фасад дома у меня за спиной. Несмотря на отсутствие ветра, ветви этого самого леса периодически приходили в движение. Судя по будто высушенным вороньим трупикам, то здесь, то там валяющихся на растрескавшемся асфальте, лес был не дурак пожрать. Так. Туда я соваться не буду. Береженого бог бережёт, как говорится. Лучше идти вдоль стен зданий, перебираясь через завалы и рискуя получить по башке обломком бетона, отвалившимся от какого-нибудь балкона, чем повторить участь этих птичек.

Будто в подтверждение того, что я принял правильное решение, одна из ветвей «леса» резко метнулась в сторону, щёлкнув, словно бич-шамберьер, и обвилась вокруг пролетавшей вороны. Несколько мгновений — и на землю упал тёмный трупик. То, что ещё несколько секунд назад было вполне живой птицей, превратилось в засушенную, словно для школьного класса биологии, тушку. Однако… Нет, я туда точно не пойду!

Идти оказалось тяжело. Вдоль домов было полно строительного мусора и приходилось внимательно смотреть под

ноги и выбирать места как можно чище. Не хотелось бы повредить ногу, напоровшись на кусок арматуры или провалившись ногой в трещину. Я и сейчас-то себя не сказать, что прекрасно чувствую, а со сломанной ногой совсем швах будет.

Пробираясь через завалы, я прошёл примерно с километр и добрался до перекрёстка. Лес справа закончился: сквер рассекла дорога, перебраться через которую мутировавшая флора не смогла. Я остановился, осматриваясь, как вдруг мой электронный спутник вновь напомнил о своём существовании.

— Внимание на одиннадцать часов. Регистрирую движение. Теплокровные организмы, двенадцать единиц.

Я присел за прогнившим кузовом легковушки, приткнувшимся у обочины, и посмотрел в указанном направлении. Первые несколько секунд я не видел вообще ничего, кроме дороги, раскуроченных машин и завалов мусора, но потом сумел засечь какое-то движение. Изображение внезапно увеличилось, и я смог рассмотреть смазанный силуэт, скользнувший вдоль стены.

Несомненно, это был человек. Камуфляжные штаны, тёмная, потрёпанная куртка, какая-то обувь. В руках — оружие. Нечто, напоминающее кустарный самострел. О, а вот ещё один. По одежде — что-то среднее между грибником и охранником, руки сжимают арбалет — тоже явно самодельный. За ним мелькнул ещё один.

Что-то в этих людях было не так. Что именно — я пока понять не мог. Да и неважно это было. Гораздо более важным мне казался сам факт того, что в этом мёртвом мире я встретил людей. До этой секунды меня не отпускало чувство, которое я изо всех сил пытался гнать прочь. Ощущение беспредельного одиночества. Нет-нет, да и срывались мысли на то, что я остался один. Единственный человек на планете. Брр! Даже подумать страшно. А тут — люди. Выжившие. И это просто отлично. Как минимум у них можно узнать что-то новое, как максимум — разжиться водой или пищей. А лучше и тем и другим. Конечно, они вооружены и насторожены, но не станут же они стрелять в первого встречного, особенно если он без оружия и не имеет враждебных намерений?

— Я собираюсь выйти. Смотри по сторонам и предупреди меня, если заметишь что-то подозрительное, — я поймал себя на мысли, что общаюсь с имплантом, как с человеком, и невесело усмехнулся. Впрочем, сильно ли он от меня отличается? Не сказать чтоб особо. И он, и я нынче — не более, чем последовательность нулей и единиц программного кода в памяти чипа. Единственное отличие — он был таким изначально, а меня таким сделали. Невелика разница, если вдуматься.

Неизвестные бойцы собрались в кучу перед тем, как переходить через дорогу, ощетинились оружием и быстро двинулись вперёд. Я решил, что сейчас наиболее подходящий момент, чтобы выйти из укрытия. Лучше начать общение на

расстоянии.

Я выпрямился, поднял руки вверх и шагнул на дорогу.

— Привет, парни. Я — Антей. У меня тут несколько затруднительное положение. Можем пообщаться?

М-да. Вот уж я мастер красноречия. Худшего начала разговора и представить сложно. Правда, сомневаюсь, что «парни» хоть что-то поняли. Слишком они оказались ошарашены видом мужика в чёрном, возникшего перед ними с поднятыми руками.

Надо отдать ребятам должное: пришли в себя они очень быстро. Только вот реакция у них оказалась совсем не такой, как я ожидал.

Грохнул не очень меткий выстрел, и стена позади меня брызнула бетонным крошевом. Я выругался и отскочил в сторону. Очень вовремя, потому что в следующую секунду по кузову машины чиркнул арбалетный болт. Я высунулся и успел увидеть, как вся толпа мчится ко мне. И, кажется, совсем не для того, чтобы поприветствовать одинокого путника, непонятно как оказавшегося среди руин.

— Регистрирую чётко выраженную агрессию. Загружаю боевые протоколы, — раздалось у меня в голове.

— Запускаю активное целеуказание, — в глазах зарябило, а потом…

Чёрт побери, я такое раньше только в кино про роботов видел! Фигурка каждого из нападающих оказалась подсвечена красным квадратом, части тела перед глазами вспыхивали

разными цветами, в уголке глаза прокручивались трёхмерные проекции оружия нападающих. Через секунду мельтешение прекратилось, а над каждым из несущихся бойцов появилась цифра, от одного до двенадцати. Учитывая, что единица светилась над единственным в группе обладателем автоматического огнестрела — доисторического автомата, наверняка извлечённого из недр мобилизационного склада, а цифра двенадцать — над персонажем, сжимающим в руках обычную дубину, я предположил, что цифры означают уровень опасности, исходящей от каждого из бойцов. Ну, или приоритет в ликвидации. Что, в принципе, в данной ситуации одно и то же.

Персонаж с автоматом вжал деревянный приклад в плечо и выпустил длинную очередь. Вот болван! Он что, первый раз из своей пушки стреляет? Вон как ствол увело! Вместо того чтобы хотя бы зацепить меня, пули снова ударили по многострадальной стене. Впрочем, даже если бы он и выстрелил правильно, по мне он не попал бы всё равно. Потому что я в несколько прыжков преодолел дорогу и как раз нырял в щель между домами, проскальзывая во внутренний двор. Судя по крикам за спиной, вся орава рванула следом.

— Активирую мышечные усилители! — отчитался имплант, и я неожиданно почувствовал ускорение. Моментально просчитав ситуацию, я изменил направление, рванул к стене, и, мощно оттолкнувшись от неё, взлетел на козырёк подъезда. Источенный временем и непогодой бетон не вы-

держал такого издевательства, и козырёк с грохотом осыпался на землю, но я уже влетал в окно второго этажа, вынося телом древний стеклопакет.

Преследователи ввалились во двор и замерли. Особым умом, судя по всему, ребята не отличались и сейчас пытались понять, куда делась их жертва. А жертва в это время рассматривала незадачливых охотников с балкона третьего этажа, сжимая в руке половинку кирпича.

Сейчас, рассмотрев парнишек с близкого расстояния, я понял, что мысль выйти к ним была несколько опрометчивой. Разгляди я их в подробностях раньше, обошёл бы десятой дорогой. Да, они были похожи на людей. Примерно так же, как на людей походили обезьяны. Спутать можно только издалека, да и то, из-за одежды.

Мои преследователи были мутантами. Иначе объяснить увиденное мне никак не удавалось. Маловероятно, что это цирк уродов на гастролях. Подобный цирк давно бы разорился — ибо это были уроды среди уродов, и вряд ли нашлись бы желающие смотреть на это.

У ближайшего ко мне, того самого, под номером двенадцать, было три руки. Две из них сжимали дубину, утыканную обрезками арматуры, а третья, растущая из середины груди, тонкая и суставчатая, была обёрнута вокруг пояса. Ближний к нему мутант щеголял рудиментарной второй головой, уродливой опухолью торчащей рядом с основной бестолковкой. У кого-то на руках было по дополнительному су-

ставу, кто-то скрывал под курткой чудовищный горб. Те ещё красавчики, в общем. Сделать такое с людьми мог только устойчивый, сильный радиационный фон. Что такая прожарка сделала с мозгами бедолаг — остаётся только догадываться. Но то, что ничего хорошего — это факт.

Я взвесил в руке половинку кирпича. Имплант тут же услужливо подсветил затылок типа с автоматом, выведя заодно расстояние до цели и прочертив траекторию броска. Нехорошо, конечно, вот так вот, из засады… Но они сами начали.

Я коротко размахнулся и отправил кирпич в полёт. Разогнанный мышечными усилителями бросок оказался точным и сильным. Послышалось громкое «чвяк",и вражеский боец рухнул на землю с размозжённым затылком. Не успели мутанты понять, что произошло, а в воздухе свистнули ещё два кирпича, отправившиеся к целям. А потом я просто ухватился за перила и сиганул вниз.

— Переход в боевой режим! Активация нейрогена! — доложил имплант. Спасибо, как раз вовремя! Правда, я думал, что уже в этом самом боевом режиме, а, оказывается, нереальные прыжки и разгон кирпичей до скорости пули — это ещё не оно. Что ж. Глянем, что там за боевой режим.

Я приземлился там, где и планировал — позади мутанта с дубиной. Удар ребром ладони по шее, характерный треск — и он неспешно, будто в замедленной съёмке, валится на землю. Я успеваю вырвать у него из рук дубину и запустить

её в также медленно, как во сне, поворачивающегося мутанта с арбалетом.

Слышится влажный хруст, с которым дубина вминает внутрь лицевые кости черепа арбалетчика. Уже будучи трупом, он успевает выстрелить. Я с удивлением смотрю на медленно летящий болт, хватаю ближайшего мутанта и толкаю его навстречу летящему снаряду. Слышится удар, тело с торчащим из головы оперением болта валится назад. Ударом ноги я меняю его траекторию, отправляя труп в сторону бойца с обрезом вертикалки. Удар настолько силён, что бойца сносит с места и впечатывает в стену. Я же вырываю из руки одного из мутантов арматурину, попутно ломая уроду кисть, перехватываю дубину удобнее за импровизированную рукоять, заботливо перемотанную обрывками резины, и прыгаю вперёд… Перед глазами — красная пелена. Ну, идите сюда, уроды…

Через несколько секунд всё было кончено. Я замер, тяжело дыша и борясь с внезапно нахлынувшей слабостью, тошнотой и головокружением.

— Боевой режим деактивирован — бесстрастно отрапортовал имплант-симбионт. — Длительность работы — девять секунд. Состояние носителя — удовлетворительное. В дальнейшем не рекомендуется активация боевого режима больше чем на три секунды, рекомендуется воздержаться от использования нейрогена.

Чего? Девять секунд? Я огляделся.

Я стоял посреди кучи изломанных тел, сжимая в руке окровавленную арматурину с налипшими на металл пучками волос. Живых не было. Двенадцать человек — точнее, мутантов — за девять секунд превратились в кучу бездыханного мяса. Меньше, чем по секунде на брата. Не слабо. Ну, ладно, больше, потому что троих я убил кирпичами. Но всё равно впечатляющий результат.

Сзади послышался стон. Я резко развернулся, и отдав мысленную команду, метнул арматурину. Команда сработала как надо. Усилители отправили в мышцы короткий импульс — и бедолага, которого я сбил с ног в начале боя, замер, прибитый арматуриной к стене.

— Ни фига себе… — пробормотал я. — Слышь, Симбионт, что это было?

— При выбросе нейрогена реакции организма ускоряются. Визуально создаётся эффект замедления времени. — голос Симбы звучал на фоне адреналинового угара. — Благодаря этому носитель получает боевоепреимущество.

Да уж. Получает, ничего не скажешь. Я, по ощущениям, и раньше не промах парень был, но такой результат… Да уж. По ощущениям — будто супергероем стал. Жаль, что ненадолго.

— Нормально… Я и не знал, что так умею. Спасибо, Симба. Без тебя бы я не справился.

Имплант не отозвался. Наверное, был занят поиском обхода блокировки. Ну, ладно. Кстати. Уроды — уродами, но

жрать-то что-то эти мутанты должны, верно? Да и без воды вряд ли они в свой поход бы выдвинулись. А значит, что? Значит, самое время заняться сбором трофеев. Да и оружие не помешает…

Я окинул взглядом груду изломанных тел, и, под бурчание настоятельно требующего пищи желудка, занялся мародёркой.

Надеюсь, еда у этих парней выглядит не так же отвратительно, как они сами…

Глава 5

Вблизи мёртвые уродцы выглядели ещё отвратительнее. Особенно учитывая тот факт, что радиация, хоть и исковеркала их тела до неузнаваемости, однако естественных свойств организма не отменила. Ну а меня неведомые биоинженеры обоняния не лишили. Хотя, полагаю, попроси я Симбу вырубить рецепторы — он бы это сделал. Но я просить не стал, поэтому дышать, обирая мутантов, старался исключительно ртом. Не выдерживает сфинктер в момент смерти хозяина, расслабляется, что ж тут поделаешь… Да и при жизни гигиена явно не была коньком этих ребят. Так что поиск трофеев оказался несколько затруднён. Ну, да ладно, мы не из брезгливых. И не такое видеть доводилось.

В первую очередь я занялся гордым обладателем автомата. Ствол древний, но, при должном подходе, толковый. Особенно в ближнем бою. Мне он ох, как пригодится! Вот только меня ждало суровое разочарование. Хватило беглого взгляда на оружие, чтобы понять: для дальнейшего использования оно не пригодно. Не помню, в какой момент, но по автомату прилетело моей арматуриной, да так, что затворная коробка — просто в хлам. М-да. Теперь из него не постреляешь. Сомневаюсь, что запасные части тут на каждом шагу валяются. Жалко оставлять, но и таскать на себе изувеченный и бесполезный ствол просто бессмысленно. Что ж. Посмотрим, что

тут у нас ещё есть.

Следующим на очереди был горбатый парень с обрезом. Судя по залитым кровью, но ещё недавно весьма богатым шмоткам — командир этого отряда неудачников. Ну, как богатым? По местным меркам, разумеется. Вытертая добела кожаная куртка с черепами каких-то мелких животных на плечах, видавшие гораздо лучшие времена камуфляжные штаны и относительно годные ботинки с высоким берцем. За плечами — стандартный солдатский вещмешок. Ладно, вещмешком мы займёмся позже, а пока глянем, что там за ствол был у этого предводителя команчей.

Взяв обрез в руки, я даже присвистнул. Ну надо же! Раритет какой! Охотничья двустволка, еще и гладкоствольная, не нарезная даже! Где он его откопать умудрился? Это ж сколько лет этой пушке, а? Впрочем, раз до сих пор не сгнила и функционирует — проблем с ней и в дальнейшем не будет. Особенно если разобрать и почистить, этот головорез подобными действиями явно не заморачивался. Ну, ничего. Найдём время — сделаем. Как новенький будет.

А вот отсутствие патронов расстроило. Ни в куртке, ни в карманах изгаженных штанов дополнительного боекомплекта я не нашёл. Видать, я показался этому Чингачгуку очень важной и значимой фигурой, коль он по мне решил столь драгоценными боеприпасами пулять. Гад, не мог придержать, всё равно ведь промахнулся! Четыре патрона всяко лучше двух, оставшихся в обрезе. Ну, да ладно. Для начала и

это неплохо. Нечего мордой кривить. Главное, чтобы от них вообще толк какой-то был. Сколько раз и чем переснаряжались гильзы я даже гадать не стал.

А вот результаты ревизии вещмешка порадовали. Во-первых, там, нежданно-негаданно, нашлась целая коробка патронов для обреза. Двадцать штук, с крупной дробью. Вот это очень хорошо! Возможно, даже лучше пластиковой бутылки с чуть мутноватой водой и свёртка с сушёными полосками мяса неизвестного происхождения. В общем, вещмешок я экспроприировал полностью, со всем содержимым, вытряхнув лишь какие-то вонючие тряпки, которые уродец не постеснялся таскать рядом с едой. Насколько она съедобна — посмотрим позже. А пока надо бы проверить остальные тела.

Едва я об этом подумал, как послышался голос Симбы.

— Регистрирую подозрительную активность. Направление…

— Тихо!

Активность эту уже и я сам "зарегистрировал". Откуда-то со стороны дороги слышалось завывание сервоприводов и частый металлический перестук. Разбираться в происхождении этого звука я не стал, а просто нырнул в тот же подъезд, в котором прятался от мутантов. Только на второй этаж в этот раз подниматься не стал. Просто пнул дверь квартиры, поймал её, когда она уже готова была завалиться внутрь, и, проскочив через короткий коридор, расположился под ок-

ном тесной кухоньки.

Ретировался я вовремя. Буквально через несколько секунд перестук и звук работающих механизмов стал громче, и на большой куче мусора, преграждающей вход во двор, с другой стороны, появилось нечто.

Больше всего нечто напоминало огромного металлического паука. Ну, или краба. Да, скорее даже краба. Восемь суставчатых стальных ног, приплюснутое тело, два хватательных манипулятора, клешнями торчащие из корпуса. И даже глаза на стебельках. Ну, не глаза, понятно, что камеры. Но сходство поразительное. Где-то я такого парня уже видел.

[ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА]

>Объект идентифицирован успешно. Заражённый рипер. Средний сборщик Эдема. Статус: враждебный.

О как. Ну да. Это у нас, получается, старший братишка малого сборщика, с которым я уже успел повстречаться. Вот только этот — заражённый и враждебный. Замечательно.

Не успел я как следует рассмотреть железную зверушку, как робот соскочил с кучи и деловито засеменил к трупам мутантов. Потоптавшись вокруг, он замер и с щелчком выдвинул длинную телескопическую антенну.

— Готовлюсь к перехвату информации, — тут же доложил Симба.

— Отставить! — шикнул я. Ещё не хватало, чтоб эта жестянка нас обнаружила. Неизвестно кому она радирует.

Сборщик замер на некоторое время, а потом антенна с тем же звуком сложилась обратно. Робот стоял на месте, будто чего-то ожидая. И уже через пару минут стало понятно, чего именно.

В отдалении послышался шум шагов. Нет, даже не так — ШАГОВ. Вот так правильно. Так могли бы звучать… ну, не знаю. Пресловутые шаги статуи Командора. Или Тилли-Вилли из книжки Волкова, прочитанной в детстве. Или имперского шагохода из легендарной фантастической саги. Я даже не мог себе представить, насколько я близок к истине, делая подобные предположения.

Загрохотало так, что с потолка посыпалась штукатурка, а потом между домами возникла огромная стальная туша.

Высотой творение неизвестных мастеров было метров шесть-восемь — вытянутая башня заслоняла окна третьего этажа. Огромные лапы, выгнутые назад, как у упомянутого мной шагохода, продолговатый, скошенный спереди корпус и оружейные пилоны по бокам от него. На плечах — пусковые установки, на подвеске — авиационные пулемёты. Коробов под ленты не видно — либо они находятся непосредственно в корпусе, либо давно сброшены за ненадобностью. И во второй вариант мне, если честно, верилось больше.

На то, что робот знавал куда лучшие годы, указывало многое. От царапин и вмятин на корпусе до плесени, покрыва-

ющей верхнюю часть башни. Очень сомнительно, что находящаяся в таком состоянии боевая машина могла сохранить боекомплект.

Стальной гигант повернулся боком, и я едва не присвистнул, увидев на правом пилоне выцветший трёхцветный флаг. Ну ничего себе, до чего дошёл прогресс… С памятью у меня, конечно, всё плохо, но я почему-то был точно уверен: раньше я таких штук не встречал. И даже не слышал об их существовании.

— Тактический биоробот «Раптор», принадлежность — корпорация «Калашников». Назначение:- поддержка штурмовых биороботов типа «Бастион». Источник энергии — реактор, способный перерабатывать любые биологические отходы. Степень опасности — средняя. Активных боевых систем не обнаружено, — доложил тем временем Симба.

Нормально. Средняя степень опасности. Не очень хочется встречаться с тем, кто, по мнению тактического сопроцессора, представляет высокую степень опасности. Этой туше достаточно пилоном махнуть, чтоб от меня только мокрое место осталось. Да и паук не выглядит беззащитным и безобидным. Интересного, на кой чёрт они сюда припёрлись?

Ответ не заставил себя долго ждать. Раптор, смахнув пилоном балкон с фасада здания, протиснулся во двор и присел на своих куриных лапах, практически поставив корпус на землю. В башне открылся люк. Паук тут же схватил каждым манипулятором по трупу и заспешил к своему «старше-

му товарищу». Оказавшись возле «припаркованного» робота, он ловко забросил в люк оба тела и поскакал назад.

Шесть ходок — и в люке исчезли все двенадцать тел. Стоп, поправочка. Одиннадцать. В последнюю ходку паук прихватил только одно тело. Интересно, почему? Больше не влезет? И, чёрт побери, зачем им трупы-то? Это что, санитарная команда такая?

И снова мне не пришлось мучиться догадками. Ответ появился, когда паук замер над последним оставшимся телом, примерился… и принялся отрывать от него куски, запихивая их куда-то себе под днище. Сейчас робот ещё сильнее походил на краба-падальщика. Он с такой скоростью и жадностью поглощал тело мутанта, что, будь я обычным человеком — меня бы вырвало. Преотвратнейшая картина.

Раптор, тем временем, закрыл люк и поднялся во весь рост. Интересно, мне кажется, или он начал двигаться быстрее? Да, действительно. Все движения робота ускорились и стали более чёткими. Ну да. Теперь понятно, что имелось в виду при упоминании биологического реактора. Эти твари просто жрали трупы!

Увидев всё, что требовалось, я аккуратно опустился на пол и замер под подоконником. Главное теперь — не привлечь к себе внимания. Мне этим железякам противопоставить нечего. Тут не обрез, тут «Шмель» нужен. И то не факт, что справится. Думается мне, не всё так просто с этими роботами. Иначе с такими габаритами их бы теми же «Шме-

лями» давным-давно и пожгли. Да и РПГ с кумулятивными никто не отменял. Нет уж, я лучше тут тихонечко посижу и дождусь, пока они свалят. А потом сделаю большой-большой крюк, чтобы с ними гарантировано по дороге не встретиться. Это не бедные уродцы, покорёженные радиацией. Тут мой боевой режим не взлетит.

Ждать пришлось не так уж и долго. Паукокраб быстро расправился со своей трапезой и нырнул в проход между домами. Через минуту за ним двинулся и его «большой брат». Я дождался, пока грохот шагов робота стихнет вдалеке, и только тогда выбрался из своего укрытия.

Да уж, кажется, я был слишком самонадеян, рассчитывая добраться до станции Эдема за несколько часов. Если по улицам разрушенной Москвы бродят такие ребята… До места можно и не дойти. Да, крупный робот медлителен и неповоротлив. Но что-то мне подсказывало, что его обслуга догонит меня легко и непринуждённо.

Подумав, я решил двигаться дворами. Здесь, по крайней мере, есть где спрятаться, в случае чего. Правда, гипотетические противники тоже могли надёжно укрыться среди коробок зданий и в тёмных оконных проёмах. Но «Раптор» в подворотне точно не затаится, а больше мне, после увиденного, бояться некого особо.

Как выяснилось, я ошибался. Бояться нужно было не только гигантских роботов или уродов-мутантов. Флора в Москве нового образца была не менее опасной.

Узнал об этом я, когда попытался протиснуться через красновато-чёрные кусты, перекрывшие проход между домами. Едва я углубился в их заросли, как ветви тут же пришли в движение, откуда ни возьмись появились гибкие плети лиан, опутавшие мои ноги, и не успел я дёрнуться, как оказался плотно спелёнутым по рукам и ногам. Откуда-то из кроны куста вынырнули тонкие побеги, принявшиеся обшаривать моё тело. Правда, создавалось впечатление, что искомое они обнаружить никак не могут. Вот один отросток нырнул под рукав куртки, пошарил там, потыкался в голую кожу и недоумевающе вылез обратно. Ещё через несколько секунд хватка ослабла, а потом я снова оказался на земле.

— Во тварь какая... — Пробормотал я сквозь зубы. Да уж. Останься я человеком — меня бы сейчас досуха высосали. Есть плюсы в моём положении, есть. Вот только почему они меня не радуют?

Симба притих. Видимо, всерьёз увлёкся задачей по обходу таинственной директивы, блокирующей доступ к боевым имплантам. Ну, пусть поработает. Мне сейчас в тишине и одиночестве даже лучше. Диковато несколько слышать голос в своей башке, каждый раз напоминающий мне о том, что я больше… Как бы так помягче сказать? Что я больше не совсем человек. Или совсем не человек. Чёрт. Гнать такие мысли. Интересно, может ли оцифрованное сознание сойти с ума?

Через некоторое время, перебираясь через развалины и

обходя стороной хищные кусты, я добрался до параллельной улицы. Не просто улицы — широкого проспекта в четыре полосы, разделённого узенькой полоской скверика. Ну, вернее, скверик это было в прошлом. Сейчас же — такой же плотоядный лес, как и виденный раньше. Где-то далеко справа виднелся… Да, спуск в метро! А в отдалении, на чистом пятачке — полуразваленная громада какого-то здания, на фасаде которого осталось ещё несколько огромных букв. «А...ДО... СКОП». Хм… Что-то знакомое. Прямо вертится в голове. Надо бы продвинуться к метро. Если там какие-то опознавательные знаки остались — тогда я точно пойму, где нахожусь.

Передвигаться здесь было нисколько не легче, чем по дворам. Улица когда-то была весьма оживлённой и сейчас была запружена навеки замершими, заржавленными остовами машин. Машины были не только на проезжей части — немало их осталось и на тротуаре. Видимо, организованной эвакуации не было, а произошло всё достаточно внезапно. И хорошо, если люди просто бросили машины, спасаясь бегством, а не остались в них навсегда.

Дальше — больше. Метров через двести я увидел совсем уж сюрреалистичную картину. Прямо в груде машин, «собранных» по дороге, как ледокол во льдах, застрял танк. Перед тем как замереть навеки, боевая машина пёрла посреди дороги, через малолитражки и внедорожники. То ли механик-водитель куда-то очень сильно спешил, то ли… То ли он

просто сошёл с ума. И почему-то во второе верилось больше.

Танк стоял криво, опорные катки справа покоились на полураздавленном кроссовере. Странно. Неужели такая техника могла застрять? Или сдох движок, и экипаж не смог оживить машину?

Пройдя дальше, мне, стала понятна причина остановки танка. В задней части боевой машины зияла огромная дыра с оплавленными краями. Ого. Это чем его так? Я такого не видел никогда. Кроме того, дыра — есть, металл по краям оплавлен, но в целом машина в порядке. Офигеть. Это, чем по танку стреляли-то?

Я вспомнил оружейные пилоны встреченного робота, и меня передёрнуло. Какая разница — чем? Главное — результат. Который вот он, передо мной.

Чем ближе я продвигался к спуску в метро, тем больше замедлялся и старался прятаться «в складках местности» — за перекошенными ларьками и перевёрнутыми машинами. Не знаю, почему, но разверстый зев спуска в подземку мне активно не нравился. Можно называть это интуицией, шестым чувством, чем угодно — но с каждым шагом всё больше хотелось оказаться как можно дальше от входа. Странно. Очень странно. Ладно. Сильно близко и не пойду. Ещё метров сто — и можно будет рассмотреть надпись. Если она, конечно, ещё сохранилась. Но сто метров — чёрт, слишком близко. Хотя, стоп!

Я высунулся из-за машины и посмотрел в сторону входа

в метро. Чуть напряг зрение… Оп-па! Изображение плавно приблизилось. Сначала слегка размытое, но через доли секунды навелась резкость. Ого! Да я теперь Соколиный Глаз! Ещё немного приблизив изображение, я увидел обшарпанную плиту, заросшую чёрным вьюном, через который пробивались фактурные буквы:

“С...О..НЕНС...АЯ”. Сходненская!

Так, хорошо. Ориентир получен. Отсюда трек маршрута, построенного Симбой, уходил вправо. Получается, если двигаться вправо, вдоль проспект, вскоре я выйду к Сходненскому каналу. А там и до ГЭС рукой подать. Так. Если это станция метро «Сходненская», значит, разрушенная громада на «пятачке» — торгово-развлекательный центр “Калейдоскоп”!

Внезапно в голове будто что-то стрельнуло, и я на секунду завис. А потом меня и вовсе куда-то унесло на волне внезапно прорезавшихся воспоминаний.

Я — в белой футболке и синих джинсах, стою возле дорожки в боулинге. Сзади — стол, за которым гомонит компания. Это — мои друзья. Чёрт, почему я не могу вспомнить их имена?

Парень, чуть пониже меня ростом, берёт шар и поворачивается ко мне.

— Кажется, тебе нужно дать мастер-класс. Смотри! Берёшь шар, — он просовывает пальцы в отверстии на шаре для боулинга, — целишься по центру дорожки. Маленький

разбег — пара шагов, не больше — бросаешь!

Шар срывается с его руки, мягко касается покрытия дорожки, и, набирая скорость, устремляется к батарее кеглей. Удар! Над головой звучит победный сигнал. Я поднимаю взгляд и смотрю на монитор: страйк!

— Понял?

В голове снова щёлкнуло и меня выбросило назад в реальность.

Что это было? Возвращается память? Если да — то как-то обрывочно. Ведь я не смог вспомнить, ни как зовут ребят за столом, ни имени товарища, дававшего мне урок. Грёбаный электромагнитный импульс!

— Симба, приём! Ты там живой?

— Технически меня нельзя назвать живым. Я программа с функциями…

— Всё-всё. Я понял, не продолжай. Блин, как бы тебя человеческому языку-то обучить?

— В моей памяти заложено тридцать два языка, на двенадцати из которых я могу изъясняться в совершенстве. Среди них — русский, английский, французский, немецкий, испанский…

— Стоп-стоп-стоп! Хватит! Я ж говорю — не можешь по-человечески разговаривать.

— Просьба уточнить запрос. Человеческий — это диалект русского языка, на котором изъясняется носитель, используя фразеологизмы и сленг?

Я улыбнулся.

— Ну, практически. Ладно, разговор не о том. Мне сейчас вспомнился эпизод из… Прошлой жизни. Я увидел очень яркую картинку — с пробелами, правда, не мог кое-что вспомнить, но это определённо было со мной. Это означает, что ко мне возвращается память?

— Электромагнитный импульс повредил часть нейроматрицы. Чтобы предотвратить распад псевдоличности, аварийная программа заполнила освободившееся место нулями. У носителя сейчас нет доступа к информации, но технически она не утеряна, а скрыта. Полная потеря информации, которую носитель называет памятью, возможна только в случае перезаписи информации в те же сектора накопителя. Учитывая, что матрица носителя — дефектная, скрытая информация во время сбоев может передаваться в основной поток сознания. Чтобы этого избежать, рекомендуется подключиться к диагностическому блоку и отформатировать накопитель, создав резервную копию псевдоличности.

— Я тебе сейчас отформатирую! — буркнул я, но, скорее, автоматически. Имеющихся у меня познаний хватало, чтобы понять, о чём говорит Симба. Вот только понимание мне это совсем не нравится.

— То есть, поступающая информация может заменить скрытую, и тогда восстановить мои воспоминания будет невозможно?

— Ответ утвердительный.

— Слушай, а можно ли каким-то образом защитить эти сектора от перезаписи?

— Ответ утвердительный. Повреждённый участок накопителя можно преобразовать в отдельный логический том и установить защиту от записи.

— Действуй! — я с облегчением выдохнул. Было бы крайне печально добраться до этого самого диагностического блока, если он, конечно, уцелел, и выяснить, что мои воспоминания затёрты новой входящей информацией. А теперь, по крайней мере, есть надежда, что скрытые данные удастся восстановить и я, наконец, узнаю, какого хрена произошло — и со мной, и с миром.

— Готово.

Ого. Как быстро. Ладно. Одной заботой меньше.

— Спасибо.

Имплант не отозвался. Вот бескультурщина! Ну, ничего! Я тебя ещё вежливости научу!

— Как дела с разблокировкой имплантов?

— Статус процесса — в работе. Прогноз времени, необходимого для обхода блокировки — недоступен.

Ну, да. Относительное компьютерное время. То самое, когда во время копирования файлов система тебе пишет, что осталось пять минут, но длиться они могут два часа. Этот хоть честно говорит — мол, фиг его знает, когда получится и получится ли вообще.

— Принял. Продолжай.

Так. Ладно. Что и как там будет с этими имплантами — пока непонятно, да и не к спеху оно. Хотя, полагаю, если Симбе удастся их разблокировать — жить станет значительно проще и веселее. А пока — продолжаем заниматься по плану. То есть двигаем по составленному ассистентом маршруту в сторону станции таинственного Эдема. А дальше… Дальше — по обстоятельствам. Будем надеяться, что на станции найдётся медицинский блок и все мои проблемы будут решены.

Вот только что-то мне подсказывает, что так просто отделаться не получится…

Глава 6

Дорога до сходненской ГЭС заняла гораздо больше времени, чем я рассчитывал. Всё началось с того, что мне пришлось обогнуть руины «Калейдоскопа» по широкой дуге. Понаблюдав за зданием, я заметил некое шевеление, а через некоторое время стало понятно, что, скорее всего, именно оттуда выступил тот отряд мутантов, с которым мне пришлось разбираться. По всей видимости, там у них был лагерь. По крайней мере, я засёк как минимум ещё один отряд, возвращающийся из развалин, и скрылся он именно в здании «Калейдоскопа». Понаблюдав за бывшим ТРЦ с полчаса, я пришёл к выводу, что лучше его обойти стороной. Очень уж активная движуха там происходила.

Потом выяснилось, что большая часть улиц и улочек, ведущих в необходимом направлении, абсолютно непроходимы. Часть завалены обломками, часть — превратились в настоящие джунгли из уже знакомых чёрно-бурых растений. Соваться я туда, разумеется, не стал, решив найти обход. И вот, спустя добрых четыре часа я, наконец, добрался до точки назначения.

Вот только облегчения это не принесло.

Я сидел за бетонным блоком у руин ближайшего к гидроэлектростанции дома и изучал обстановку. И чем больше я подмечал, тем сильнее мне всё это не нравилось.

Станция Эдема на ГЭС выглядела… чужеродно. Вроде бы всё, как и должно быть: плотина, насосная станция, турбинный цех… Но к ним добавились элементы, которых раньше здесь явно не было.

По суше периметр был обнесён высоким бетонно-металлическим забором, на котором ещё сохранялись выцветшие символы: логотип в виде стилизованной буквы G, предупреждающие пиктограммы, надпись «Охраняемая зона. Доступ по протоколу ALPHA».

Над входом в бывшее административное здание располагался массивный щит из чернёной стали, под которым виднелись вмонтированные в стену сенсоры и сканеры. Кабели, обвитые вокруг стен, уходили под землю или тянулись к куполу, смонтированному на крыше — похоже, это была антенна для связи или синхронизации. Но напрягало меня совсем не это. В конце концов, сам термин «станция» предполагал наличие чего-то подобного. Насторожило меня другое.

По периметру сновали шестиногие риперы — крупные, агрессивные, покрытые потускневшей бронёй и фрагментами органики.

Порой один из них останавливался, поднимал голову и водил оптическими сенсорами по руинам. Закончив визуальный осмотр, снова переходил в режим патрулирования, пока не добирался до очередной точки, где процедура повторялась.

[ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА]

Объект: Ripper, модификация SB-6.

Принадлежность: заражённый юнит.

Статус: Враждебный.

Что и требовалось доказать. Прекрасно. Просто прекрасно. Что-то подсказывает, что если вход на станцию охраняют заражённые юниты с враждебным статусом, то и внутри меня вряд ли встретят с распростёртыми объятиями.

Через секунду Симба подтвердил мою догадку.

— Обнаружены множественные заражённые юниты. С вероятностью в 99% командный узел станции заражён, а сам объект неподконтролен Эдему.

Я тихонько выругался. Ну вот и подлечился, ага.

— Давай-ка подробнее. Что значит «объект неподконтролен»? Как такое могло случиться?

— Все элементы инфраструктуры Эдема — включая заводы, ретрансляторы и станции поддержки — должны функционировать в рамках протокола командования ЦБ-ЭДМ, — начал Симба.

— Центральный Блок Эдема, да. И?

— Данные юниты — риперы — не передают сигналы синхронизации. Их поведение несоответствующее. Анализ телеметрии юнита SB-6 показывает множественные конфликты логики. Протокол опознавания союзника отключён.

— Поэтому пометка «враждебный»?

— Подтверждаю.

— А значит, станция теперь… что, сама по себе?

— Система функционирует, но управляется локальным алгоритмом с повреждённой директивой.

— Проще, железяка.

— Она работает, но с вероятностью, стремящейся к ста процентам, командный узел поражён вирусом.

— Таким же, как у меня?

— Вероятно.

Угу. Понятно… Что ничего не понятно. Кроме одного.

— То есть, если я туда сунусь — никакого медблока и никакой помощи, да? Только злобные риперы, возможно, пара рапторов, и огромная вероятность того, что меня там превратят в топливо для биореактора?

— Вероятность подобного исхода стремится к ста процентам, — бесстрастно ответил ассистент.

— Охренительно, просто охренительно. И что ты предлагаешь мне делать?

— Анализ вариантов…

Я прикрыл глаза. Похоже, лёгкой прогулки у меня не выйдет. Впрочем, я с самого начала подозревал, что все окажется не так просто, как рисовал мне помощник.

Я только собрался выругаться вслух, как Симба снова «заговорил», Причем, не в привычной уже бесстрастно-витиеватой манере, а на том самом официальном языке, каким он обычно зачитывал важные системные сообщения. Те, что звучали как «Ты умрёшь в течение двух суток».

— Внимание. Сформировано новое задание.

— Что ещё за задание?.. — пробормотал я напрягаясь.

— Объект: станция поддержки Эдема

Статус: заражена. Синхронизация нарушена.

Протокол действий: восстановление контроля.

Текущая цель: восстановить синхронизацию станции.

Чего, блин?

Я выглянул из-за блока, глядя на стену станции, у которой бродили заражённые риперы.

— Ты что, издеваешься сейчас?..

— Ответ отрицательный. Задание сгенерировано на основании анализа тактической обстановки.

— В смысле сгенерировано? Кто вообще выдал это задание? — кажется, я окончательно перестал что-либо понимать.

— Задание сформировано автономным модулем Эдема, — последовал бесстрастный ответ.

— Каким ещё модулем? Я думал, у нас нет связи с Эдемом.

— Ответ положительный. Связь с центральным ядром Эдема отсутствует. Однако на борту носителя функционирует независимый логический блок, интегрированный в структуру ИИ-ассистента.

— То есть… Получается, это ты сгенерировал задание? — «на борту», резанувшее слух, я пропустил мимо ушей. Учить железяку разговаривать будем позже, сейчас задачи другие.

— Уточнение: я являюсь интерфейсом. Решение о фор-

мировании задания принято на основе анализа текущей обстановки, угрозы носителю и глобальной системной директивы: обеспечение работоспособности объектов Эдема, находящихся под угрозой заражения или потери контроля.

— Зашибись… То есть теперь ты мне не просто болванчик в голове, а ещё и полевой командир?

— Некорректная формулировка. Я не могу отдавать приказы носителю. Исключительно рекомендации. И в данном случае я настоятельно рекомендую выполнить задачу, сформированную логическим блоком Эдема. В противном случае вероятность наступления негативных последствий стремится к ста процентам.

Я выругался, в очередной раз пытаясь вычленить из механизированной тарабарщины ассистента смысл сказанного.

— Какие ещё негативные последствия?

— Вывожу полную информацию по заданию.

[НОВОЕ ЗАДАНИЕ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ СТАНЦИЕЙ ЭДЕМА]

Объект: Станция Эдема (идентификатор: СХГЭС-01)

Статус: заражена. Сбой синхронизации. Управляющий сигнал не обнаружен.

**Определён источник сбоя: ретранслятор С-2 неактивен.

Цель задания:

— Обнаружить и осмотреть ретранслятор С-2.

— Восстановить его работоспособность.

— Перезапустить управляющий сигнал.

— Обеспечить синхронизацию станции СХГЭС-01.

— Дождаться завершения протоколов обновления ядра.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ:

— Подтверждение статуса: лояльный юнит Эдема

— Доступ: навигационный модуль

— Доступ: интерактивная карта оперативного района

— Доступ: медицинский блок станции Эдема

ПРИМЕЧАНИЕ:

Невыполнение задачи приведёт к автоматическому изменению статуса юнита.

В СЛУЧАЕ ОТКАЗА ОТ ЗАДАНИЯ:

— Юнит будет помечен как враждебный.

— Доступ ко всем объектам и системам Эдема — заблокирован.

— Боевые юниты Эдема получают директиву на уничтожение субъекта при обнаружении.

— Повторная авторизация в системе Эдема станет невозможной.

Я молчал. Ветер шевелил пыль и мусор. Отлично. Просто отлично. Практически невыполнимое задание, от которого нельзя отказаться — что может быть лучше? Только этого мне сейчас для полного счастья и не хватало. Перспектива стать приоритетной целью для всех боевых юнитов Эдема мне абсолютно не улыбалась. А значит — нужно пытаться задание выполнить. Тем более что и плюшек отсыпали. Кнут

и пряник, так сказать. Я бы, правда, предпочёл просто свалить отсюда по тихой грусти и поискать медблок где-нибудь в другом месте, но теперь уже, по ходу, без вариантов.

Я выругался.

— Ладно, Симба, давай по порядку. Что ещё за ретранслятор?

— Ретранслятор — элемент инфраструктуры Эдема, предназначенный для трансляции управляющего сигнала, — тоном усталого преподавателя, в очередной раз разжёвывающего студенту прописные истины, начал Симба. — В нормальных условиях он обеспечивает постоянную синхронизацию между управляющим ядром и удалёнными станциями, а также между станциями и их обслуживающими юнитами. Без работающего ретранслятора контроль Эдема над станцией невозможен.

— То есть всё это… — я махнул в сторону станции и риперов за стеной. — Оно отбилось от рук, потому что сигнал пропал?

— Подтверждаю. В условиях отсутствия сигнала станция перешла в автономный режим. Диагностические данные указывают на заражение: ядро станции изолировано, юниты функционируют вне протокола. Восстановление сигнала инициирует процедуру полной синхронизации:

— обновление базы ядра,

— перепрошивка обслуживающих юнитов,

— уничтожение вирусного кода.

Я почесал подбородок, прикидывая.

Всё это звучало, конечно, как техномагия, но суть я уловил: стоит заставить ретранслятор снова работать — и станция «вспомнит», кому она подчиняется. Заражённые юниты после лечения сменят статус на «нейтральный» или даже «дружественный», я смогу пройти на станцию и получить, наконец, доступ к медблоку. По крайней мере, так обещает задание. А ещё разблокируется некий навигационный блок, и я получу доступ к интерактивной карте местности. Что ж. Уже неплохо.

— Скажи мне, Симба, — я прищурился. — Медблок на станции точно будет активен?

— При восстановлении контроля — подтверждаю. Все обслуживающие системы, включая медицинский модуль, перейдут в штатный режим.

Я усмехнулся.

— Ну что ж. Похоже, у нас появился план. Хотелось бы, конечно, чтоб он был попроще, но уж какой есть. И где находится этот ретранслятор?

— Местоположение ретранслятора — территория научно-исследовательского института радиосвязи. Отмечаю на карте.

Перед глазами снова развернулась проекция, на которой замерцала новая отметка. Я попытался сориентироваться. Ага. Если я не ошибаюсь, это где-то в районе Тушинской. Так. Не сказать, что далеко, но есть нюанс… Чтобы добрать-

ся туда, нужно как-то попасть на тот берег Сходненского канала. По плотине ГЭС я туда, очевидно, не попаду, в целостности мостов — сильно сомневаюсь. Есть, конечно, ещё один вариант…

Я задумался.

Если вернуться к Сходненской и спуститься в метро, то под землёй можно добраться до следующей станции. Как раз той самой Тушинской. Какова вероятность, что тоннели уцелели? Да довольно высокая, на самом деле. В конце концов, когда-то метро проектировалось, как убежище, с расчётом на бомбардировки… Каких-то серьёзных проседаний почвы я по пути не заметил, а значит, тоннели, скорее всего, не пострадали. А ещё — под землёй гораздо ниже вероятность столкнуться с каким-нибудь раптором или очередным отрядом мутантов. Наверное. В общем, решено. Возвращаюсь. Обидно, конечно, что придётся сделать крюк, но какие у меня ещё варианты? Пожалуй, что никаких. Ну, или этот выглядит наиболее приемлемым. А столкнусь с завалом… В общем, буду решать проблемы по мере их поступления. А сейчас…

— Внимание, опасность! — раздался вдруг голос Симбы, и я вздрогнул.

— Что ещё? — буркнул я, выглядывая из своего укрытия, и замер.

В стремительно темнеющем небе виднелась быстро растущая точка. Оптический имплант приблизил картинку, и я

выругался.

Идентификация объекта: успешно.

Заражённый биомеханоид «Окулюс».

Входит в состав формации Гончий улей.

Статус: враждебный.

Степень опасности: низкая.

— Что это за хрень, Симба? — пробормотал я, разглядывая летающую штуковину, больше всего напоминающую симбиоз разведывательного дрона с летающим падальщиком.

— Разведчик Гончего улья. Носитель замечен и идентифицирован. Рекомендация: немедленное тактическое отступление.

— Что ещё за Улей? — я огляделся, прикидывая маршрут «тактического отступления», а если проще — пути для бегства.

— Биомеханоидная формация Эдема. Функция — разведка, уничтожение. Состоит из…

В этот момент раздался вой, от которого у меня на загривке зашевелились волосы. Выло сразу несколько глоток, и тональность не оставляла сомнений: самым правильным будет прислушаться к рекомендациям Симбы и убраться отсюда как можно скорее.

— Потом расскажешь, — буркнул я, вскакивая на ноги. — А сейчас валим отсюда. И желательно побыстрее.

Глава 7

Гравий хрустнул под ногами, я вылетел из укрытия и нырнул в тень ближайшего проломанного фасада. Слева — рухнувшая остановка с изуродованным остовом автобуса, справа — перекошенный корпус детского сада. Сзади нарастало мерзкое жужжание: «Окулюс», чем бы ни была эта хреновина, надёжно зафиксировал меня и теперь вёл, наверняка сливая координаты… Кому?

— Расчётное время до контакта с боевыми единицами Улья — сорок семь секунд, — сообщил Симба с тем самым бесстрастным тоном, от которого у меня сводило скулы.

— Давай, давай, считай дальше, мать твою… — прошипел я и свернул в переулок.

Здесь обломков и прочего строительного хлама было значительно меньше, и я смог развить приличную скорость. Вот только долбанный наблюдатель, зависший над головой, как приклеенный, был быстрее. Проклятье!

— Симба, что за боевые единицы? — на бегу спросил я. — Чего мне следует опасаться?

— Гончий Улей — биомеханоидная формация. Предназначена для преследования и уничтожения живых целей. Обычно формация состоит из шести юнитов: разведчик «Окулюс», управляющий модуль на базе биотектора «Скольп», четыре боевых юнита класса «Геллхаунд».

— Гелл… что?

— Робопсы. Высокоскоростные штурмовые юниты. Адаптивный интеллект. Тактическая слаженность. Опасность — высокая.

— Прекрасно. Только пушистых терминаторов мне и не хватало… — пробормотал я.

— Корректировка: геллхаундов едва ли можно охарактеризовать, как «пушистые». Наружный покров биороботов состоит из короткой, жёсткой шерсти…

— Ой всё, — фыркнул я, прерывая Симбу. — Ты правда считаешь, что меня сейчас интересуют подробности?

— Я считаю, что сейчас следует увеличить скорость и найти укрытие, чтобы сбить «Окулюс» со следа.

— Я очень рад, что мы думаем в одинаковом направлении, — пробурчал я на бегу. — Есть мысли на этот счёт?

— Анализирую местность…

Я мчался вперёд, как на крыльях, но всё равно меня не отпускало ощущение, что погоня дышит в затылок. Я обогнул завал, перемахнул через полусгнившую легковушку, поднырнул под завалившийся столб…

Позади раздался вой. Низкий, гортанный, заунывный. И было в нём что-то ещё. Необъяснимое и пугающее, вот прямо до дрожи в коленках. Будто выла сама смерть. Стремительная, неотступная и неотвратимая.

Нутро захлестнул страх, первобытный, почти животный, такой, что аж в глазах потемнело. Я сбился с шага, зацепился

за торчащую арматурину и кубарем полетел на землю. Перекатился, вскочил, бешено заозирался, пытаясь подавить панику….

— Симба, что это было? — слегка заикаясь, пробормотал я.

— Вой геллхаунда, — невозмутимо ответил ассистент. — Тактический элемент. Используется для когнитивной дестабилизации цели. Эффективность: высокая. Воздействует на эмоциональные центры и двигательную координацию.

— Охренеть, — пробурчал я. Если и дальше так пойдёт, им за мной и гоняться особо не придётся. Всё, чего мне сейчас хотелось — забиться в тёмный угол и дрожать там, обхватив руками коленки.

— Вой геллхаунда воздействует на нервную систему носителя, заставляет вырабатывать кортизол и адреналин, пробуждает древние поведенческие паттерны, основанные на страхе неизвестного, — продолжал Симба. — Я могу запустить протокол электрохимическрой стабилизации, стимулировать секрецию дофамина и серотонина, чтобы снизить уровень психического воздействия на носителя.

— Я нихрена не понял, что ты тут несёшь, но если это поможет — то действуй, — буркнул я.

— Активация протокола электрохимической стабилизации, — отозвался ассистент.

Пока Симба разбирался, как сделать, чтобы я не навалил себе в штаны, когда преследователи решат снова повыть, я

свернул во дворы и метнулся к ближайшему подъезду. Не то, чтоб я надеялся отсидеться внутри: подозреваю, что этот их Скольп, координирующий Улей, не идиот, и поймёт, куда я делся, пропав из поля зрения, но попытаться запутать наблюдателя не помешает. Кроме того, если верить карте, которую Симба услужливо «подвесил» у меня перед глазами, переулок заканчивался тупиком, а значит, нужно искать другую дорогу. Так почему бы не пройти сквозь здание?

— Регистрирую сигнатуру геллхаунда, — проговорил Симба. — Один из штурмовых юнитов вырвался вперёд. До контакта — тридцать секунд.

Я выругался. Бросил взгляд на карту. Симба подкорректировал интерфейс, и теперь зелёная точка обозначала моё местоположение. Но на карте появилась ещё одна — мерцающая тревожным красным светом. И сейчас она стремительно приближалась.

Проклятье. Уйти не успею. Придётся вступать в бой. Только сначала нужно обеспечить себе более выгодную позицию.

Я пулей взлетел по лестнице, ведущей на второй этаж, рванул на себя ближайшую дверь, грохнул защёлкой и затаился.

Красная точка на карте приблизилась. Я прислушался. Где-то снаружи послышался скрежет, будто металлом по бетону провели. Шаги. Я буквально видел, как смертельно опасная тварь вошла в подъезд и замерла, оглядываясь, сканируя пространство в поисках наглого беглеца.

Снова хруст и скрежет. Геллхаунд поднимался по лестнице. Шаги звучали все ближе и ближе, замерли в считаных метрах. Две точки на карте практически слились в одну…

И снова раздался вой — низкий, проникающий под кожу. Не звук — ощущение. Словно кто-то вонзает в мозг зазубренный крюк и медленно тянет за него. Но теперь на этом всё и закончилось. Мне было неприятно, почти физически больно, но первобытного страха я больше не испытывал. Молодец, Симба,

Но не успел я порадоваться, как за дверью снова скрежетнули когти, а потом что-то ударило в створ. Мне показалось, что даже дом вздрогнул. Дверь дёрнулась, металл захрипел, а задвижку изогнуло. Выругавшись про себя, я упёрся в дверь — и тут же отпрянул.

Вторым ударом жесть порвало, как консервную банку. Внутрь полезла морда — огромная, щёлкающая пастью, похожая на череп крысы в бронекожухе. Глядя на морду геллхаунда, я понял, почему Симба отказывался называть этих тварей пушистыми.

Короткая, жёсткая шерсть росла пучками, практически не скрывая дублёную, покрытую язвами кожу. На лбу у монстра топорщился гребень из свалявшейся белёсой шерсти, уходящей на спину. Из пасти, утыканной клыками, больше похожими на зубья гидравлического инструмента, вырывалось зловонное дыхание.

Адская псина рванулась ещё раз, пролезла до плеч и за-

стряла. Я не стал дожидаться, пока пёс предпримет попытку освободиться. Я начал действовать.

Выдернув из-за спины арматурину, я размахнулся.

От первого же удара у геллхаунда лопнул глаз. С мягким хрустом, будто скорлупа яичная продавилась. Из глазницы плеснуло жёлтой жидкостью, а пёс взвыл — не тем воем, что подавлял волю и заставлял трястись поджилки, нет. Тварь практически визжала от боли, и, хотелось надеяться, страха. Геллхаунд задёргался, пытаясь втянуть морду обратно в коридор, но я ударил во второй раз. Удар пришёлся по пасти, порвал кожу и выворотил несколько зубов. Тварь бешено билась и клокотала, пытаясь вырваться из плена, а я перехватил арматурину, приставил её к пустой глазнице и резко толкнул, наваливаясь на импровизированную ручку всем телом. Прут преодолел слабое сопротивление, что-то хрустнуло, треснуло, а потом арматурина резко пошла вперёд, пока не уткнулась концом в кости затылка. Геллхаунд дёрнулся, задние лапы в коридоре проскребли по бетону, а потом по телу монстра пробежала судорога, и он обмяк. Всё, готов. Минус один.

Я стоял, тяжело дыша. Арматура торчала из головы геллхаунда, как зубочистка из авокадо. Пот стекал по шее. Запах был такой, что желудок сжался в кулак: смесь палёного мяса, гнили и чего-то, что невозможно описать — слишком чужого. Как если бы кто-то сжёг тело на костре из пластиковых кукол. Какая мерзость…

— Угроза нейтрализована, — констатировал Симба.

— Спасибо, блин, а я и не заметил, — буркнул я, выдёргивая арматурину и вытирая её о шерсть геллхаунда. — Вот только есть нюанс: это первый пёс. Из четырёх.

И, словно подтверждая мои слова, в подъезде раздался протяжный вой, эхом отразившийся от бетонных стен. Так. Кажется, пора сваливать.

Рывок — и я лечу в окно. Рама трещит, стекло сыплется крошкой… Сгруппировался, принял асфальт на ладони, перекатился, зацепив плечом обломок кирпича. Больно, блин. Вскочил на ноги, быстро огляделся. Есть проход. Сваливаем!

Над головой послышалось отвратительное жужжание Окулюса, и тут же где-то за спиной прозвучал мощный удар. Второй геллхаунд штурмовал дверь в только что оставленной мною квартире. Ходу, ходу!

Позади раздался треск и звон стекла — геллхаунд доломал и без того развороченную мной раму. Я обернулся на бегу, и едва не упал, споткнувшись.

Пёс пролетел по воздуху добрый десяток метров и мягко приземлился на лапы совсем недалеко от меня. Ещё в квартире, глядя на морду прорвавшейся сквозь дверь твари, я успел проникнуться её размером, сейчас же, увидев геллхаунда целиком, понял, что несколько недооценил масштаб трагедии.

Ростом пёс был, пожалуй, с годовалого телёнка, подозреваю, что и весил столько же. Под шерстью упруго перекаты-

вались мускулы, а лапы в обхвате были побольше моей ноги. Гребень рыжеватой шерсти стоял дыбом, мощные когти царапали асфальт, и весь вид адского пса говорил о том, что, когда он меня догонит, мне не поздоровится. Именно «когда», не «если». Потому что убежать от четырёхлапой машины смерти шансов у меня не было.

Пёс оттолкнулся от земли и взвился в воздух. Не нужно иметь учёную степень по математике, чтобы выстроить примерную траекторию его полёта, и без того ясно — приземлится он прямо на меня. И на этом моя история, полагаю, закончится. Времени на раздумья не было, и я сделал единственное, что мне оставалось в этой ситуации.

Я прыгнул навстречу геллхаунду, ушёл в кувырок, и тут же развернул тело, одновременно нащупывая под пыльником обрез на импровизированной перевязи. Рванул, высвобождая оружие, рухнул на спину и тут же спустил оба курка, целясь в летящую надо мной тень.

Грохнуло так, что у меня аж в ушах зазвенело. Выстрел дуплетом угодил прямо в мягкое, ничем не защищённое брюхо твари. Тварь взвыла, сорвавшись на визг, и уже совсем не так грациозно рухнула набок, забившись в конвульсиях и пытаясь подняться.

Не знаю, чем начинял патроны прежний хозяин обреза, но толк в этом деле он явно знал. Заряд разворотил геллхаунду брюхо, выпустив наружу мутную слизь и обрывки внутренностей. Однако, несмотря на страшную рану, пёс был ещё

жив.

Рыча и дёргаясь, геллхаунд попытался подняться. Задние лапы дрожат, из пасти лезет пена, шея вывернута, глаза в белёсой пелене… И сквозь эту пелену явственно просвечивает боль, ненависть, и единственное желание: добраться до обидчика и разорвать его на части.

И чёрт меня дери, если это ему не удастся!

Прыгнув вперёд, я подхватил первый попавшийся обломок — кусок бетонной плиты с торчащей арматурой. С трудом подняв его, я размахнулся и что было сил обрушил плиту прямо на голову твари.

Хрясь.

Тварь дёрнулась и обмякла, а я выпрямился, тяжело дыша и не веря в то, что у меня всё-таки получилось.

— Ну что, — выдохнул я. — Два из четырёх, да, Симба? Осталось успокоить ещё парочку, и можно будет хоть чайку попить…

— Прогноз некорректный. Вероятность успешного исхода при столкновении носителя с оставшимися штурмовыми юнитами Улья — меньше десяти процентов.

— Спасибо за оптимизм. Я тоже верю в тебя, брат! — скривился я.

И тут по ушам снова ударил вой.

Не тот, что я уже слышал. Этот был полон боли, рвал уши и пробирал до самых позвонков. В нём было что-то… человеческое? Вой перешёл в визг, граничащий с истерикой, буд-

то кто-то страдает так сильно, что орёт не голосом — душой. Вот только есть ли душа у этих тварей? Сомневаюсь.

— Что это ещё за хор мальчиков-кастратов, Симба? — я снова перешёл на бег. Стоять и слушать завывания неведомого урода было некогда, нужно сваливать.

— Источник сигнала: биомеханоид Скольп. Возможная причина: гибель подчинённых юнитов. Скольп настолько тесно связан с подопечными, что испытывает физическую боль при их гибели.

— То есть, у нас тут, прости господи, чувствительный руководитель?

— Уточнение: болевая реакция вызывает всплеск активности. С высокой вероятностью произойдёт переоценка угрозы со стороны носителя. Вероятность вызова подкрепления стремится к ста процентам.

Я витиевато и заковыристо выругался. Замечательно. Убил двух собачек — и теперь за мной будет охотиться вся их родня? Странно, мне казалось, что этот день сильнее уже не испортить…

— Вот бы ты что хорошее сказал… — пробурчал я, на бегу пытаясь перезарядить обрез.

Впереди — тупик. Набирая скорость, снова ныряю в раззявленную пасть подъезда. Шаткие ступени, перекошенный проём, заваленный коридор. Бегу, скользя по пыльному полу, выпрыгиваю в пролом в стене, приземляюсь в хищные кусты, срываясь с места, прежде чем они успевают отреаги-

ровать, перепрыгиваю бетонный блок…

Сзади гремит что-то тяжёлое. Звук, будто бетон треснул. Твою мать! Скосив взгляд на карту, вижу быстро приближающуюся красную точку. За ней — ещё одну. Собратья убитых геллхаундов спешат отомстить. И, такими темпами, у них вполне может это получиться…

Влетев в узкий двор-колодец, я пробежал вдоль остатков детской площадки, зацепил локтем трубу… Впереди — кирпичный забор. Я разгоняюсь, прыгаю, переваливаюсь через стену и снова приземляюсь на ноги. Удар в пятки, хруст в колене, но бежать могу.

Над головой — мерзкое жужжание Окулюса. Тварь механическая! Вот бы мне немного времени и полноразмерный дробовик вместо обреза, с радостью бы с тобой пообщался, хрень летающая… Но чего нет — того нет, а потому прости, бежать надо, дела у меня… Важные, неотложные. Например — не дать сожрать себя парочке адских гончих.

Ноги горят, дыхание рвётся, но я не останавливаюсь. Впереди — пролом в ограде, тёмный провал между домами. Других вариантов, кажется, нет, нужно туда. Бегу, проламываюсь через кусты, на этот раз — вполне обычные, без плотоядных замашек, миную пролом и на миг останавливаюсь.

Впереди раскинулась заброшенная промзона — ржавые контейнеры, сорванные крыши цехов, покосившиеся заборы и бетонные пятна на земле, где когда-то были дороги. В воздухе — стойкий запах масла, озона и гнили. Техногенное

кладбище. Позади слышится вой, причём его источник гораздо ближе, чем мне хотелось бы. Что самое отвратительное — воющему геллхаунду отвечает второй, вот только он находится сильно правее и дальше.

В клещи берут, сучьи дети…

Я рванул вперёд, что было сил. Асфальт под ногами превратился в кашу из грязи, щебня и ржавого железа. Над головой — стрекот и жужжание.

Окулюс.

Никуда не делся.

Крутится, следит. Как стервятник.

Чтоб тебе пусто было, сволочь…

Симба молчит, но я и сам понимаю: если сейчас замедлюсь, мне конец. Вперёд, только вперёд. Пока преследователи не устанут, или я сам не рухну в изнеможении.

И что-то мне подсказывает, что второй вариант развития событий куда как реалистичнее.

И тут, в просвете между корпусами, я увидел здание.

Невысокое, обшарпанное, с заляпанными окнами. На бетонной стене — выцветшая эмблема: круг, в который вписана шестерёнка и надпись «Мосметрострой».

Под ней — полузасыпанный вход с массивной металлической дверью и валяющимся рядом сигнальным конусом.

— Что за хрень, Симба?

— Технический объект. Предположительно — служебный спуск в инфраструктурный тоннель, — тут же ответил

ассистент.

Спуск? В тоннель?

Кажется, мне это подходит.

От слов «служебный спуск» за версту несло теснотой и клаустрофобией. А это значило, что тварям развернуться там будет негде. А вот мне… Интересно, как воспримет гелл-хаунд заряд дроби в морду?

Кажется, сейчас мне подвернётся шанс это проверить.

Я рванул к двери. Дыхание рвалось, грудь сжала петля боли, а в ушах кузнечным молотом грохотал пульс.

Что-то изменилось.

Я скосил взгляд на карту. Красные точки, отмечавшие положение геллхаундов, остановились на солидном удалении от меня. Я не выдержал и обернулся.

Один из геллхаундов совсем по-собачьи сидел в доброй сотне метров, на другой стороне дороги и пристально смотрел на меня. Второй петлял вблизи, нервно, как будто не знал, что делать. Окулюс всё так же кружил вверху, но как будто бы тоже в отдалении. Скольпа, чем бы ни была эта штуковина, видно не было.

— Симба, объясни. Почему они остановились?

— У меня нет ответа, — мне показалось, что в обычно бесстрастном голосе ассистента звучат нотки растерянности. — Возможно, территория помечена для Улья, как запретная.

— Запретная? И кто же может что-либо запретить этим тварям?

— Управляющие алгоритмы. Внутренние директивы. Вероятность утраты целостности Улья.

— То есть… Они боятся сюда идти? — я поёжился. Это что за неведомая хтонь должна быть, чтобы адские твари отказались от преследования из-за страха?

— Ответ отрицательный. Биомеханоиды не испытывают страха. Прекращение преследования может быть вызвано целесообразностью. Приоритет цели ниже приоритета сохранения целостности. Но это лишь теория. Точного ответа у меня нет, поведение биомеханоидов аномально.

Прекрасно. Просто отлично. Когда даже искуственный интеллект не знает, что происходит — значит, всё точно плохо.

Я уставился на служебный вход.

— И чего же, падлы, вы можете там бояться? — пробормотал я, глядя на темнеющий зев двери.

Ответа не последовало. Только ветер прошелестел по ржавым обломкам где-то в стороне.

— Ну и ладно. Не идёте — и хрен с вами.

Я шагнул к двери и потянул за ручку.

Что бы там ни было, других вариантов у меня не было. Или под землю, или назад, в пасть к геллхаундам. Есть там что-то впереди или нету — вопрос дискуссионный, но сзади меня точно ничего хорошего не ждёт. А значит — вперёд и только вперёд.

В конце концов, даже если вас съели, у вас есть, как ми-

нимум, два выхода, а меня пока что ещё никто не проглотил. Кроме того, я всё равно собирался спускаться в метро, а так, получается, ещё и срежу.

Главное, не пожалеть о своём выборе. Но, с другой стороны, что может быть хуже, чем оказаться в пасти геллхаунда?

Внутренний голос мне подсказывал, что, продолжая ломиться вперёд, я вскоре могу получить ответ на этот вопрос, но я приказал ему заткнуться.

Семь бед — один ответ. Я пока жив, а что там впереди — дело десятое.

Так что, будем решать проблемы по мере их поступления.

Глава 8

Дверь в ангар поддалась со скрипом и стоном, словно испытывала физическую боль от того, что впускает кого-то внутрь. Я проскользнул в ангар, тут же прикрыв за собой тяжёлую створку. Внутри пахло сыростью, ржавчиной и застарелой техногенной тоской. Огромное бетонное помещение было забито полуразвалившейся аппаратурой: пульты управления, обесточенные шкафы автоматики. На полу валялись порванные провода, куски облицовки и дохлая крыса, расплющенная так, что от неё осталась только смазанная физиономия.

— Атмосфера — что надо, — пробормотал я, глядя на пыльную табличку: «Объект № 32. Контрольный узел дренажной системы № 4».

Симба молчал. То ли анализировал помещение, то ли переваривал информацию о прекращении преследования. Впрочем, об этом я не жалел — собеседник из ассистента был так себе.

Нашёл я искомое не сразу — спуск в технический тоннель оказался завален грудой хлама. Старый металлический люк, на котором кто-то маркером приписал «НЕ ВСКРЫВАТЬ!». Угу. Спасибо за предупреждение.

Я растащил обломки и попробовал поднять крышку.

Не вышло.

Металл будто прирос к бетону. Ручка покрыта налётом коррозии, сама крышка вварена в обрамление годами бездействия и грязи. Я выругался, поискал глазами подходящий рычаг, не нашёл и потянул из-за плеча верную арматурину. Проверенный друг, мать его. Вставив прут в прореху под крышкой, я примерился, нажал…

— При помощи молотка, зубила и какой-то матери проложим путь к новой цивилизации, — сквозь зубы процедил я. Металл со стоном поддался. Крышка заскрипела, пошла вверх, а потом резко сорвалась с места и хлопнулась в сторону, открыв тёмный провал спуска. Снизу дохнуло…

Это было даже сложно запахом назвать. Застоявшийся воздух вонял гнилью, машинным маслом и чем-то ещё. Сладковато-едким, с отчётливыми нотками разложения. Как в скотомогильнике.

Я отпрянул, морща нос.

— Симба, это что ещё за букет?

— Возможны скопления биоразлагающихся веществ. Повышенная влажность. Загрязнение воздуха летучими токсинами неизвестной природы.

— Проще говоря — смердит, — хмыкнул я.

— Подтверждаю.

— Спасибо, Кэп. Без тебя бы я ни в коем случае не догадался.

Я постоял над тёмным лазом несколько секунд. Воняло так, будто само метро хочет мне что-то сказать. Например,

«проваливай отсюда». Уж слишком этот запах был отталкивающим.

Но отступать было поздно.

Я затянул ремень обреза, поправил вещмешок и вздохнул. Была мысль перекусить перед спуском, но в такой вонище… Ладно, потерпим. Пока тех нескольких кусочков вяленого мяса, что я успел перехватить по дороге к заражённой станции, было достаточно. Я, конечно, не оказался бы от комплексного обеда из трёх блюд, но, кажется, в здешней столовой перерыв. Да и засиживаться тут не стоит. Перемкнёт что-нибудь в башке у геллхаундов, и обедом стану уже я. А мне этого очень не хотелось бы.

Я ухмыльнулся, присел и поставил ногу на первую скобу вмурованной в бетон лестницы. Что ж. Посмотрим, чего там испугались геллхаунды.

Хотя лично я с удовольствием останусь на этот счёт в неведении.

***

Скобы оказались не лестницей, а насмешкой.

Старые, проржавевшие, скользкие и неудобные — остатки ещё советского мракостроя, рассчитанного на людей с короткой жизнью и низкими стандартами безопасности. Каждая вторая — с налётом слизи, будто по ним до меня уже прошлась сотня мокрых, склизких гусениц.

Я сплюнул, выругался шёпотом и продолжил спуск.

Меня окружала тьма, густая и плотная, как мазут. Хотя

кое-какие очертания в ней всё же умудрялся различать. Внизу — тьма. Не фигуральная, нет. Самая настоящая. Густая, плотная, как мазут. Грёбаная чёрная дыра. Но вариантов нет, нужно лезть. Так что…

Металл под ладонью был ожидаемо скользким и влажным. На ощупь — чисто плесень, взбитая в блендере с дохлыми медузами. Под ногой предательски хрустнуло, и я инстинктивно вцепился в скользкий металл крепче.

— Шикарный спуск, просто шикарный, — пробормотал я. — Поскользнулся — и привет. И хорошо, если сразу шею сломаешь… Не хотелось бы доходить, нанизавшись на острые железяки на дне…

Шаг за шагом. Рука — нога, рука — нога… Я медленно переставлял конечности, вцепляясь в каждую скобу, будто в последнюю надежду. Ноги гудят, с подбородка капает пот… Вроде же здесь неглубокое метро, чего так долго-то, а? Может, хватит уже?

— Симба! — позвал я ассистента, просто чтобы услышать свой голос, и в этот момент скоба, за которую я держался обеими руками, с хрустом вылетела из стены.

Я полетел вниз.

Рефлексы сработали быстрее разума. Правая рука — вниз, ловлю следующую скобу. Пальцы скользят по слизи и срываются. Левая рука хватает пустоту, нога скользит, сердце уходит в пятки…

Мне всё же удалось вцепиться в следующую скобу. Меня

мотнуло, по инерции приложило о стену, и я снова едва не сорвался. Фу, блин… Повиснув на вытянутых руках, я попытался найти ногами опору. Удалось не сразу. Поймав подошвами новую скобу, я замер, переводя дух. Вот это, блин, встряхнулся… Сердце молотит, в ушах шумит…

— Незначительная потеря устойчивости, — прокомментировал Симба. — Следует быть осторожнее. Вероятность повторного срыва — высокая.

— Незначительная, говоришь, — прохрипел я, цепляясь за перекладину, будто за родную мать. — Понятно. Спасибо, родной, постараюсь быть более осторожным.

Я перевёл дух и продолжил спуск.

Чтобы буквально через несколько ступенек коснуться дна.

Я представил, как нелепо я выглядел со стороны, судорожно цепляясь за скобы на высоте четырёх метров, и нервно хохотнул. Ну, кто ж знал-то… Лучше нелепо выглядеть, неверно рассчитав высоту, чем рухнуть с высоты девятиэтажки на кучу лома.

Коснувшись пола, я невольно скривился. Под ботинками — каша из пыли, паутины и чего-то мерзко-органического. Замерев на месте, я попытался оглядеться. Удивительно, но сейчас я видел гораздо лучше, чем в начале спуска. Да, можно привыкнуть к темноте… Но не к тьме-то кромешной!

— Я перестроил фоторецепторы сетчатки, активировав ночной профиль. Палочки усилены, колбочки перенастрое-

ны для расширенного спектра, — проговорил Симба, будто прочитав мои мысли.

— Переведи, пожалуйста, с киберпанка на человеческий, — буркнул я.

— Носитель теперь лучше видит в темноте, — будто обидевшись, сухо ответил он. — Но ожидать цветной картинки не стоит. Баланс смещён в сторону восприятия формы и движения.

— Ну, хоть не впотьмах на ощупь. Спасибо, брат, — буркнул я. Ладно, надо идти.

Я оказался в техническом помещении. Судя по маркировке на стене — управляющий узел насосной станции. Две консоли, покрытые слоем пыли толщиной с палец, какие-то древние реле, щитки, распределительные коробки. Кабели, как кишки, свисают с потолка, запутавшись в слоях паутины. В воздухе — смрад. Плесень, гниль, запустение. И ещё что-то — едкое, химически-животное. Запах, который можно резать ножом. Который цепляется к коже и проникает в ноздри, как плесень в хлеб.

— Ну и вонь… — пробормотал я, прикрывая рот предплечьем. — Симба, ты уверен, что тут нет гнезда чего-нибудь особо мерзкого?

— Ответ отрицательный. Высокая влажность, биологическое загрязнение, активных сигналов — нет. Однако рекомендую избегать тактильного контакта с неизвестной органикой.

— А как бы мне это, мать его, сделать? Я тут без костюма химзащиты, если ты не заметил, — пробурчал я. Симба отвечать не стал. Видимо, понял, что вопрос риторический.

Сквозь пыль тянулась едва заметная тропка. Кто-то здесь ходил. Недавно — или давно, но не тысячу лет назад. Паутина порвана, на полу — следы. Похожи на человеческие. Похожие…

Я двинулся по этой тропке.

Каждый шаг отзывался мерзким липким звуком, будто я вступал в кашу из мокрой бумаги и тухлых грибов. Все мускулы невольно напряглись. Подсознание буквально кричало, что за любой кучей хлама может прятаться… Что угодно. Например, то, чего испугался Гончий Улей, прекративший преследование, едва я приблизился к этой дыре. Миленько выйдет, ничего не скажешь.

Проход был узким, загромождённым, местами приходилось пригибаться, местами — протискиваться, но в целом двигаться можно. С потолка что-то свисало, и мне хотелось надеяться, что это были оборванные провода. Очень приятное место, ничего не скажешь…

— Двигаюсь к выходу, — сообщил я скорее себе, чем Симбе. — Очень надеюсь, что за следующим поворотом не окажется сюрприза.

— Вероятность — умеренная.

— Прекрасно. Лучшее, что я сегодня слышал. Продолжай в том же духе, и мы подружимся.

Узкий тоннель впереди заканчивался дверью. Металл, смятый, грязный, но целый. Над дверью — табличка: «ТК-17: Инфраструктурный переход. Доступ для технического персонала».

Не знаю, что такое «инфраструктурный переход», но подозреваю, что если доступ только для технического персонала, то он, скорее всего, закрыт. Что ж. Это ожидаемо.

Я толкнул дверь. Заперто. Ну, ничего нового. Панель доступа на двери, разумеется, не светилась — откуда здесь взяться электричеству?

— Классика. Вот просто классика жанра, — вздохнул я и начал искать способ открыть двери. Ни на что не надеясь, я провёл пальцами по панели. Тщетно. Экран мёртвый, пластик холодный и слегка липкий от конденсата.

— Симба, питание есть?

— Питание отсутствует. Электроснабжение отключено. Придётся действовать вручную.

— Само собой, — буркнул я, осматриваясь

Искомое, на удивление, нашлось сразу же. Справа на стене виднелся аварийный рычаг. Ржавый, с облупившейся краской и полустершейся пиктограммой замка. Судя по всему, использовался он последний раз лет этак сто назад. Если и меньше — то ненамного. Что ж, будем надеяться, за время бездействия он не успел окончательно проржаветь и сгнить.

Я ухватился за рычаг обеими руками и дёрнул. Не поддался. Выругался, упёрся ногой в стену, потянул сильнее.

Скрежетнуло, щёлкнуло, и вдруг рычаг шевельнулся. Что-то сдвинулось. Ещё рывок — и рычаг со скрипом ушёл вниз, освобождая запор.

— Полдела сделано, — пробормотал я, подцепляя дверь своей универсальной отмычкой — арматуриной. Навалился, дверь заскрипела, чуть сдвинулась и снова заела. Разгрёб мусор снизу, загнал прут, поддел, навалился… Есть!

Дверь с визгом заржавленных петель распахнулась. На секунду показалось, что воздух сейчас сам вытолкнет дверь изнутри — таким густым оказался запах, вырвавшийся наружу.

Я поморщился.

— Ну, мать вашу, неужели всё, что связано со здешним метро, обязано вонять, как подвал некрофила? — пробормотал я и, приоткрыв дверь, протиснулся внутрь.

Надеюсь, я нигде не облажался с выводами, и этот ход приведёт меня в тоннель, тянущийся от Сходненской до Тушинской. А там и до ретранслятора уже недалеко.

Я остановился, морщась от зловония и вглядываясь в темноту. Света не было никакого — только плотный, как дёготь, мрак, прилипавший к коже. И всё же… Да, всё же я видел.

Не идеально, не как днём, но… Очертания, рельефы, глубина. Грубая текстура паутины на стенах, бледные силуэты труб, даже следы плесени в углах. Всё это проступало перед глазами, как будто кто-то аккуратно отрисовал мир углем на сером холсте.

— Хм… — пробормотал я. — А ведь неплохо вижу. Раньше бы в такой темноте без фонаря идти пришлось бы на ощупь.

Хмыкнув, я пошёл дальше, внимательно глядя по сторонам. Да. Могло быть хуже. Намного хуже.

Пыльный воздух царапал горло, ботинки шуршали по слою песка и мусора, что накапливался здесь десятилетиями — или сколько там прошло времени с тех пор, как этот ход оказался заброшен? Я шёл осторожно, на полусогнутых, то и дело оглядываясь. Коридор был низким, стены — из облупившегося бетона, местами покрытые грибком, проросшим прямо сквозь трещины. Где-то капала вода. Где-то что-то шуршало.

Впереди возник обломок бетонной балки, перегородивший путь. Весил он даже на глазок, более, чем прилично, но и я уже не тот, что раньше. Так что… Я упёрся, напрягся, и, выдохнув, сдвинул блок в сторону. Он проскрежетал по стене и с грохотом рухнул на пол, подняв клубы пыли.

Через несколько метров я наткнулся на новое препятствие. Коридор заканчивался завалом, между плитами и трубами оставался узкий лаз. Сюда откуда-то просочилась вода — подо мной чавкнула грязь.

— Ну охренеть теперь, — пробормотал я, и, ругнувшись, лёг на живот.

Ползком, по-пластунски, как в добрые старые времена. Грязь лезла под куртку, цеплялась за волосы, пальцы сколь-

зили по плесени и гнили, но назад пути не было. Только вперёд.

Долго ползти не пришлось — метра три, не больше. Выбравшись, я тяжело выдохнул и, смахивая дрожащими пальцами налипшую слизь, огляделся.

Передо мной простирался тёмный, гулкий тоннель. Рельсы, проседающие шпалы, кабельные ниши в стенах. Огромная труба, пронзающая землю насквозь. Метро.

— Симба… — прошептал я.

— Подтверждаю, — отозвался он. — Это тоннель метрополитена. Перегон Сходненская — Тушинская.

Я криво усмехнулся. Ну что ж. Добро пожаловать в подземку. Выживем — будет что вспомнить.

Но чтобы выжить — нужно приложить некоторые усилия. Например, пройти через тоннель, переподключить ретранслятор и вернуть станцию под контроль Эдема. Вот только что-то мне подсказывает, что реализовать этот план гораздо сложнее, чем озвучить.

Ну что же. Поживём — увидим. А пока — марш-марш, боец. Ад убивает праздных.

Правда, как показала практика, местное пекло и тех, кто активно двигается, не жалует. Но выжить, находясь в постоянном движении всё же несколько проще.

А значит — будем двигаться.

Глава 9

Я шёл, всматриваясь в темноту тоннеля, когда взгляд зацепился за металлическую дверь в стене. Типичный технический отсек: проржавевшая табличка с облетевшей краской, приоткрытая дверь… Собственно, из подобного я сам выбрался десять минут назад. И ничего интересного там не было. А здесь?

С одной стороны — не хотелось тратить время, которого у меня и так было не сказать, что вдоволь. С другой — в моём положении пренебрегать нельзя ничем. И, если внутри найдёт что-нибудь полезное… Да хоть пожарный топор или багор — потеря времени будет уже оправдана. Обрез — это хорошо, но ненадёжно, долго и хлопотно. Потому мне хотелось бы иметь нечто, на что можно положиться. А что может быть лучше старого доброго холодного железа? Разве что модульная штурмовая винтовка с запасом патронов, но, кажется, сегодня их в наш магазин не завезли. Так что придётся обходиться тем, что есть в наличии. Если есть.

В общем, решено. Надо бы посмотреть, что там внутри. Хотя бы одним глазком. Если опять тьма, вонь и завалы — пойду дальше.

Дверные петли заскрипели, будто жаловались на жизнь. За дверью открывался узкий проход, тонувший во мраке. А на пыльном полу — следы. Относительно свежие. Кто-то сю-

да пошёл… И назад не вернулся. Хм, становится всё интереснее…

Взяв обрез на изготовку, я двинулся внутрь, стараясь идти как можно бесшумнее. Следы вели по закоулку между трансформаторными ящиками, мимо заваленной полки с инструментами — и закончились у тёмного пятна на полу. Я подошёл ближе.

Тело.

Мужик. Полусидит, полулежит, прислонившись к стене. Камуфляж, выцветший и плесневелый, но всё ещё узнаваемый. Стандарт нового образца. Видимо, в разрушенной Москве это местная мода. Тело тронуто следами разложения, но лежит он тут явно не так давно. Считаные дни. Интересно…

Рассмотрев, что лежало рядом с мужиком, я усмехнулся. Топор. Пожарный. На длинной пластиковой ручке, с запёкшейся кровью на отточенном лезвии. Бойтесь, как говорится, своих желаний, они имеют тенденцию сбываться. Плюс одна единица оружия ближнего боя. Это хорошо, это мы уже сюда не зря зашли.

Присев, я принялся разглядывать мужика внимательнее. Две руки, две ноги, всё пропорциональное, второй головы не видно… Человек? Человек. То есть, выжившие, всё же, присутствуют, и не все превратились в одичавших мутантов, начинающих палить по первому встречному, едва его завидев. Это определённо радует. Ну и да. Второй труп за день — и

оба без следов мутаций, какой-либо кибернетизации и ещё чёрт знает чего. А ещё — однообразно одетые. Вряд ли это случайные одиночки, в этом аду в одиночку долго не протянешь. Людям свойственно сбиваться в стаи, а стаи — это уже зачатки общества. Или хотя бы шанс на то, что есть кто-то, с кем можно поговорить, не опасаясь того, что тебе откусят голову. Это вселяло некий оптимизм. Возможно, даже… надежду. Если я найду выживших — шанс выкарабкаться из всего этого беспамятного кошмара станет чуть реальнее.

Но что же его убило?

Я коснулся тела — и тут же отдёрнул руку. Поверхность под пальцами дрогнула, пошла волной, словно под ней не кости и мышцы, а мешок с гнилым киселём. Умерший будто был наполнен какой-то жидкой дрянью, готовой в любой момент выплеснуться наружу. Рот мертвеца приоткрылся, послышался звук, похожий на отрыжку, и я на миг подумал, что сейчас меня стошнит.

— Твою же… — прошипел я, прикрывая рот предплечьем. — Симба, это что за чертовщина?

— Обнаружено аномальное состояние тканей, — отозвался ассистент. — Предположительно — воздействие органического нейротоксина с литическим эффектом.

— Проще, железяка. Это что, типа его кто-то изнутри растворил?

— Корректировка: сохранение наружной целостности при полном разрушении внутренних структур характерно для

некоторых токсинов. Такой эффект может наблюдаться при воздействии ядов отдельных видов насекомых или аналогичных организмов.

Я сглотнул. Прекрасно. Просто прекрасно. Теперь у нас тут, значит, не просто геллхаунды и жужжащие глаза, но ещё и огромные пауки, которые могут превратить человека в мешок с гнилым пюре. Вот только этого мне и не хватало.

Сдерживая подступающее отвращение, я всё же осмотрел тело. Никаких документов. Рюкзака — нет. Видимо, либо потерян в панике, либо стащен кем-то позже. Зато на голове — налобный фонарь. Держится крепко, ремешок в порядке. Я аккуратно снял его с трупа и осмотрел. Нажал кнопку.

Щёлк.

Тёплый жёлтый свет хлестнул в темноту, осветив ближайшую стену с пыльной таблицей и потёками засохшей слизи.

— О, отлично, — пробормотал я. — Хоть картинка теперь будет разноцветная.

Работающий фонарь — это приятно. Хоть Симба и сделал чего-то там с моим зрением, тем не менее, со светом видно гораздо лучше. Но аккумулятор я пока поберегу. Пригодится ещё.

Убрав фонарь во внутренний карман пыльника, я продолжил осмотр.

Нащупав что-то твёрдое в нагрудном кармане трупа. Осторожно вытащил — стандартный армейский коммуникатор. Экран треснут, но не вдребезги. Индикатор питания го-

рит тускло-зелёным — аккумулятор почти сдох, но ещё держится. Повезло.

— Симба, можешь его раскурочить?

— Подтверждаю. Подключаюсь… Обнаружен базовый уровень защиты. Начинаю попытку дешифровки и разблокировки.

Я кивнул, положив коммуникатор себе на колено.

— Работай, дружище. Может, этот парнишка что-то успел записать, пока не стал тушёнкой. А я пока фонарик подровняю…

Внутри начало теплеть. Мелочь, но если техника в порядке — может, и информация уцелела. А информация сейчас дороже патронов. Хотя от них я бы тоже не отказался.

— Девайс разблокирован, — сообщил Симба. — Основная память очищена. В наличии один файл: видеофрагмент.

— Ну конечно, — хмыкнул я. — Осталось только видео с предсмертным посланием. Прямо как в плохом фильме. — Воспроизведи!

— Запускаю видеопоток.

Перед глазами появилось это же помещение. Камера дрожит, изображение плывёт — руки у того, кто держит девайс, дрожат. На экране проявилось лицо. Мужчина. Тот самый, что сейчас развалился у стены.

Он был ещё живу, но уже понятно, что долго это не продлится. Губы синие, кожа бледная, в мутных глазах — боль, взгляд цепляется за объектив с последней надеждой.

— Это… это видео я записываю на случай, если меня найдёт кто-то из… — голос срывается, мужчина запинается. — Если кто-то из своих… сами поймёте, откуда. Если не свои — значит, вам это знать не нужно.

Он кашляет, захлёбывается, с трудом продолжает:

— Я — старший поисковой группы. Мы пытались пробиться к Сходненской. Искали обход… Обход Искажения. Нашли. Через метро. Только оно… заражено. Сетники уже и сюда добрались. Мы нарвались прямо на их Центральный Узел. Лиса и Серый… — мужик сделал паузу и всхлипнул — то ли от боли, то ли отчаяния, — остались у них. Я почти ушёл. Почти. Но… патруль… Они вкололи что-то. Я… разваливаюсь изнутри.

Мужчина моргает, почти не фокусируясь:

— Я стёр все — карты, файлы, схему ловушек. Если видео попадёт к тварям — им не найти… Не найти… Если же меня нашёл кто-то из наших… Или вообще из людей… Уходите. Через тоннель не пройти. Сетники… Центральный Узел… Не пройти. Уходите.

Мужик закашлялся,

Изображение замерло, дёрнулось, а потом погасло.

Я выдохнул и почесал в затылке.

— Интересно девки пляшут… По четыре штуки в ряд.

Итак. Что мы имеем в итоге?

В городе есть выжившие, помимо мутантов и спятивших биомеханизмов. Это уже факт. У этих выживших есть поис-

ковые группы, а следовательно — какое-никакое общество. Эти люди адекватны и, судя по всему, воюют с тварями. Удалённые файлы свидетельствуют о том, что им есть что скрывать. Что может скрывать некое общество в постапокалиптическом мире? Местоположение ресурсов, привычные маршруты и… Расположение своей базы? Похоже, что так. Кстати, скрывают от тварей, и это говорит о том, что среди них есть те, что могут хакнуть технику и прочесть файлы. То есть — разумные. В принципе, учитывая наличие киборгов, боевых роботов, что бродят по улицам города, и прочей биомехано-идной дряни — неудивительно. Но это ладно, это дело десятое. Сейчас у нас на повестке дня, видимо, нечто другое. То есть, задача всё та же, но с некоторыми корректировками. В первую очередь мне всё так же нужно разобраться с ретранслятором и вернуть станцию под контроль Эдема, вылечиться и разобраться с собственной спятившей начинкой, а вот дальше… Дальше, полагаю, я отправлюсь искать людей. Потому что если мне не удастся вернуть память на станции Эдема, то только они смогут мне рассказать, что произошло с окружающим миром, кто, как говорится, виноват, и что делать.

Но сначала я хотел бы получить ответ на другой вопрос.

— Симба, — позвал я, выпрямляясь. — А кто такие Сетники?

Однако ответить ассистент не успел.

Где-то в глубине коридора послышался звук. Сначала —

тихий, будто кто-то задел ногой трубу. Потом — шорох. Быстрый, липкий, скребущий по бетону. Как будто где-то неподалёку по полу шаркало множество ног.

И этот шорох очень быстро приближался.

— Впрочем, можешь не отвечать. Кажется, я сейчас сам узнаю…

Я выпрямился, сунул руку в карман пыльника и одним движением надел на голову фонарь, доставшийся от покойника. Сжал в правой руке обрез, левой подхватил топор и замер, судорожно вглядываясь в темноту.

***

Что-то просвистело в воздухе, и я инстинктивно рванулся в сторону. Рядом шлёпнулась белёсая струя, затягивая пространство между мной и стенкой плотной паутиной. И тут же в темноте мелькнул силуэт.

— Контакт! — рявкнул я, инстинктивно, вскидывая обрез.

Из тьмы вынырнуло нечто — размером с человека, но какое-то непропорциональное, изломанное… Существо рванулось вперёд и прыгнуло, одним длинным прыжком покрывая расстояние между нами. Я поймал существо на прицел и нажал на спуск.

Громыхнуло.

Голова мутанта исчезла в облаке крови, слизи и обломков костей, тело рухнуло на пол, дёрнулось в судорогах и затихло. А я уже разворачивался к следующему противнику.

Выстрел.

Второй заряд молотом угодил твари в грудь. Её грудная клетка раскрылась, чудовищным цветком, тварь взвизгнула и полетела назад, увязнув в собственной паутине.

Два патрона. Всё.

Третье существо уже летело на меня — что-то рыча, распластав конечности в воздухе. Времени на перезарядку не оставалось. Я перехватил обрез за ствол и швырнул его в монстра. Мышцы, прокачанные неведомыми биоконструкторами, сократились, обрез с гулом разрезал воздух и врезался твари в морду, оглушив её и сбив с курса. Пока достаточно.

Ухватив рукоять топора обеими руками, я шагнул навстречу очередному монстру. Вперёд и в сторону, замах, удар… Череп лопнул, как перезревшая дыня, обдав меня фонтаном тошнотворных брызг. Монстр упал на пол, засучил ногами, меня, по инерции потянуло вперёд и рукоять топора, застрявшего в голове, выскользнула из моих ладоней. А позади снова раздался зловещий шорох.

Да сколько можно-то, а?

Выхватив из-за плеча арматурину, я развернулся, одновременно замахиваясь и благодаря всех известных мне богов за то, что здесь достаточно места для подобных танцев, качнулся в сторону и ударил.

Удар пришёлся вскользь, атакующего монстра оглушило и отбросило в сторону, но боеготовности не лишило. Шагнув

вперёд, я коротко размахнулся ногой и что было сил вбил носок ботинка в висок твари.

Готов!

Шорох за спиной: монстр, оглушённый броском обреза, пытается подняться. Шаг назад, разворот, взмах арматуриной, ещё один… Минус! При последнем ударе моё импровизированное оружие зацепило пол, отсушив руки, и со звоном отлетело в темноту.

А из глубины тоннеля уже мчались новые твари.

Ни перезарядить обрез, ни разыскать прут я не успевал — а новый монстр уже летел на меня. Изогнутая спина, вытянутые руки, перекошенная ненавистью пасть…

— Активация нейрогена. — Голос Симбы ударил в мозг, как укол адреналина.

И время замедлилось.

Мир замер, цвета стали ярче, картинка — чётче, а мышцы взвыли от притока энергии.

Я качнулся в сторону, перехватил летящую тварь за руки, и, крутанувшись на месте, швырнул в стену. Тот хрюкнул, издал жалкий писк — и затих в куче мусора. Готов!

Но не успел я повернуться, как новый монстр врезался в меня на полном ходу.

Острая конечность вспорола пыльник, я отлетел в стену, приложился затылком о бетон… Перед глазами поплыло. Даже нейроген не смог заставить и без того ослабленное тело игнорировать новое сотрясение.

Вот, кажется, и приплыли.

Новый удар, я рухнул на спину, и тут же на меня навалилось что-то тяжёлое, зловонное… Перед глазами — мутная тень. Что-то дышит, скребёт когтями по полу, тянется к горлу…

— Процесс завершён, — невозмутимым голосом отчеканил Симба. — Импланты разблокированы.

Что?

Сжав руку в кулак, я рванул её вверх, и тут же из запястья, как на пружине, вылетел обоюдоострый узкий клинок. Пробив кожу под челюстью, он вошёл в голову монстра, пробил нёбо и замер, добравшись до мозга. Чудовище обмякло, наваливаясь на меня, я деактивировал клинок, напрягся, отшвырнул монстра в сторону и рывком вскочил на ноги, оглядываясь по сторонам.

Чисто!

— Контакт завершён, — бесстрастно проговорил Симба. — Длительность — тридцать секунд. Боевая эффективность — сорок три процента.

— Да пошёл ты! — тяжело дыша, пробурчал я. Сорок три процента… Я жив, а враги — нет. И это главное. А эффективность ты у салаг на экзамене мерить будешь…

Я пихнул ботинком кучу тел, нашёл топор, потянул за ручку. Тот с чавканьем вышел из головы мутанта. Так, теперь арматурина. Оружие первобытное, но свою эффективность уже не раз доказавшее. А значит, полезное. Перебирать хар-

чами буду, когда получу в своё распоряжение стрелковый комплекс. А пока пусть со мной побудет.

И в этот момент за спиной раздался шорох.

— Да вашу ж мать, сколько вас там ещё? — возмутился я, резко оборачиваясь на звук.

Однако это был не новый враг. Всего лишь пришёл в себя тот ублюдок, которого я бросил в стену. Пошатываясь, он встал, развернулся, и вдруг стремительно бросился прочь.

— А ну, стой, зараза! — рыкнул я и бросился в погоню. Плевать на усталость, плевать на боль в боку, если эта тварь доползёт до своих, меня встретит вся колония!

И такой расклад мне решительно не нравился.

Тварь юркала между бетонных глыб, но, похоже, не рассчитывала, что я вообще побегу за ней. Обернувшись, мутант что-то проверещал и резко ускорился, увеличивая разрыв. Нет, так я его точно не догоню. Значит, поступим иначе.

Коротко разбежавшись, я перехватил арматурину на манер копья и широко размахнулся. Перед глазами замелькали какие-то линии, будто векторы упреждения, тело автоматически подправило направление и силу, я выпрямил руку, и арматурина с гудением улетела вперёд, воя в воздухе, как гарпун.

Есть!

Тварь захрипела, сделала по инерции ещё пару шагов — и рухнула. Арматура прошла навылет — от плеча до спины, торча из спины монстра, как копьё из бока мамонта.

Мутант шевелился, пытаясь подняться. Слишком медленно. Я был уже рядом.

— Не в этот раз, — буркнул я и, подняв ногу, что было сил опустил её на голову твари.

Хруст.

Существо обмякло и замерло, разбросав конечности. Как сломанная кукла.

На этот раз тварь сдохла окончательно.

Я выдохнул и утёр пот со лба тыльной стороной ладони. Спина ныла, колени дрожали, но адреналин не отпускал.

Через миг меня скрутило, и я, шатаясь, опустился на пол, рядом со своей последней жертвой. Откат после активации нейрогена. Уф, хреново-то как… Такими темпами я и сам завернусь при следующем столкновении…

— Внимание! Состояние носителя критическое. Рекомендуется посетить ближайший терминал Эдема для углублённой диагностики и восстановления целостности организма! — металлическим голосом провозгласил Симба.

— Спасибо, что напомнил, — прохрипел я, приходя в себя. — А то я уже и забыть успел…

Упёршись в пол, я поднялся, и, пошатываясь, подошёл к поверженному врагу.

Тварь уже не шевелилась. Но я всё равно не торопился наклоняться сильно близко. Даже дохлая, она вызывала у меня подсознательное отвращение и настороженность. Такая, знаете ли, штука, которую мозг категорически отказывается

воспринимать как часть естественного мира. Будто само её существование — ошибка. Я щёлкнул кнопкой фонарика и принялся осматривать монстра.

Тело — человекообразное, но вытянутое, неестественно изогнутое. Пропорции ломали восприятие: слишком длинные конечности, слишком узкие суставы. Вместе с тем — мощные, перевитые узлами мышц руки, мускулистый торс… Кожа — тонкая, серо-зелёная, натянутая на кости, местами треснутая, местами — в язвах. Пахло от него мерзко: гнилью, тухлятиной, влажной пылью. Как будто кто-то разом вывалил ведро с раствором из плесени, дохлых крыс и машинного масла.

Череп — голый, лысый, с мощными скулами и развитой челюстью. Зубы острые, неровные, слишком частые, будто у хищной рыбы. Из-под губ торчат, как ржавые гвозди. Глазницы глубоко посажены, зрачки вертикальные, почти рептилоиды.

Пригнувшись, я всмотрелся внимательнее. Это ещё что за фигня? Тонкую шею обвивало настоящее ожерелье из микросхем, гаек и прочего техномусора.

— Симба, ты это видишь? — пробормотал я. — Что это вообще за хтонь неведомая?

Симба не ответил. Вместо этого перед глазами вспыхнула проекция:

[ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА]

>Объект идентифицирован успешно.

Сетник. Мутант.

Статус: крайне враждебный.

Состояние: нейтрализован.

Сетник, значит. Ну, я мог бы и догадаться, да.

— Симба, — нахмурился я. — У тебя есть информация по этим тварям?

— Доступ к запрошенной информации ограничен. Данные засекречены согласно протоколу 7-Альфа, — бесстрастно отозвался Симба.

— Чего?.. — Я замер. — В смысле засекречены?

— Информация недоступна для юнитов без подтверждённой привязки к основному ядру Эдема, — отозвался ассистент без капли смущения. — Классификация уровня «чёрный код». Файлы закрыты.

— Охренеть, — только и выдохнул я. — То есть, драться мне с этой хреновиной можно, а получать информацию о ней — нельзя?

— Высказывание корректно.

— Ну офигеть теперь, — пробормотал я. — Просто зашибись. Не хватало только…

Закончить мысль я не успел. Потому что перед глазами вспыхнула новая проекция.

ВНИМАНИЕ!

Обнаружена мутагенная угроза!

СФОРМИРОВАНО НОВОЕ ЗАДАНИЕ:

Объект: Центральный Узел

Протокол действий: Ликвидация.

Текущая цель: Установить местонахождение Центрального Узла. Провести локализацию мутагенной угрозы. Уничтожить Центральный Узел.

Уровень опасности: Высокий.

Вознаграждение: вариативное. Доступно на ближайшей станции Эдема при подтверждении завершения операции.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Невыполнение задачи приведёт к автоматическому изменению статуса юнита.

В СЛУЧАЕ ОТКАЗА ОТ ЗАДАНИЯ:

— Юнит будет помечен как враждебный.

— Доступ ко всем объектам и системам Эдема — заблокирован.

— Боевые юниты Эдема получают директиву на уничтожение субъекта при обнаружении.

— Повторная авторизация в системе Эдема станет невозможной.

— Да вы издеваетесь? — едва ли не взвыл я. — Опять?

Я со злостью хватанул кулаком о стену. Грёбаный модуль Эдема! Я ещё первое задание не выполнил, а оно мне второе наваливает! Я, вообще-то, планировал тихонечко проскользнуть сквозь метро и заняться ретранслятором, а не шоркаться по подземельям в поисках непонятно чего. Мутагенная угроза, насколько я понимаю — это Сетники. И что-то мне подсказывает, что там, куда меня хочет загнать долбанная

система, их совсем не десяток-другой! Я и с этими-то не сказать чтоб легко справился… Ещё пара таких схваток — и идти к ретранслятору будет уже незачем, меня просто убьёт нейрогенный откат…

— Слушай, Симба, — с надеждой проговорил я. — А я ведь могу сначала выполнить первое задание, подлечиться и вернуться, чтобы выполнить это?

— Ответ отрицательный, — тут же отозваласьбездушная железяка у меня в голове. — Заданию присвоен критический уровень. Задания этой категории имеют приоритет над остальными.

— Да чтоб тебя! — я заковыристо выругался. Помолчал. Вдохнул. Выдохнул.

Ладно. Переходим к стадии «Принятие». Ничего другого мне всё равно не остаётся. Грёбаный Эдем, чтоб ему пусто было!

— Ладно. Чёрт с вами. Пойдём посмотрим, что там за Центральный Узел. Надеюсь, он не настолько впечатляющий, как его пиарят.

— Вероятность минимальная. Шансы на то, что ликвидация Центрального Узла будет сопровождаться боестолкновением повышенной сложности — более девяноста процентов, — без тени юмора отозвался Симба.

Я закатил глаза.

— Утешил, спасибо. Напомни, чтоб я прихватил тебе немного оптимизма, когда я буду выбирать вознаграждение

за это задание.

— Напоминание создано. Прихватить немного оптимизма. Уточните условия активации напоминая.

— И щепотка юмора тоже не помешает, — тяжело вздохнул я. — Ладно. Пошли искать этот ваш Центральный Узел.

Глава 10

Осмотревшись, я понял, куда попал — это был второй тоннель. Если по первому в своё время поезда шли с Тушинской на Сходненскую, по второму они двигались в обратном направлении. Ну, или наоборот. Сейчас без разницы.

И технический лаз, по которому я спустился в метро, и отсек, в котором мне пришлось биться с Сетниками, находились в перемычке между тоннелями. Судя по направлению, в котором удирал Сетник, он спешил к Тушинской. Ну да, логично. Мужик на видео тоже говорил о проходе с Тушинской. И про Центральный Узел. Чем бы он ни был, спустились в метро трое, а выжил один. И то ненадолго. Значит, там действительно опасно. Ну, что же. Безопасных мест я здесь пока не видел, так что опасностью больше, опасностью меньше… Да и всё равно у меня нет других вариантов. Долбанный протокол Эдема!

Пройдя несколько шагов, я прислушался. Тишина. Или почти тишина — в этом месте она не бывает полной. Где-то за бетонной стеной слабо гудел воздух, будто тяжело дышала сама земля. Из глубины тоннеля тянуло затхлой сыростью и чем-то ещё — липким, кисловатым, с металлическим привкусом. Впрочем, кажется, я уже начинаю привыкать к здешним запахам.

Я двинулся вперёд, стараясь не наступать в лужи. Найден-

ный фонарь выключил — он мне ещё пригодится, а вот возможности зарядить аккумулятор пока не предвидится. Вокруг — облупленные железобетонные стены, остатки старых кабелей, паутина… Все больше паутины. Сначала — тонкие нити у потолка. Потом — тяжёлые, нависающие, как рыбачьи сети, плети, сползающие на пол. Некоторые натянуты поперёк тоннеля — шагай не глядя, и мигом будешь опутан.

Паутина, слизь и тишина. Хороший такой набор. Мне почему-то подумалось, что нормальное существо такие интерьерные решения не выберет.

Шёл медленно. Шпалы под ногами были скользкие. На стенах всё чаще попадались лоснящиеся пятна слизи. Свет фонаря, когда я его всё-таки зажигал на короткие промежутки времени, преломлялся в этих участках странным образом, добавляя глубине тоннеля едва заметное голубовато-зелёное свечение. Я выключил фонарь — и убедился, что ошибался. Свет шёл не от него. Слизь светилась сама.

— Симба, ты это видишь? — пробормотал я.

— Подтверждаю. Анализ указывает на биолюминесцентные колонии. Вероятный источник: отходы жизнедеятельности мутировавшей фауны.

— Сетники?

— Информация отсутствует, — отозвался тот. Ну да, засекречена. Ладно, сам разберусь.

С каждым шагом паутины становилось всё больше, нити — плотнее. Иногда приходилось останавливаться, чтобы вы-

путать ногу из густой сети или очистить подошву от очередного пятна слизи. Тёплой, будто только что… выложенной. Это плохо.

Постепенно к звуку моего дыхания стали добавляться другие. Сперва — отдалённое царапанье, потом — плеск. Слабый, будто где-то в темноте кто-то макнул лапу в лужу. Не шаги. Не бег. А движения. Сотни мелких движений. Пальцы? Щупальца? Челюсти?

Я начал замедляться. И в какой-то момент понял — дошёл.

Тоннель впереди расступался, в отдалении, будто в тумане, расплывались очертания платформы. Угу. Приехали. Станция. Тушинская. Обшарпанная, изъеденная плесенью, затянутая слизью, но узнаваемая.

Станция дышала. Медленно и тяжело, словно больше спящее животное. Сквозь трещины сочилась слизь, на потолке и стенах висели целые коконы паутины, некоторые слегка шевелились.

Я присел у края платформы, выровнял дыхание и принялся изучать происходящее на станции. Сначала, казалось, что она пуста. Станция как станция — если выкинуть из головы, что вокруг всё завешено паутиной, можно было бы даже представить, что всё это просто затянуто плесенью Бывает. Подтопило, или ещё что… Вот только даже вселенский потом не оставил бы после себя такой атмосферы. Вязкой, давящей и практически живой.

Постепенно то ли глаза адаптировались к мягкому свечению, то ли Симба в очередной раз подстроил зрение под новые условия… Неясно. Но я стал видеть лучше. И, вглядевшись, вздрогнул.

Станция не зря казалось живой. Она такой и была. Непрерывное движение, практически броуновское, хаотичное, но, вместе с тем — упорядоченное, подчиняющееся какой-то совсем не человеческой логике.

Первого Сетника я заметил почти случайно. Он словно материализовался из теней под колонной, двигаясь резко и порывисто. Передвигалась тварь на четырёх из шести конечностей, другие две она использовала для какого-то дела. Казалось, Сетник размазывал по полу слизь — как маляр, только вот вместо краски липкая и светящаяся гадость.

Второй спустился с потолка — длинный, вытянутый, с неровными сегментами позвоночника, словно его собирали из обломков человеческого тела и кусочков чужой мутации.

Третий — пробежал по стене, как ящерица.

Я затаил дыхание.

Станция была не пуста. Она буквально кипела жизнью. Мутировавшей, уродливой и извращённой, но — жизнью.

Я стал различать всё больше силуэтов. Поначалу движения казались хаотичными. Куда-то бегут, по стенам, по потолку, вдоль платформы. Суетятся, мечутся. Но стоило мне замереть и понаблюдать — стало ясно: в этом есть какой-то свой порядок.

— Симба, ты это видишь?

— Подтверждаю. Поведенческие шаблоны не хаотичны. Фиксируется распределённая структура с чёткими зонами ответственности.

— Прямо муравейник, — пробормотал я.

— Корректировка: скорее — улей. Организация на высоком уровне.

И правда. Один из Сетников плёл густую паутину, затягивая ею пространство между колоннами. По мерее работы Сетник укреплял её чем-то вроде секрета. Паутина тянулась толстой капроновой нитью, стягивая балки и своды, словно намереваясь закрыть проход. Не запутать, не скрыть, а наглухо запечатать.

Другие неспешно перемещались по платформе, обрабатывая слизью коконы. Похоже, внутри что-то было. В одном из коконов я заметил лёгкое движение. Но что это было, рассмотреть не успел.

Над всей этой колонией висело ощущение чуждого порядка. Как будто я действительно попал в огромный улей, в котором каждая особь чётко знает, что должна делать. По телу пробежала лёгкая дрожь. Не от внешности Сетников — хотя красавчики они были ещё те. В дрожь вгоняло то, как они работают. Молча. Быстро. Слаженно.

Вдоль дальней стены прошла тройка Сетников покрупнее — тяжёлых, мускулистых, с чем-то вроде копий в руках. Один обернулся, и я приник к стене. Но взгляд мутанта про-

скользнул мимо. Не заметили.

— Симба, эти… — я кивнул на группу. — Это что, охрана?

— Вероятность высокая. Патрулирование. Цель: контроль внутреннего периметра. Уровень угрозы: критический. При обнаружении — атака без предупреждения.

— А я-то надеялся, что пригласят на чай, — пробормотал я сквозь зубы. Серьёзность, с которой Симба излагал прописные истины, начинала понемногу раздражать.

Я проследил за маршрутом Сетников. В целом ясно. Твари неспешно обходили платформу по периметру. Странно даже. Они как будто играли в охрану. Гораздо эффективнее было поставить часовых в тоннеле. Или у них какая-то другая цель?

Ладно. Попробуем продвинуться дальше.

Сказано — сделано. Я проверил, как держится обрез на импровизированной перевязи, слегка поддёрнул полы пыльника, и, пригибаясь, медленно пошёл вдоль стены. Дышал через рот, неглубоко, чтобы не издавать лишнего шума. Под подошвами периодически чавкала липкая слизь, но как раз таки этот звук ничьего внимания привлечь не мог — здесь он доносился со всех сторон.

Платформа, будто затянутая ватой, пульсировала чужой жизнью. Пауки-сетники сновали со всех сторон, я попытался прикинуть, сколько их здесь, и через минуту подумал, что лучше б этого не делал. По самым приблизительным при-

кидкам здесь было не меньше пары сотен тварей. С таким количеством я совершенно точно не справлюсь. Стоит только выдать себя — и привет. Миссия провалена.

Вот только никто не перезапустит игру.

Медленно. Ещё медленнее.

Я почти достиг середины станции, когда в паре метров от меня что-то зашевелилось.

Я стиснул зубы, перенёс вес тела на носки, подался в сторону звука… И увидел его.

Молодой сетник. Размером чуть поменьше остальных, кожа — светлее, больше розовая, чем серая. Глаза — огромные, чёрные. Не человеческие. И сейчас в них плеснулся страх. Кажется, он тоже не ожидал меня увидеть.

На мгновение мы с ним встретились взглядами, а потом он раскрыл пасть, намереваясь заорать, а я смазанной тенью метнулся к твари.

Я действовал автоматически, на голых инстинктах. Левая ладонь сомкнулась на тонкой шее сетника, правая рука сжалась в кулак, из запястья с щелчком выскочил клинок, и я без замаха вбил лезвие прямо в рот твари.

Крик застрял у него в груди.

Сетник издал лишь булькающее «гхррк», дёрнулся всем телом, выгибаясь, а я выдернул клинок и нанёс новый удар. Лезвие вошло твари в глаз, он снова дёрнулся и обмяк.

Готов.

Я замер на несколько секунд, затаив дыхание, убедился,

что скоротечная стычка не привлекла ничьего внимания, и только тогда медленно опустил тело мутанта на пол. Снова замер. Послушал.

Никто не среагировал.

Где-то наверху продолжали возиться с паутиной. Кто-то сновал у входа в другой тоннель.

Но никто не бежал на крик. Потому что крика не было. Гениально, правда?

Вдохнув поглубже, я поморщился: воняло, как из забитой канализации. Казалось, я уже привык к многообразию запахов подземки, но она раз за разом подкидывала новый аромат. Рай для любителя нишевой парфюмерии.

Я вытер клинок о бёдра сетника, прикрытые какой-то тряпкой, убрал его обратно и пополз дальше. Я искал место, чтобы лучше рассмотреть платформу.

Продвигаясь дальше, я действовал на автомате: шаг, пауза, взгляд по сторонам, оценка маршрута. Казалось, станция растянулась бесконечно, и я уже начинаю уставать, но…

В какой-то момент я замер.

Передо мной показалась центральная часть платформы.

И — мать твою, вот это было зрелище…

Странная, уродливая скульптура поднималась от пола к самому своду. И я затруднялся так сразу назвать, из чего она состояла. На первый взгляд вся конструкция состояла из мусора. Искорёженные узлы, блоки, элементы каких-то устройств — всё это лепилось друг к другу, крепко прихва-

ченное паутинным секретом и смазанное светящейся слизью. Всё стянуто в единый клубок, обмотано жгутами проводов, и мне показалось, что кое-где между деталями торчат чьи-то кости.

У подножия лежало несколько тел. Фигуры были изломанными, вывернутыми, но, несомненно, человеческими. Или…

Я напряг зрение, и Симба услужливо приблизил картинку. Ну, или это я уже понемногу привыкал к имплантам. Я присмотрелся и кивнул. Киборги. С распоротыми корпусами, изломанными конечностями, сорванной бронёй. У одного из них в голове всё ещё мерцал оптический сенсор.

М-да.

— Это что у них, капище, что ли?.. — пробормотал я.

— По всем признакам конструкция может использоваться как объект религиозного культа, — согласился со мной Симба.

— Они что, поклоняются технологиям? — я вспомнил ожерелье из микросхем на шее убитого сетника, и меня передёрнуло.

— Возможно. Деградация примитивного разума в условиях изоляции и мутаций. Попытка ассимиляции остатков техносреды в структуру верований.

— Чёт они не похожи на техногиков, — хмыкнул я. — Научный прогресс, мать его.

Симба продолжил что-то говорить, начав длинную цепоч-

ку объяснений — то ли про символическую интеграцию технофетишизма в структуру локального культа, то ли про ритуальное копирование архитектурных моделей…

Но я его уже не слушал.

Потому что увидел кое-что ещё.

И это зрелище мне совсем не понравилось.

Рядом с капищем, между колоннами были натянуты особо плотные сети из паутины. Толстой, затянутой в несколько слоёв, но при этом… аккуратная, что ли. Будто была сплетена не в спешке, а нарочито тщательно. И в этой паутине висели коконы. Крупнее остальных, массивнее… Я «увеличил» картинку, и нахмурился.

— Симба, сделай чётче, — прошептал я.

Изображение дрогнуло, подёрнулось рябью и вдруг стало контрастным и отчётливым. Твою ма-а-а-ать…

Я с трудом сдержал порыв присвистнуть.

Светлое пятно в центре оказалось именно тем, чем мне показалось с самого начала. Лицом. Человеческим. Женским.

Глаза закрыты, рот чуть приоткрыт. Кожа бледная, но… Да, кажется, она жива. Возможно, без сознания, возможно — под действием какого-то яда, но точно жива. Пока что, по крайней мере.

Я затаил дыхание и посмотрел на соседний кокон.

Второе лицо. Мужчина. Состояние — такое же. Даже отсюда я видел, как под паутиной поднимается грудная клетка.

В памяти всплыло видео с коммуникатора, найденного в тоннеле.

«Лиса и Серый остались у них».

Лиса. Серый. Видимо, это они. И их пока не успели сожрать. Или им уготована другая участь?

Так. Ладно. Эмоции мы пока уберём в сторонку. Сейчас нужно сосредоточиться на другом.

Я ещё раз медленно оглядел капище. Сетники сновали туда-сюда, не замечая меня. Кто-то обмазывал слизью киборгов у основания конструкции, кто-то снова поднимался по стене, таща тонкий жгут…

Я постарался запомнить всё как можно тщательнее, потом усмехнулся и отдал команду Симбе. Искусственный интеллект с этой задачей справится куда лучше меня. И запомнит все детали, и план нарисует, и карту составит… И, вероятно, даже тактическую схему набросает.

Вот только чем дольше я смотрел на всё это, тем меньше во мне было уверенности в том, что эта задача вообще выполнима.

Впрочем, об этом я подумаю потом. А сейчас — пора сваливать.

— Симба, ты всё запомнил? — прошептал я одними губами.

— Ответ положительный.

— Ну и отлично. Тогда убираемся отсюда.

Я окинул взглядом тоннель позади себя и принялся мед-

ленно продвигаться к выходу.

Я увидел всё, что хотел. Теперь нужно всё обдумать и подготовиться. Настолько тщательно, насколько это вообще возможно в моей ситуации.

Но сначала желательно выбраться отсюда живым.

Глава 11

Выбравшись с «Тушинской», я отправился обратно в техническое помещение подумать и подготовиться.

В принципе, первая часть задания звучала недвусмысленно: уничтожить Центральный Узел. Я пока не очень понимал, как это сделать, но, в целом задача более-менее понятная. А вот что значит «провести локализацию мутагенной угрозы»? Уничтожить колонию, что ли? Так тут нужен минимум взвод с автоматическим оружием и огнемётами, а не один умирающий боец, страдающий амнезией. Огнемёты, хм…

Ладно. Для начала решим более насущные задачи.

Добравшись до технического отсека, я, в первую очередь занялся наведением порядка. То есть принялся выволакивать оттуда трупы сетников и выбрасывать их в параллельный тоннель. Ухватив очередное тело, я присмотрелся и пинком перевернул его на живот. На спине у твари висел замызганный, покрытый слизью, но целый и узнаваемый штурмовой рюкзак. Интересно.

Стараясь не перепачкаться, я стащил с сетника рюкзак и только после этого выбросил тело в тоннель. Вернувшись, стянул с трупа куртку и тщательно обтёр ею находку.

— Прости, брат, тебе она всё равно уже ни к чему, — пробормотал я, будто извиняясь за своё мародёрство. Труп не

ответил.

И слава богу. Ещё этого мне не хватало для полного счастья.

Открыв клапан рюкзака, я осторожно заглянул внутрь. Что тут у нас? Хм-м-м… Любопытненько…

В целом, сам факт наличия у сетника рюкзака меня несколько удивил, но мало ли насколько развиты эти твари. Однако, разложив перед собой на полу содержимое, я испытал лёгкое недоумение.

Три двухлитровых пластиковых бутылки с мутной жидкостью. Несколько обёрнутых в тряпки факелов. Коробка охотничьих спичек. Мощный ручной фонарь. Пачка патронов — 5,45, под автомат — вот уж где полная неожиданность. Что-то мне подсказывает, что всё это принадлежало явно не сетнику. Ибо если у этих тварей ещё и автоматы есть — тогда вообще пиши пропало.

Готов спорить: тварь стянула рюкзак у кого-то из членов неудачливой поисковой группы, и, даже не задумываясь о том, что внутри, нацепила на спину, просто как украшение или элемент одежды. И мне очень повезло, что именно этот сетник прискакал меня ликвидировать.

Не знаю, было ли изначально в рюкзаке что-нибудь ещё, но имеющийся набор как бы намекал: поисковики явно понимали, с чем могут столкнуться, и к этому подготовились. Потому что мутной жидкостью в бутылках оказался бензин. Возможно, значительно выдохшийся, но, полагаю, всё ещё

не утративший своих свойств. А ещё там, на станции, глядя на свисающие с потолка паутинные лохмы, я подумал, что паутина должна очень даже неплохо гореть. Было бы чем поджигать… И сейчас, благодаря сетнику, которому хотелось выглядеть среди своих щеголем, у меня в руках оказалось кое-что получше обычной зажигалки.

— А жизнь-то — налаживается, — пробормотал я.

Усевшись прямо на пол в паре метров от трупа, я достал из вещмешка вяленое мясо, экспроприированное у дохлого мутанта, и принялся его сосредоточенно жевать. Война войной — а обед по расписанию.

Машинально разжёвывая жёсткие и слегка отдающие кислинкой волокна, я пытался придумать план. Бензин — хорошо. Спички — хорошо. Но не буду же я ползать по станции, поливая Центральный Узел из пластиковой бутылки? Что-то подсказывает, что сетники подобный вклад в их шедевр религиозного строительства не оценят… Хм. А что, если…

Чем больше я думал, тем меньше мне нравился придуманный мною план. Не потому, что он не сработает, нет. Просто слишком велика была вероятность того, что сетники угробят меня прежде, чем я доведу его хотя бы до второго этапа. Но других вариантов я не видел. Так что…

— Ну что, Симба, — проговорил я, с сожалением пряча остатки мяса в мешок и запивая их несколькими глотками воды. — Готов локализовать мутагенную угрозу?

— Готовность — неактуальный параметр. Я — лишь про-

граммный код. Мои действия определяются алгоритмом, а не эмоциональным состоянием. Локализация мутагенной угрозы — задача носителя, и успешное завершение миссии зависит только от действий носителя. Моя задача — оказывать всестороннее содействие.

— Ну да, кто бы сомневался, — вздохнул я с усмешкой. — А я так надеялся, что ты скажешь: «Конечно, Антей, посиди здесь, а я всё сам сделаю»… Ладно. Погнали, железяка. Зажжём, так сказать, по полной. А то что-то они там совсем вяло работают, без огонька…

***

Подобравшись к краю тоннеля, я замер в тени, вглядываясь во мрак станции. Всё оставалось по-прежнему. Тушинская дышала той же вязкой, затхлой жизнью: слизь стекала по сводам, коконы вздрагивали в своих ловушках, сетники сновали между колоннами, как механизированные муравьи, занятые делами своего извращённого улья.

Я вдохнул через рот, морщась — вонь здесь стала будто гуще, как будто станция ощущала моё возвращение. Может, и ощущала. Кто знает, на каком уровне срабатывает инстинкт у этой дряни…

Слегка отодвинувшись вглубь тоннеля, я присел у стены под большим пятном светящейся слизи, и разложил перед собой свою немудрёную экипировку. Полосы ткани, нарезанные с камуфляжной куртки трупа, пачку патронов — тех самых автоматных, из рюкзака поисковика, бутылки с бен-

зином, факелы… Свернув несколько полос ткани в бесформенные, плотные комки, я щедро пропитал их бензином, в центр засунул по горсти патронов и затянул. Получилось четыре увесистых «ёжика». Отложив их в сторону, я занялся оставшейся тканью. Сформировав ещё несколько комков, я сложил всё в остатки куртки, свернул и приторочил к рюкзаку.

Арматурину я уже привычно приспособил под рюкзак за спину, топор воткнул в петлю на ремне, рассыпал остатки патронов по карманам пыльника, поправил налобный фонарь и выпрямился.

Ну, что ж. Остаётся надеяться, что всё пойдёт по плану. Очень шаткому, почти призрачному — но какой уж есть. Потому что другой придумать в этих обстоятельствах мне не под силу. Так что будем использовать тот, что имеется.

— Ну что, Симба, готовься к первому акту представления, — пробормотал я, скатывая один из шаров и нанизывая его на арматурину, как на шампур. — Сейчас будет жарко. В буквальном смысле.

— Уточнение: температура возгорания бензина при наличии открытого источника пламени составляет от четырёхсот до пятисот градусов по Цельсию, — не преминул похвастаться своей эрудицией Симба.

— Спасибо, справочник. Уточнение принято к сведению. А теперь заткнись и дай сконцентрироваться.

Вернувшись к краю тоннеля, я осмотрелся. Диспозиция

не изменилась. Хорошо. Ну, что, паучки, сейчас факир-гастролёр покажет вам увлекательное фаер-шоу…

Я чиркнул спичкой о коробок, закреплённый на плечевой лямке, поднёс огонь к пропитанной бензином тряпке и дождался, пока комок вспыхнет. Пламя взвилось рыжим лепестком, огонь жадно взялся за ткань. Я поднял арматурину, размахнулся — и резким движением метнул пылающий шар в темноту станции.

Горящий комок, словно выпущенный из катапульты, огненным протуберанцем прочертил темноту, и по параболе шмякнулся где-то в глубине, среди плотных, свисающих с потолка полотен паутины.

Через пару секунд там занялось, затем — вспыхнуло. Сухая сеть загорелась весело и охотно. Огонь взметнулся вверх, расползаясь по потолку.

Станция ожила.

Ближайшие к очагу возгорания сетники шарахнулись в сторону, что-то заверещав. Вокруг огня быстро образовалось пустое пространство, и я усмехнулся. Не ожидали, уроды? Сейчас добавлю.

Я поджёг следующий комок тряпок и отправил его в другую сторону. Там тоже весело полыхнуло. По станции будто волна пробежала, а по тоннелю пронеслись многоголосый визг и стрекотание. Кто-то шипел, кто-то царапал бетон, но общая эмоция прослеживалась чётко — страх.

Ба, ребятки, да вы, никак, огня боитесь? Это я удачно за-

шёл…

И тут начали взрываться патроны, завёрнутые в тряпку.

Сетники бросились врассыпную, колонию охватила паника. Я же, пользуясь общей неразберихой, быстро двинулся вперёд. Отправил в темноту ещё один пропитанный бензином комок тряпок, достал факел, поджёг, швырнул к стене станции — туда, где в сетях паутины вздрагивали коконы. Вспыхнуло, я усмехнулся и практически побежал дальше.

И тут я понял, что совершил ошибку. Стоило загореться паутине вокруг коконов, как послышалась раскатистая трель, и часть сетников моментально рванула в мою сторону. И только сейчас до меня дошло, чем именно эти коконы отличались от других, и почему они шевелились.

Потомство.

Я покусился на будущее колонии, и сетникам это явно не понравилось.

Прямо на меня выскочила здоровенная тварь. Распахнула пасть, собираясь заорать, но я со всего маху зарядил ей арматуриной прямо по оскаленной морде. Сетник качнулся, я прыгнул вперёд и одним движением вбил ему в голову выскочивший из руки клинок. За спиной свистнуло, я резко развернулся и ударом второго клинка почти снёс голову второму сетнику. Выругался, стряхнул тварь с лезвия, и на полусогнутых, стараясь держаться в тени, побежал к центру платформы.

Сетники метались по платформе в панике. Появившиеся,

словно из ниоткуда особо крупные особи свистом и щелчками пытались организовать из них хоть какое-то подобие пожарной команды. Получалось у них так себе. Те, что рванул к коконам, самоотверженно боролись с огнём, остальные же лишь бестолково метались по перрону. Усиливая неразбериху, я запустил ещё два «фаербола», начиненных патронами. Через несколько секунд полыхала уже вся станция. Сам того не ведая, я, кажется, избрал идеальную тактику. Огонь и свет. Две вещи, которых, судя по реакции, сетники боялись больше всего на свете. Паутина, треща, полыхала, тоннель постепенно заволакивали клубы густого дыма, сетники, визжа и пересвистываясь, носились по платформе, а я, подобно демону, выбравшемуся из самых глубин ада, продолжал сеять хаос.

— Опасность! — раздался в голове голос Симбы, и в ту же секунду передо мной, рухнув откуда-то сверху, оказался один из воинов.

Крупный, мощный, с импровизированным копьём наперевес. Глаза — два красных уголька. Он заметил меня, издал короткий скрежещущий рык и рванулся вперёд.

Я вскинул обрез и выстрелил.

Звук выстрела разнёсся по тоннелю гулким эхом, перекрывая треск пламени и гвалт тварей, сетник, получивший заряд в голову, рухнул на землю, захлёбываясь собственной слизью, а среди гвалта послышались пронзительные щёлкающие трели: меня заметили.

Твою мать!

Перезарядив обрез, я поджёг последний оставшийся у меня свёрток и швырнул его вперёд, в сторону капища. Паутина вспыхнула, как сухая трава, воздух наполнился вонью гари, шипением, визгом. Кто-то завыл нечеловеческим голосом — долго и глухо.

Получайте, твари.

Я не скрывался. Уже не было смысла. Запрыгнув на платформу, я рванул вперёд. Вдоль пылающих стен, под сводами, с которых срывались огненные капли. Под ногами хлюпала сгоревшая слизь, кто-то попытался преградить путь… Разрядив обрез в оскаленную морду, я качнулся в сторону, пропуская мимо заряд паутины, выстрелил ещё раз, сбив плюнувшего сетника со стены, бросил бесполезный обрез в глубокий карман пыльника и устремился дальше. На перезарядку времени не осталось.

Центральный Узел горел.

Пламя перекинулось на него по паутинным лианам, свисающим под сводами, и сейчас пламя лизало мусор, пластик и тела мёртвых киборгов, вплетённые в общую инсталляцию. Выхватив очередной факел, я поджёг его и бросил прямо к подножию. Тут же вспыхнуло, пара сетников, затаившихся в тени, с визгом бросились в сторону. Движение за спиной, взмах топора, ещё одна тварь валится на пол с раскроенным черепом.

Нужно заканчивать тут и сваливать. Если они сейчас су-

меют организоваться — мне конец.

Вот только сначала я планировал сделать кое-что ещё.

— Ну что, Симба, — выдохнул я сквозь копоть. — Локализация мутагенной угрозы идёт по плану, да?

— Подтверждаю, — отозвался он. — Уровень поражения колонии — быстрорастущий. Внимание! По моим прогнозам, опасность для носителя растёт! Рекомендую как можно быстрее покинуть локацию!

— Да плевать, — хрипло ответил я. — Мы ж хотели зажечь. Вот и зажгли. По полной. Но я рад, что мы с тобой снова думаем одинаково.

Воспользовавшись паузой, я перезарядил обрез. Слева мелькнула тень, я резко развернулся и выстрелил. Ранил. Воина сетников качнуло в сторону, я прицелился тщательнее, и вторым выстрелом добил тварь. Вот только с другого конца платформы уже спешили другие. Так, надо бы и правда заканчивать, а то что-то я заигрался.

— Эй! — со стороны коконов послышался хриплый голос. — Помоги! Быстрее!

— Погоди, — буркнул я, будто замурованные в коконах люди могли куда-то уйти. — Секунду, — я перезарядил обрез и только тогда двинулся на звук.

Центральный Узел уже не просто горел — он полыхал, чадя и воняя. Это явно не нравилось сетникам. Забыв даже о собственном потомстве, свистя и щёлкая, они стягивались к центру платформы со всей станции. Пока ещё их сдерживал

огонь, многие щурились от яркого света и прикрывали головы руками, но я видел: ещё немного, и чаша терпения переполнится. Настанет момент, когда ярость возобладает над страхом, и они бросятся сюда всей кучей.

Очень хочется в этот момент быть где-нибудь в другом месте.

Подскочив к кокону, я сунул обрез в карман, достал топор, и, примерившись, одним движением перерубил удерживающую его паутину. Мужчина внутри задёргался, кокон качнулся и покатился к огню. Я остановил его ногой, нагнулся, и, выпустив из запястья клинок, принялся за работу. Паутина была свежей, липкой и вязкой, поддавалась с трудом, и я потратил гораздо больше времени, чем рассчитывал, прежде чем мужик в покрытом слизью камуфляже смог выбраться наружу. Он буквально вывалился из кокона, попытался встать и упал. Видать, долго их здесь держали…

— Эй, мужик, ты как? — я одним движением вздёрнул его на ноги. — Идти сможешь?

В голове мелькнула нехорошая мысль. Если он не сможет идти — его придётся тащить. Тогда моя подвижность резко снизится. А есть ещё его подруга… Двоих я точно не вытащу, останусь тут вместе с ними. Напрашивается только одно решение…

Кажется, наиболее логичный вывод красноречиво отобразился на моём лице, потому что тот вздрогнул и кивнул.

— Да, нормально. Лиса…

— Давай, освобождай свою подругу, — я бросил ему топор. — А у меня, кажется, есть занятия поважнее. Он посмотрел на меня с непонимающим выражением на лице, потом проследил за моим взглядом, и, сглотнув, бросился ко второму кокону. А я сжал в одной руке обрез, в другой — арматурину и шагнул вперёд. Навстречу валу наконец-то преодолевших свой страх сетников.

— Кажется, намечается крутая вечеринка, Симба, — хрипло хохотнул я. — Ну что, ублюдки, потанцуем?

Глава 12

Первого сетника я встретил ударом прута по голове. Тот отлетел в сторону, неловко споткнувшись, упал в огонь, и тут же вспыхнул. Заверещав, он ринулся назад, путая и сбивая своих, что дало мне время подготовиться к следующей атаке. Ещё один, пригнувшись, бросился снизу, я сбил его с платформы ударом ноги, и тут же едва не пропустил удар копьём — новым врагом оказался воин, и я, не раздумывая, разрядил в него один из стволов обреза. Бодаться с крупными, вооружёнными сетниками врукопашную у меня не было абсолютно никакого желания. Жаль только, что патронов всего два, ещё один выстрел — и придётся что-то думать.

Пока меня спасала выгодная позиция: я стоял в настоящем огненном коридоре, над головой полыхало, отрезая сетникам возможность атаковать сверху, и твари не могли напасть всей кучей. Плюс, бóльшую часть нападающих составляли рабочие, а они явно не горели энтузиазмом… Не горели, да. По крайней мере, пока что. Твари боялись огня, боялись света, и всё это их сильно деморализовало. Они были сильны в темноте, сильны количеством и организованностью, и теперь я понимал, почему геллхаунды отказались сюда соваться: в достаточно тесных для робопсов тоннелях их бы просто задавили массой. Сейчас же я был в достаточно выигрышном положении, но рано или поздно либо огонь

ослабнет, либо сетники осмелеют — и тогда мне не поздоровится.

Сразу несколько сетников плюнули паутиной, и я выругался — мою верную арматурину вывернуло из руки и отбросило куда-то на рельсы. Сразу за этим манёвром последовала атака. Я выстрелил из обреза в особо крупного сетника, пнул другого, пробил клинком голову третьего и отпрыгнул назад.

Рванув из кармана пыльника бутылку с бензином, я сорвал пробку и щедро плеснул на беснующуюся многоногую массу. Кого-то из облитых сетников качнуло, пламя лизнуло его покрытую язвами кожу, и он весело вспыхнул. Заверещав, тварь бросилась в самую гущу сородичей, сбивая их с ног и поджигая всё новых облитых сетников. Через несколько секунд полыхала вся платформа, а атака окончательно захлебнулась, подарив мне небольшую передышку. Но это явно ненадолго: я уже видел, как десяток здоровенных сетников-воинов спешат ко мне с другого конца платформы, вовсю орудуя копьями. Сетники, не церемонясь, лупили нерешительных сородичей древками, спихивали их с платформы и с каждым шагом становились все ближе. Твою мать, да сколько этот мужик там ещё будет копаться?

— Центральный Узел уничтожен, — проговорил в голове Симба. — Колония дезорганизована. Рекомендую скорейшее отступление.

А вот это хорошие новости. Не знаю, как неведомый про-

токол оценивает успешность выполнения задания, но если Симба зарегистрировал уничтожение Узла — то полдела сделано. Всего-то и осталось, что «локализовать мутагенную угрозу». Сущая ерунда. Вот только как бы эта мутагенная угроза меня самого не локализовала…

Перезарядив обрез, я схватил предпоследний факел и сунул его в огонь. Тот весело вспыхнул, и я тут же взмахнул им, отгоняя здоровенную тварь. Выстрел! Минус один сетник. И минус один патрон… Да сколько вы там валандаться будете?

И в этот момент где-то сзади сухо застучал автомат.

В сетников ударила длинная очередь, сразу подчистую выкосив первый ряд. Один из воинов забился на полу, получив пулю в позвоночник, ещё один упал с перрона, поймав головой сразу несколько, остальные отпрянули. Я обернулся: освобождённый мужик стоял с весьма решительным лицом, крепко сжимая автомат, с которого кое-где ещё капала слизь. За ним, придерживаясь за плечо спутника — девушка. Она всё ещё не пришла в себя, но, по крайней мере, была уже свободна и могла двигаться. А значит — пора сваливать.

— Уходим! — рявкнул я, одним прыжком оказавшись рядом со спасёнными мною лишенцами. — Быстрей, быстрей, быстрей!

«Быстрей» не очень получилось.

Девчонка, хоть и держалась на ногах, постоянно спотыкалась, мужик — Серый, по всей видимости — тащил её на себе, но и сам при этом выглядел не сильно лучше. Автомат

в его руках дрожал, взгляд метался по сторонам. Впрочем, он хотя бы не паниковал — это уже плюс.

Правда, кажется, на этом плюсы заканчивались.

Сетники, похоже, решили, что пора взять реванш.

— Вперёд! — крикнул я, развернулся и выстрелил в одного из прыгнувших со стены ублюдков. Патронов, мать их, всё меньше. — Бегом к эскалатору!

Огонь на платформе позади затухал. Центрального Узла больше не существовало, паутина сгорела почти вся, и пламя больше не останавливало тварей. Они не бежали. Они шли. Волной. Равнодушной и безостановочной, как лавина.

Ну ладно, «лавина» — это я перегнул. Тут всего-то штук сто пятьдесят тварей было. По пятьдесят на брата. И сестру. Но что-то подсказывало мне, что этого количества нам хватит с лихвой.

Мы пересекли платформу, проскочили под сводом — и я увидел то, что искал.

Эскалатор.

Старый, мёртвый, заросший мхом, облепленный коконами, и — как и всё тут — затянутый паутиной. Причём не просто плёнкой, а слоями, толстыми, как зимняя одежда. Примерно посередине была целая стена из паутины, рассекающая эскалатор на две части — видимо, сетникам очень не нравились гости из внешнего мира…

Вот только вариантов у нас не было. А значит — придётся прорываться.

Мы рванули вверх по ступенькам. Путаясь в паутине, скользя по слизи и чуть не падая, волоча за собой девушку, которая до сих пор так и не пришла в себя…

Но, тем не менее — мы поднимались.

Достигнув паутинной стены, Серый повесил автомат на плечо, схватил мой топор и сплеча рубанул по паутине. Вот только вместо того, чтобы рассечь полотно и проделать проход, топор упруго отскочил от него, и Серый по инерции едва не улетел назад. С трудом поймав равновесие, он выругался.

Я бросил взгляд назад. Сетники, облепив эскалатор, стены и даже потолок, неумолимо приближались. Они не торопились, понимая, что деваться нам некуда.

— Охренеть, — выдохнул Серый, глядя на эту картину.

— Ну да, — буркнул я. — Почти как метро в пятницу вечером.

Осмотревшись и не придумав ничего лучше, я ткнул всё ещё горящий факел в паутину. Та занималась неохотно, будто не хотела нас пропускать, однако уже через несколько секунд пламя вспыхнуло и заревело.

— Назад! — я схватил девчонку за плечо и дёрнул. Огонь лизнул воздух, жар ударил в лицо. Несколько секунд — и эскалатор впереди превратился в пылающую пасть. Мы спустились на несколько ступеней.

О том, чтобы проскочить, пока не прогорит вся паутина, нечего было и думать — слишком уж жарко та полыхала. Наверное, сгореть заживо более предпочтительно, чем сдох-

нуть в коконах сетников, но я предпочитал третий путь.

— Прогорит? — спросил Серый, кашляя.

— Прогорит, — уверенно кивнул я. — Вопрос только в том — когда именно.

Полыхало по-взрослому. Не в силах терпеть чудовищный жар, я спустился ещё на пару ступеней. Перезарядил обрез, порылся по карманам и выругался. Патронов больше не было.

Снизу снова послышался визг. Я повернулся на звук и выругался.

Из тоннеля поднимались сетники, и сейчас они были совсем близко. Спереди — воины. За ними — остальная мразь. Визжащая, щёлкающая, полыхающая красными глазами.

— У тебя сколько патронов? — повернулся я к Серому.

— Полмагазина, — с сожалением пожал тот плечами.

— М-да… — я с надеждой посмотрел на горящую паутину. Нет, соваться туда рано. Грёбаные паучки постарались на славу, заплели проход плотно, во много рядов… Явно не один день здесь упахивались. Надеюсь, они не до самого верха все забаррикадировали, а?

Взгляд на сетников. Идут. И будут здесь раньше, чем проход прогорит окончательно. Хреново… Очень хреново…

— Симба! — пробормотал я. — Готовь нейроген!

Меня пошатывало, к горлу то и дело подкатывал тошнотворный комок, колени неприятно подрагивали, и снова лезть в драку, да ещё под действием нейрогена, было сейчас

последним, чего мне бы хотелось, но другого выхода я не видел.

— Отказ, — отозвался он с той же спокойной холодностью, с которой сообщил бы о пробке на МКАДе. — Повторное использование нейрогена в текущем состоянии приведёт к значительному ухудшению состояния носителя.

— Вот это, мать твою, новость! — выстрел. Один воин дёрнулся, упал, подминая под себя сородича. Один патрон. Остался один патрон.

— Симба, ты серьёзно?! — я достал из рюкзака последнюю бутылку с бензином. Открутил пробку и принялся обливать ползущих сетников. — Давай, железяка! Активируй! Хочешь окончить дни, украшая своей микросхемой ожерелье очередного сетника?!

— С кем ты разговариваешь? — послышался голос Серого.

— С ангелом-хранителем! — огрызнулся я.

— Меня бесполезно запугивать. Мои действия не определяются страхом, — почти обиженно заметил Симба. — Однако с точки зрения расчёта, шанс на успешное…

— Не нуди! Врубай! Сейчас! — я выстрелил в вырвавшегося вперёд сетника, машинально отметив, что патронов больше нет, размахнулся и метнул факел прямо в толпу. Полыхнуло, сетники откатились назад — но незначительно. Их было слишком много, и они были слишком близко. Ещё несколько секунд, и…

[АКТИВАЦИЯ НЕЙРОГЕНА] — вспыхнула перед глазами надпись, я развернулся, выхватил у оторопевшего Серого топор, и, подняв его над головой, прыгнул вниз.

Поехали, повеселимся!

Последнее, что я запомнил — громкий треск черепа воина сетников, когда в него врезалось лезвие топора. А потом меня подхватило, закрутило и унесло на обрушившейся девятым валом волне нейрогена.

Я рубил, резал, кромсал, бил, бросал, рвал и ломал. Уклонялся, отпрыгивал, отшатывался и шёл в атаку. Лицо залито слизью, своей и чужой кровью, мышцы гудят от напряжения, как электроподстанция, кровь долбит в мозг, сердце грохочет так, будто собирается выпрыгнуть из груди. Я — возмездие, я — страх и ужас, я — воплощение бога войны на этой грешной земле, я — сама смерть!

[ВНИМАНИЕ!!!]

>Зафиксировано критическое снижение жизнеспособности. Дальнейшее использование нейрогена может привести к гибели носителя.

>Активация нейрогена заблокирована.

Чего? Какого…

Я зашатался и рухнул на спину, больно ударившись о ступени. Надо мной нависла оскаленная морда сетника, я попытался вскинуть руку, чтобы защититься, но, кажется, я теперь абсолютно не владел своим телом. Сетник довольно ощерился, размахнулся копьём… И опрокинулся вниз, пря-

мо на своих сородичей, когда сверху по нему хлестнула автоматная очередь. Ступени задрожали — кто-то бежал. Картинка плыла, зрение заволокло туманом, и я чувствовал, что медленно, но верно скатываюсь в тёмную пучину беспамятства. Нет, только не это! Твою мать…

Чьи-то сильные руки дёрнули меня, подхватили и поволокли наверх. Над ухом коротко и отрывисто стучал автомат, раскалённая гильза попала мне за шиворот, обжигая кожу, но я даже ругнуться не смог. Кто-то кричал, над головой мелькали рёбра перекрытия… Новый рывок — ступени кончились. Меня поволокли ещё быстрее. Снизу раздавалось злобное шипение, свист и гортанные вопли. Перед глазами на миг мелькнула девичья фигурка. Девушка размахнулась и швырнула вниз массивный цилиндр. Через секунду павильон метро осветила вспышка, настолько яркая, что стало больно глазам, внизу гулко бумкнуло, и резко наступила тишина. Плотная, уютная и вязкая, резко контрастирующая с тем хаосом, что царил здесь всего секунду назад. Вместе с ней пришла и тьма. Тёплая и ласковая. Настолько приятная, что я решил ей не сопротивляться, расслабился и скользнул в её объятия. Всего на секундочку. Совсем чуть-чуть отдохну и продолжу убивать. Обязательно продолжу. Только чуточку позже. В конце концов, хотя бы несколько секунд отдыха я заслужил.

***

— А я говорю, надо убить его и сваливать отсюда, — слова

ввинтились под череп раскалённым сверлом, я даже смысл их не сразу понял. — Пока сетники не припёрлись!

— На улице день. Сетники днём не выбираются, ты сам знаешь, — если первый голос был мужским, слегка гортанным и грубым, то второй был высоким, приятным и несомненно принадлежал женщине.

— Да какая разница? Не сетники, так этот очнётся. Ты видела, что он творил там, внизу? Уверена, что хочешь с ним связываться, когда эта машина смерти в себя придёт?

Машина смерти — это я, да. Приятно познакомиться. Вот только сейчас у этой машины явно закончилось горючее…

— Он нас спас, Серый, — женский голос звучал укоризненно.

— Потому что знал, что сам не выберется! А дальше… Ты видела татуировку у него на запястье? Это грёбаный киборг! Хочешь на переработку отправиться?

— Он не может быть киборгом! — девушка повысила голос. — Он вёл себя совсем как человек! Ты же сам его вытащил!

— Потому что не видел, кого тащу… То, как он себя вёл, ещё ничего не доказывает, — мрачно буркнул Серый. — Лиса, у него Клеймо Эдема! Он — проклятая тварь! Такая же, как и остальные! Забыла судьбу Седьмого Убежища? Те, кто впустили его, тоже думали, что он человек!

— Это не он! Не может быть он! — горячо возразила девушка.

— Со мной-то не спорь! Я видел записи! Эту рожу никогда не забуду! Он вырезал всех, подчистую! Сорок пять человек!

— Вот только тот, кто разорил Седьмое Убежище — мёртв, — мрачно ответила девушка. — Ты обознался, Серый.

— Я не собираюсь проверять, обознался я, или нет, — мрачно отрезал мужчина. Я услышал шорох одежды, треск камешков под подошвой, сделал над собой усилие и открыл глаза.

Прямо надо мной стоял Серый. Губы сжаты, глаза прищурены, в руке — пистолет весьма неслабого калибра… И ствол этого пистолета сейчас смотрел мне прямо в лицо.

— Доброго дня, господа, — с трудом разлепив пересохшие губы, прохрипел я. — И дамы тоже. Рад видеть, что вы в порядке. И, если уж я случайно подслушал ваш разговор — не объясните ли мне, что тут, мать вашу, происходит? И какого хрена мне тычут в лицо пушкой?

Лицо Серого исказила гримаса.

— Я же говорил, что его нужно валить сразу! — прорычал он и утопил спуск.

Ну ни хрена себе сходил за хлебушком!

Глава 13

Грохнул выстрел.

Я даже не понял, что произошло, потому как все, на что меня хватило — откатиться в сторону. И, полагаю, сделал я это сильно медленнее, чем летела пуля. Тем не менее, я всё ещё жив. А почему? Кое-как приподнявшись на локтях, я повернулся к Серому и нахмурился.

На его руке всем весом, не давая снова вскинуть пистолет, повисла Лиса. Серый, рыча, пытался её стряхнуть, но девушка держала крепко.

— Не дури, Серый! — почти кричала она. — Ты что творишь?

Слушать её Серый не спешил. Сцепив зубы, он пытался отбросить девушку, и, кажется, был близок к тому, чтобы её ударить. Так. Кажется, настало время вмешаться.

Собрав все силы, я оттолкнулся от земли и встал. Меня качнуло, в последний момент удалось удержать равновесие и не распластаться, но колени подрагивали. «Всё, что не убивает — делает нас сильнее», как брякнул кто-то из философов. Сильнее, ага… Посмотрел бы я на него после инъекции нейрогена!

— А ну, хватит! — рыкнул я.

Однако вместо того, чтобы успокоиться, Серый отшвырнул, наконец, свою подругу в сторону, и вскинул пистолет,

целясь мне в голову. Ствол заметно гулял из стороны в сторону. Ба, да он боится! Несмотря на то что оружие — у него, а не у меня. Интересно девки пляшут…

— Тихо, тихо! — я поднял руки на уровень груди и показал открытые ладони. — Я не знаю, что на тебя нашло, дружище, но мне казалось, что «спасибо» говорят несколько иначе.

— Назад отошёл! Слышишь? Быстро! — дрожащим голосом заорал Серый. — Отошёл! Или я выстрелю!

— Стреляй, — пожал я плечами. — Только рекомендую сразу подумать о том, что будет, если ты меня не убьёшь с первой попытки. Потому что второй я тебе не дам.

Конец фразы я буквально отчеканил, сам удивившись лязгнувшему в голосе металлу. Впрочем, чего удивительного? Я этого урода спас, а он в меня теперь пушкой тычет. Тут кто угодно взбесится.

— Два шага назад! — в глазах Серого плескался страх. Я сжал челюсти.

Больше всего мне хотелось сейчас шагнуть не назад, а вперёд, вырвать у Серого ствол, попутно сломав ему руку в двух-трёх местах, и наглядно продемонстрировать, почему некоторым индивидуумам лучше носить оружие со спиленной мушкой, но меня сдерживало два фактора. Во-первых, я опасался, что вот прямо в этот момент у меня банально не хватит сил — мутило и пошатывало меня конкретно. А во-вторых… Я не знаю, что за недоразумение тут возникло, и за

кого меня принял Серый, но мне очень хотелось его уладить. Потому что эти двое — первые из относительно нормальных людей, которых я встретил с того момента, как пришёл в себя. Относительно — потому что нормальные люди в тех, кто их спасает, стволами не тычут. Но даже относительно нормальные сгодятся для того, чтобы получить хоть какую-нибудь информацию про окружающий меня хтонический звездец.

Однако у судьбы были свои планы на этот счёт.

Я шагнул назад, продолжая держать руки на виду, когда позади вдруг раздался грохот, а липкий страшок в глазах Серого сменился на панический ужас, и я, не раздумывая, прыгнул в сторону.

[ОПАСНОСТЬ!] — запоздало полыхнула красным надпись в интерфейсе, а я уже катился вниз по стенке какой-то канавы, обдирая лицо об острые камни.

Вверху раздалось характерное жужжание, а потом по ушам ударил грохот, который я никогда бы ни с чем не спутал: рёв многоствольных авиационных пулемётов забыть невозможно, если слышал его хотя бы раз в жизни. Я, по всей видимости, слышал. Вскочив на четвереньки, я бросился прочь. Что бы там наверху ни происходило, мне хотелось быть как можно дальше от этого.

Канава кончилась, я приподнялся и на полусогнутых бросился к ближайшему дому, планируя укрыться за ним. На бегу повернулся на звук, и едва не полетел кубарем от неожи-

данности.

Позади, метрах в двадцати от меня, посреди улицы стоял огромный робот. Очень похожий на того, что я уже видел ранее, только состояние у этого было получше. И, судя по тому, как он вёл огонь по руинам, с боекомплектом у него было всё в порядке. Стоило мне бросить на него взгляд, как верхняя часть робота резко развернулась, я увидел вертящиеся стволы направленных на меня пулемётов, и…

— Фиксирую облучение сканирующими системами, — очнулся Симба.

Робот медлил. А в интерфейсе возникла надпись.

[ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА]

>Тактический боевой робот «Раптор».

>Боевой юнит Эдема.

>Статус: враждебный.

Последняя строчка внезапно мигнула и изменила угрожающе-красный цвет на спокойно-серый. А статус «враждебный» сменился на «нейтральный».

Робот полностью потерял ко мне интерес, развернул башню, и, оставив меня пребывать в глубоком недоумении, неожиданно проворно для своих габаритов потрусил в руины. Туда, где, судя по отсутствию трупов на земле, успели скрыться Серый с Лисой.

Интересно девки пляшут, ничего не скажешь… М-да. Кажется, мне есть о чём поразмыслить. Но сначала я уберусь в какое-нибудь более безопасное место. Пока сюда на звуки

разборки ещё кто-нибудь не пожаловал. Не факт, что мне так повезёт второй раз подряд.

***

— Симба, я ни хрена не понял из того, что произошло, — признался я, устроившись в продавленном кресле полуразрушенной квартиры. Убежище я себе уже традиционно подобрал на третьем этаже угловой многоэтажки. Вход в подъезд зарос коричневой плотоядной травой, и войти незамеченным у незваных гостей не получилось бы. Сам я пролез через разбитое окно на первом этаже, поднялся по лестнице и теперь пытался хоть немного восстановить силы, жуя остатки мяса и запивая их водой с привкусом пластика. — Что вообще всё это значит?

— Некорректный запрос. Требуется снижение уровня абстракции, — равнодушно отозвался ассистент. Я чертыхнулся.

— Ну, смотри. Я впервые встретил нормальных людей, и они тут же попытались меня убить. Мою татуировку назвали клеймом, меня самого — проклятой тварью, и по всему выходит, что отношения с Эдемом у них как-то не сложились. А ты говорил, что прямое назначение Эдема — восстановить жизнь на Земле. Учитывая, что люди, это жизнь, а раптор, идентифицированный, как боевой юнит Эдема, изо всех сил пытался эту жизнь изничтожить на моих глазах, у меня появляются некоторые вопросы…

— Запрос корректен. Прямого ответа в базе данных нет.

Могу предположить, что встреченные носителем особи совершили правонарушение и внесены в реестр враждебных юнитов.

Хм. Интересная версия.

— Правонарушение? — я усмехнулся. — Звучит, как что-то из нормального мира. И чего такого нужно натворить, чтобы Эдем посчитал тебя вне закона?

— Возможны несколько вариантов. Чтобы попасть в реестр враждебных юнитов, нужно совершить акт агрессии в отношении юнитов Эдема, порчу имущества или инфраструктуры Эдема или нарушить одну из директив.

— А как же «не навреди»? — я удивлённо вскинул брови. — Разве это не должно быть главной директивой Эдема?

— «Не навреди» не найдена в списке активных доступных директив.

— Прекрасно. Похоже, о трёх законах робототехники в здешних краях не слышали, — пробормотал я.

Чем больше я обдумывал происходящее, тем больше оно мне не нравилось. По всему выходило, что выжившие находились в жёсткой конфронтации с Эдемом — в правонарушения, перечисленные Симбой, верилось с трудом. Уж слишком жёстко звучали директивы. Да, законы военного времени, и вот это вот всё, но… Блудняком как-то за версту несёт. И я оказался в его самом эпицентре. Вот честно — я бы с гораздо большей охотой отправился искать людей, чем перенастраивать долбанный ретранслятор. Что-то мне

подсказывало, что там ответы на свои вопросы я бы получил значительно быстрее. Но такой возможности у меня не было. Судя по внешнему виду, оружию и экипировке Лисы и Серого, навряд ли у них найдутся технологии, способные привести меня в порядок. Про грёбаный вирус вообще молчу. Так что приоритеты остаются прежними: сначала ретранслятор, потом — медицинский модуль, и только потом — поиск выживших. Кроме того, если после посещения модуля Эдема ко мне вернётся память, жить станет значительно легче. В общем, решено. Вот только в себя бы прийти хоть немного… А то со своим текущим самочувствием я имею неиллюзорные шансы скопытиться по дороге. Не говоря уже о том, что в дивном новом мире за каждым углом возможна встреча с очередной неведомой хтонью, которая может потребовать концентрации всех моих сил. Которых, судя по откату от последней активации нейрогена, осталось не так уж и много. И вероятность того, что следующая убьёт меня с гарантией, уже не выглядит банальной перестраховкой искусственного интеллекта. М-да. Чем дальше в лес — тем больше стеклотары…

— Симба, — снова позвал я ассистента, вспомнив ещё один весьма интересующий меня момент. — А почему статус раптора внезапно сменился на нейтральный?

— С вероятностью в девяносто процентов тактический биоробот «Раптор» распознал в носителе юнит Эдема, — тут же отозвался помощник.

— Допустим, — я кивнул. — Но почему тогда статус «нейтральный», а не «дружественный»?

— Дружественный статус может быть присвоен юниту только после включения в общую сеть и синхронизации с системами Эдема.

— Угу. Право на которую ещё нужно заслужить, — буркнул я. Подумать только, я должен выслуживаться перед какой-то грёбаной нейросетью только для того, чтобы её железки меня не грохнули… Не так, ой не так представлял я будущее человечества… Кажется, когда мои современники шутили на тему «когда нейросети нас победят» — не так уж они и шутили. Хотя всё равно кажется, что они имели в виду нечто другое…

Ладно. Подведём итоги.

Поход в подземелье аукнулся мне потерей боеприпасов, патронов, верной арматурины и резко понизившейся боеспособностью. Из всего оружия у меня остался только топор, который я каким-то чудом прихватил с собой, кувыркаясь в канаву от раптора. Инстинктивно, наверное. Смешно, но именно арматурину, верой и правдой служившую едва ли не с самого начала, мне было жальче всего. Ну, ладно, и обрез тоже. Который, впрочем, без патронов превратился в тяжёлую и неудобную железяку, которую нужно таскать с собой. Я себя знаю: даже понимая, что вероятность найти подходящие патроны в постапокалиптической Москве — ноль целых, хрен десятых, выбросить ствол мне бы жаба не позво-

лила. А так… Ладно. Легко пришло — легко ушло.

В активе у нас были разблокированные клинки, и… И, пожалуй, всё. Не считая некоторой новой информации и понимания, что здесь творится какой-то блудняк. Впрочем, в этом я и раньше не сомневался.

— Симба, что там у нас по заданию? Доложи статус задачи по локализации мутагенной угрозы, — очень не хотелось бы свалить к ретранслятору и внезапно узнать, что я что-то там не доделал, и основное задание превратилось в бессмыслицу.

— Вывожу статус задачи, — тут же отозвался Симба. В интерфейсе перед глазами возникла надпись.

[ЛОКАЛИЗАЦИЯ МУТАГЕННОЙ УГРОЗЫ]

>Центральный узел: уничтожен.

>Колония: разобщена и дезорганизована, частично уничтожена.

>Уровень мутагенной угрозы: снижен до приемлемого.

>Вероятность восстановления колонии: 2%.

>Статус задачи: выполнена.

Проследуйте к ближайшей станции Эдема для получения вознаграждения.

Хах. Ну, и то хлеб. По крайней мере, от меня, как выяснилось, не требовалось выкосить всех сетников до единого. Сейчас я на подобное явно был не способен. Но вообще — система кнута и пряника во всей красе. Выполнишь задание — получишь плюшку. Не выполнишь — в утиль. Ой, не нравится мне всё это, ой, не нравится… Но выбора нет. Ладно.

Будем решать проблемы по мере их поступления. Сначала — подлечиться, потом — всё остальное.

— Симба, как у нас обстоят дела с регенерацией? Сколько активаций нейрогена я ещё переживу?

— Активных наноботов осталось меньше тридцати процентов. При текущем состоянии организма повторная активация нейрогена с высокой вероятностью приведёт к гибели носителя. Рекомендуется посещение…

— Ой всё, Симба. Хватит, — фыркнул я. — Вообще-то, я именно туда и собираюсь, если ты забыл. Но есть нюанс… Ладно. Где там этот ретранслятор? Давай, прокладывай маршрут, и двинули. А то времени у нас больше не становится.

— Прокладываю маршрут, — отозвался Симба. Расстояние до цели — два с половиной километра.

В интерфейсе развернулся новый полупрозрачный слой, на котором возникла карта с маршрутом. Недалеко… По старым меркам. По новым — десять раз сдохнуть успеешь, пока доберёшься. Ну, будем надеяться, что мне повезёт. Потому что больше, вроде как, и не на что.

— Ну, ладно, — я дожевал полоску мяса и с сожалением убрал свёрток в заплечный мешок. — Пойдём посмотрим на этот ретранслятор.

Надеюсь, что он хотя бы функционирует. Потому как что делать в противном случае, мыслей у меня не было.

Глава 14

Время — штука странная. Иногда оно растягивается до бесконечности, превращая каждую секунду в отдельный бой, в отдельный рывок через боль, страх, гул крови в ушах и металлический привкус отчаяния на языке. А иногда — вдруг сжимается в сгусток из шагов, пустых улиц, полусгнивших вывесок и молчаливых руин, которые проваливаются за спиной, не оставляя следа.

К счастью, на этот раз мне выпал второй вариант.

Не знаю, кого благодарить — судьбу, навигационные таланты Симбы или просто элементарную удачу, — но с момента выхода из укрытия мне не встретилось ничего опасного. Даже плотоядная флора ограничилась вялыми попытками шевелиться на обочине. Разве что один раз пришлось делать широкий крюк: старая дорога оказалась завалена, а соваться в тоннель под аркой разрушенного дома я что-то не рискнул. И выглядел он ненадёжно, и темнота в глубине шевелилась как-то чересчур неуютно… В общем, пришлось немного покружить и полазать по руинам.

Но всё-таки я дошёл.

Вопреки моим представлениям, НИИ связи оказался не монструозным зданием, а небольшой пятиэтажкой, пережитком старого времени, не снесённым, наверное, только потому, что отключать и перевозить оборудование было

сложнее, чем построить для него новое здание. Выглядел дом… Мягко говоря, запущенным.

Трещины на стенах, заросшие мхом окна, выломанная дверь, затянутая коричнево-бурой листвой — всё говорило о том, что цивилизация здесь померла давно и весьма мучительно.

Впрочем, сам институт меня интересовал мало. Куда интереснее было то, что виднелось из-за здания.

Вот он, собака.

За домом, возвышаясь над полузаросшими постройками, стояла вышка ретранслятора, резко контрастирующая с окружением. Тонкая, ажурная, обросшая облупленными антеннами и лохмотьями проводов. Техногенная игла, что тянулась к низкому, затянутому свинцовыми тучами, мрачному небу.

Я присел у перевёрнутого автобуса и глотнул воды, прижавшись спиной к ржавому борту.

— Вот ты где, зараза, — пробормотал я. — Неужели хоть раз в жизни всё будет по плану?

Сомневаюсь.

Перебравшись через полуразрушенный забор, я скользнул вдоль здания. Отыскал окно, не столь густо затянутое бурой растительностью, расчистил проём топором, и, подпрыгнув, ухватился за подоконник. Подтянулся, бросил быстрый взгляд внутрь — чисто, — и втащил себя в помещение. Внимательно посмотрел под ноги, аккуратно спустился на пол и

осмотрелся.

Первое, что бросилось в глаза — коричневая растительность.

Она была повсюду. По стенам, по полу, по потолку — будто кто-то разлил густой, подсохший кофе и дал ему прорасти. Не зелень — коричневая дрянь, такая же, как и остальные виденные мною образчики местной флоры, оказавшейся в постапокалиптической Москве доминирующим видом. Сухая, ломкая и, по ощущениям, очень неживая. Но, тем не менее, даже в таком состоянии она стелилась, вытягиваясь в определённом направлении: длинными усами, распластанными жгутами, к задней части здания — туда, где за стеной стояла вышка.

— Интересно, — пробормотал я. — Эта дрянь чувствует излучение?

Пройдя через помещение, я толкнул топором дверь и вышел в коридор.

Здесь было сыро, мрачно и пусто. Тусклый свет, пробивающийся через разбитые окна, давал возможность различить обломки мебели, сваленные в углу терминалы, ржавые стойки, целые жгуты проводов, тянущихся вдоль стен... Всё, как и ожидалось. Ладно. Двинемся дальше.

Я достал фонарь, двойным нажатием кнопки врубил красный диод, менее заметный с улицы, и, перехватив топор поудобнее, медленно двинулся вперёд.

Я планировал добраться до лестницы, подняться повыше

и рассмотреть вышку с безопасной дистанции. Что-то мне подсказывало, что просто подойти к ней прогулочным шагом, ткнуть пару кнопок и бодро двинуться к станции Эдема не получится. Слишком просто. А значит, сначала нужно провести рекогносцировку. Даже если я окажусь не прав, снаружи нет никого и ничего, пусть я лучше потрачу зря время, чем с разбегу суну голову в пекло. Хватит уже. В этот раз мне может и не фартануть.

Я шёл медленно, стараясь не шуметь. Не потому, что было страшно — просто привычка. Когда вокруг всё мертво и глухо, любой звук кажется криком. А привлекать лишнее внимание к своей персоне мне совсем не хотелось.

Внутри НИИ производил ощущение брошенности. Как будто не время сожрало это место, а люди сами выдрали из него всё ценное и свалили. И судя по всему, так и было.

На полу валялись бумаги. Много бумаг. Засаленные, слипшиеся от плесени, но кое-где уцелевшие настолько, что можно было различить заголовки. «Инструкция по переходу в режим автономной блокировки», «Карта резервных каналов связи», «Служебная переписка — ВНУТРЕННЕЕ». Одна особенно жирная папка валялась под ногами, разодранная, словно её пытались унести, но передумали или не успели. Я пнул её в сторону, и из-под обложки выползла жирная коричневая мокрица.

— Ну конечно, — пробормотал я. — Кто бы сомневался, что ты тут живёшь, милая.

Я прошёл дальше.

Вдоль коридора тянулись бесконечные административные помещения. Залы открытой планировки с перегородками, вдоль которых раньше сидели сотрудники. На столах — мониторы. В ряд, аккуратно, словно никто здесь ничего не трогал. А вот рабочие станции отсутствовали. Из-под столов торчали пучки проводов, но вместо системных блоков — пустота. Будто все собрали впопыхах, сдёрнули в ящики — и дёру.

— Экстренная эвакуация, — пробормотал я, глядя на хаос.

Двери в кабинеты скалились открытыми створками. Где-то опрокинуты стулья, валяются папки, на боку лежит здоровенный шкаф с документами. Но при этом ни следов от пуль, ни застарелых пятен крови… Впрочем, время и растительность потрудились здесь настолько основательно, что можно было их и не заметить. Ладно, неважно. В конце концов, здесь не произошло ничего, что выбивалось бы из ряда уже привычных картин, виденных мною ранее. А значит, это всё не имеет серьёзного значения.

Серверная — или то, что от неё осталось — выглядела особенно тоскливо. Я ожидал увидеть хотя бы развороченное железо. Вместо этого — абсолютно пустые стойки. Не демонтированные, а именно пустые. Все вынули подчистую.

— Да, ребята, вы явно куда-то очень спешили, — пробормотал я.

Симба молчал. И наверное, это было к лучшему. Лучше тишина, чем очередное предупреждение о неведомой опасности. Мне и так не скучно. Так, ладно. Где тут у них лестница на второй этаж? Надо бы забраться повыше…

Лестница обнаружилась в конце коридора, и по ней пришлось карабкаться. Один из пролётов рухнул, перекрыв путь обломками и арматурой, и пришлось искать зацепы, подтягиваться, ругаться сквозь зубы и молиться, чтобы ненароком не уцепиться за что-то живое. Я уже неплохо изучил этот мир и запомнил: то, что выглядит мёртвым — не всегда мёртвое. А то, что выглядит, как живое, лучше обойти десятой дорогой.

Поднявшись до второго этажа, я выругался. Путь наверх отсутствовал. Один из пролётов обвалился особенно неудачно, не оставив даже щели, сквозь которую можно было бы проскользнуть выше. Ладно. Пойдём поищем другую дорогу. Не одна же здесь лестница на всё здание, верно?

Коридор второго этажа походил на предыдущий, словно брат-близнец. Тот же запах затхлости, тот же пыльный ветерок из разбитого окна, те же пустые столы и мониторы, лишённые питания и смысла. Я медленно шёл вперёд, поглядывая по сторонам. Пару раз под ногами хрустнули высохшие канцелярские скрепки — звук в тишине показался оглушительным. Подняв голову, я посветил вперёд и выругался.

Дальше пути не было.

От пола до потолка тянулись тугие, блестящие во мраке,

как мокрый кабель, лианы. Целая стена, сплетённая из десятков жил — жилистых, коричневых, с зазубринами… Прямо по центру — толстый, как ствол дерева, корень, уходящий вверх, в пролом в потолке. Сквозь трещины в бетоне пробивался слабый дневной свет, подсвечивая лианы сверху, и от этого вся конструкция казалась… живой.

Нет. Не казалась.

Была живой.

Лианы шевелились слабо, почти незаметно, будто от лёгкого ветерка. Вот только ветра не было. Я прищурился. Влажные отливы искажающегося света скользили по поверхности лиан, как если бы внутри струилась кровь. Или что-то похуже.

— Нормальные герои всегда идут в обход, — пробормотал я, глядя на эту стену. Я уже видел такие растения. Там, на улице. И они явно питались не фотосинтезом. Так что — на фиг, на фиг. Обойдём.

Понять бы только, как…

Я сделал шаг назад. Второй. Лианы шевельнулись. Как будто чувствовали приближение. Я поморщился.

— Да чтоб вас… — пробормотал я. — Жаль, бензина не осталось. Я бы вас сейчас накормил… До смерти.

Шевеление прекратилось. Вся масса замерла, как зверь, притворяющийся мёртвым. Я хмыкнул. Страшно, да? Не бойся, хтонь. Бензин закончился. К сожалению.

Я шагнул к двери в левой стене. Посмотрю, что за ней,

в крайнем случае переберусь в следующее окно по карнизу. Всё лучше, чем пытаться пробиться сквозь лианы.

Дверь поддалась не сразу. Ручка была липкой, обросшей коричневым налётом, словно и здесь растительность пыталась заявить о своих правах. Я толкнул, и с хрустом оторвал пласт облезлой краски. Да твою ж мать! Сделав шаг назад, я примерился и ударил в дверь ногой. Та с треском и грохотом провалилась внутрь. Прекрасно, Антей. Ты просто мастер скрытности. Ассасин. Бесшумный убийца, мать его!

В нос ударила смесь плесени и пыли. Я заглянул внутрь и улыбнулся: повезло. За дверью оказался опенспейс с несколькими входами, и дальний из них определённо выведет меня с той стороны стены из лиан. Отлично.

Внутри было всё то же самое. Столы, перевёрнутые набок, груды стульев, провалившихся внутрь, как после драки, пучки вырванных проводов, обрывки бумаги, потемневшие от времени и лежащие на полу, как омертвевшие листья. Мёртвый лес, созданный временем… И человеком.

Одна из перегородок обрушилась. Свет из треснувших окон падал полосами, выхватывая отдельные участки. Где-то трепыхалась на сквозняке полуистлевшая штора. На стенах — следы от клея, где, вероятно, раньше висели плакаты или технические схемы. Ни одного компьютера. Ни одной рабочей станции. Только мониторы. Чёрные, пыльные, слепые.

Пройдя через зал, переступая через стулья и лавируя мимо столов, я остановился перед прозрачной выгородкой в

конце. Кабинет. Застеклённый, с перекошенной дверью. На полу валяется безликая пластиковая табличка. РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА. Внутри — мёртвый монитор, какая-то аппаратура — старая, громоздкая, с выгоревшими экранами, обмотанная проводами, как в кокон. Толкнув дверь, я поднял облако пыли и звонко чихнул. Симба, засранец бесчувственный. Хоть бы «будьте здоровы» сказал, что ли…

Я зачем-то вошёл внутрь и осмотрелся. Тотальное запустение, как и везде. Разве что на спинке стула висит лабораторный халат, выглядящий так, будто готов развалиться. Именно он и привлёк моё внимание. Висле он как-то неправильно, наискось, будто один из карманов оттягивало что-то тяжёлое.

Я шагнул вперёд, представил, как извлекаю из кармана халата полный комплект штурмовой брони, шлем высшего класса защиты и стрелковый комплекс с запасом патронов, и усмехнулся. Мечты-мечты… Запустив руку в карман, я достал оттуда увесистый металлический шар с выступающими гранями и кнопкой по центру.

— Это ещё что за хрень?

[ОБНАРУЖЕН НАКОПИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ]

Я хмыкнул. Интересно.

— Симба, что это ещё за флешка такая экзотическая? — поинтересовался я.

— Защищённый инфодамп повышенной ёмкости. Используется для длительного хранения информации. Устойчив к агрессивной среде, обладает крайне высокой автономностью.

— Ты что, хочешь сказать, что эта штуковина работает? — удивился я.

— Вероятность — выше девяносто пяти процентов.

— И куда его совать, чтоб узнать, что на нём? — у меня разыгрался интерес.

— Активация производится механическим переключателем типа «кнопка», — бесстрастно отрапортовал Симба.

— Типа кнопка, — буркнул я, оглядывая шар. — Когда-нибудь я всё-таки научу тебя говорить по-человечески. Ну, ладно, флешка из преисподней. Показывай, что там у тебя интересного.

Я нажал кнопку. Раздался щелчок, и шар раскрылся, будто очищенный апельсин. Из него ударили тонкие голубоватые лучи, рисуя в пыльном воздухе лазерную проекцию.

Передо мной был мужчина. Немолодой, лет семьдесят. Блестящая лысина, густая седая борода, аккуратная рубашка с галстуком и тот самый халат. На носу — старомодные прямоугольные очки. Мужчина посмотрел прямо в камеру и заговорил.

— Итак, испытания прошли успешно. Квантовый резонатор стабильно держит канал при тестовом разнесении на двенадцать километров. Потеря пакетов — отсутствует. Учиты-

вая, что для передачи не требуется стандартный радиочастотный канал, смею предположить, что мы совершили маленькую техническую революцию. Теперь Эдем может обмениваться данными со своими узлами и юнитами практически мгновенно, в режиме реального времени, невзирая на любые помехи и препятствия. Завтра проведём дополнительные испытания, но в целом — можно открывать шампанское. У нас получилось!

Профессор улыбнулся, протянул руку, и изображение погасло. Конец файла.

Интересно. Кажется, что-то вроде личного дневника исследований. И снова Эдем… Впрочем, чего я ожидал? Навряд ли ретранслятор поставили бы во дворе здания, не имеющего отношения к проекту… Ладно, посмотрим, что там дальше.

Я снова нажал на кнопку. Запустился следующий файл. На «экране» снова появился тот же профессор. Сейчас он выглядел радостным и возбуждённым.

— Мы провели испытания по передаче сигнала в сложной среде. И знаете что? Не знаете. А я вам скажу: полноценный канал связи с тестовым юнитом в восемнадцати километрах отсюда! Под землёй! Сквозь бетон, армированную сетку, и даже экранирующие панели. Ретранслятор даже не нагрелся! Это уже не перспективная разработка. Это — хребет новой цифровой цивилизации. Уверен, руководство подпишет расширение штата. Это победа, друзья!

Следующий файл. Невнятная тарабарщина, изобилующая терминами и формулами. Следующий файл. Технические отчёты. Следующий файл. Таблицы и графики. Следующий файл…

Снова изображение профессора. На этот раз он выглядит озадаченным и озабоченным.

— Мы обнаружили аномалию. Произошло это при анализе трафика. Помимо основной передачи — координат, пакетов обслуживания, тактических данных — в каждом пакете есть зашифрованные данные, не поддающиеся декодированию. Мы прогнали их через все известные шифры. Ноль. Ни по военным таблицам, ни по внутреннему протоколу GenTek они не вскрываются. Мы запросили мастер-ключ в штаб-квартире GenTek… И знаете, что они ответили?

Профессор выдержал паузу.

— Они ответили, что ничего не кодировали. То есть… Либо нам врут, либо… Либо Эдем сам закодировал эти пакеты. В таком случае…

Новая пауза.

— Я бы очень хотел, чтобы нам врали.

Конец записи. Я пощёлкал кнопкой, но тщетно — других файлов на накопителе не отказалось. Впрочем, и тех, что были, хватило, чтобы повергнуть меня в глубокую задумчивость.

— Интересно девки пляшут, — пробормотал я. — Симба, ты можешь как-нибудь прокомментировать это?

— Я…

Симба начал что-то говорить, но я его не услышал. Виски вдруг прострелило ужасной болью, картинка поплыла, и я рухнул в темноту. В глазах рябь, будто на экране старого телевизора, потерявшего сигнал, в ушах — гул… Яркие вспышки стробоскопом, треск помех… А потом меня захлестнуло потоком образов.

Вспышка.

Проливной дождь. Под ногами — гладкая поверхность с металлической текстурой. Стальной пол. Палуба корабля. Что-то… Нет, что-то другое. Не знаю.

За спиной кто-то кричит.

Я не оборачиваюсь.

Мои руки в чёрных перчатках, пальцы дрожат, но не от страха. От возбуждения.

В левой — ключ-карта. Без опознавательных знаков. Только цифра: 0.

Я прикладываю её к считывателю.

Красный огонёк…

…Мигает.

Зелёный.

Щёлк.

Вспышка.

Глянцевый пол. Монотонное гудение. Я иду по ярко освещённому коридору, свет льётся из-под ног, заливая всё вокруг. Справа — витрины с чем-то, похожим на органы, пла-

вающие в капсулах.

Я не смотрю. Я уже их видел.

В отражении — силуэт в чёрном. Шлем скрывает лицо.

Я не узнаю себя, но знаю, что это я.

Я останавливаюсь.

Впереди — дверь. Массивная, сейфовая, с кодовым замком.

Рука тянется к панели.

Я знаю, что нельзя.

Я всё равно ввожу код.

Вспышка.

Темнота. Плотная, пульсирующая, беспросветная.

Голос — ровный, мужской, без выражения.

— Совместимость — девяносто девять процентов. Жизненные показатели — в норме. Объект стабилен. Начинаю процедуру синхронизации.

Я не знаю, к кому обращён этот голос.

Но я чувствую, что он говорит обо мне.

Вспышка.

Я пришёл в себя на полу. Череп раздирало пылающей болью,я валялся на боку в позе эмбриона, обхватив руками голову и прижав колени к животу.

— Симба, — прохрипел я, отдышавшись. — Что это было?

— Вирусное заражение скачкообразно прогрессирует, — бесстрастно отозвался ассистент. — Когнитивный отклик —

ниже среднего. Наблюдается генерация паразитных электрических сигналов в синаптических связях. Предыдущий прогноз неактуален. Рекомендуется как можно быстрее посетить медицинский модуль Эдема.

— Паразитные сигналы, значит, — пробормотал я, пытаясь подняться. Боль понемногу утихала, но ещё не отступила вовсе, угнездившись где-то в правом виске. — Как это я сам сразу не догадался? А что значит «прогноз неактуален»? Сколько у нас времени, железяка?

— Рекомендуется посетить медицинский модуль Эдема в течение ближайших двенадцати часов. В противном случае…

— Хватит! — рыкнул я. — Я помню, что в противном случае, хватит долдонить одно и то же!

Поднявшись, я достал из заплечного мешка воду, сделал несколько глотков, а остатки вылил на лицо.

Двенадцать часов, значит? Что ж. Это целая прорва времени. Всего-то и осталось что перенастроить ретранслятор, вернуться на станцию Эдема и найти этот их медицинский модуль. Лёгкая прогулка по мегаполису, раскланиваясь с приветливыми и милыми горожанами.

— Хочу отметить, что отрицание очевидных фактов не приведёт к достижению результата, — будто бы обиженно проговорил Симба.

— О, да ты делаешь успехи, — невесело усмехнулся я. — Почти как мой сержант в учебке заговорил! Хвалю.

— Я улавливаю в интонациях носителя то, что люди называют сарказмом, — прокомментировал мой спич Симба.

— Что ты, родной? — я хохотнул. — Какой ещё сарказм? Сплошной оптимизм и настрой на победу!

Отшвырнув опустевшую бутылку, я поправил рюкзак и, решительно забросив топор на плечо, пнул дверь, ведущую в коридор.

— Не кисни, железяка! Отправляемся достигать результат! — преувеличенно бодро провозгласил я и вышел из кабинета.

Глава 15

Крыша оказалась ровной, бетонной и мерзко сыпучей. Каждый сантиметр был усыпан мелкими камнями, обломками арматуры и сухими лепестками мутировавшего мха. Я лежал на краю, смотрел вниз и пытался утрамбовать в голове открывшуюся картину. Получалось, если честно, с трудом.

— Симба, — негромко сказал я. — Это ещё что за чудовище?

Ретранслятор стоял посреди внутреннего двора, окружённый завалами, ржавыми остовами техники и заросшими плитами. Но главное — рядом с вышкой неподвижно замер огромный механизм. Боевой слон, пожаловавший в суровую реальность прямиком со страниц фантастического романа в жанре «киберпанк». Четыре массивные ноги, корпус покрыт сегментированной бронёй, будто набранной из армированных плит, динамическая защита, как у танка… На спине — несколько пулемётных башенок и пусковые контейнеры ракет, боковые панели приподняты — оттуда выглядывали стволы автопушек. Лобовая броня закрыта, но сквозь щели можно было различить линзы сенсоров.

Уже знакомый мне «Раптор» рядом с ним выглядел бы цыплёнком-бройлером на фоне матёрого волкодава-шестилетки.

[ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА]

>Бастион. Тяжёлый штурмовой биоробот прорыва. Предназначен для уничтожения техники, инженерных укреплений и подавления зон сопротивления. Может действовать как мобильная артиллерийская платформа. Стандартное вооружение включает:

>Две 60-мм автопушки,

>Два пусковых контейнера реактивной системы залпового огня,

>Два зенитных пулемёта калибра 12,7мм.

>От двух до шести пулемётов калибра 7,62.

При необходимости комплектация дополняется тактическими лазерами, устройствами дистанционного минирования и другими модулями.

Действует в связке с тактическими биороботами «Раптор».

— Отлично, — выдохнул я. — Просто восхитительно. Надеюсь, эта железная скотина мертва?

— Никак нет. Сканирование указывает на стабильное питание базовых цепей. Бастион находится в состоянии гибернации.

Я моргнул.

— В гибернации? То есть не активен, но и не отключён?

— Высказывание корректно. Вероятно, он выполняет функцию охраны ключевого объекта и активируется при по-

лучении сигнала о вторжении.

— Сигнала от кого?

Вместо ответа Симба мягко подсветил в углу интерфейса четыре движущиеся точки. Я проследил за ними взглядом и выругался под нос.

Периметр двора патрулировали четыре рипера. В отличие от тех, что я уже видел, у этих не было на спине коробов, благодаря чему их приземистые силуэты двигались быстро и ловко. И практически не производили шума. Идеальные часовые, да…

— Да чтоб вас всех… — пробормотал я.

Если хотя бы один из этих гадёнышей засечёт меня — сигнал сразу уйдёт Бастиону. И эта махина проснётся. И устроит мне концерт с фейерверком. Ракеты на такой дистанции использовать он, конечно, не станет, но мне хватит и пулемётов.

Я прижался щекой к бетонному краю, задумчиво глядя на риперов. Нет, я, конечно, догадывался, что просто не будет, но твою-то мать, не до такой же степени!

— Ну и что мне с вами, родимые, теперь делать?..

Риперы предпочли промолчать. Впрочем, это был риторический вопрос. Потому что некоторый план действий я в голове уже набросал. Сумасшедший, самоубийственный, рискованный — в общем, всё, как я люблю. Особенно когда другой придумать не под силу. Ну что же. Значит, будем воплощать в жизнь тот, что есть.

***

Ночь наступила без предупреждения. Ни долгого заката, ни малиновых отсветов на облаках… Просто — щёлк, и всё. Как будто лампу выключили.

Я сидел у забора, прижавшись к обломку бетонной плиты, и ждал. Воздух стал плотным, как влажная ткань. Все звуки вокруг притихли, и я отчётливо слышал редкий шорох листвы и далёкое гудение вышки. И жужжание сервоприводов риперов, да.

— Симба, — прошептал я. — Покажи мне уязвимые зоны риперов.

— Вывожу, — отозвался тот, и передо мной в воздухе появилась трёхмерная проекция сборщика, подсвеченная в нужных местах.

— Наиболее уязвимые участки: сочленения передних и задних конечностей, шейный шарнир, а также основные сенсорные модули, расположенные в голове. Учитывая оружие носителя, приоритет — шейный шарнир.

— Годится, — кивнул я, проверяя хват на топоре. — Хотя с противотанковым ружьём я бы чувствовал себя увереннее…

Маршрут был составлен заранее — с учётом маршрута патрулирования риперов. Нужно отдать Симбе должное: с его помощью разработать план оказалось значительно проще. Самому мне пришлось бы долго наблюдать за тварями,

считать шаги, секунды… Симба же просто проанализировал то, что видел я, и проложил оптимальный маршрут, учитывающий местонахождение каждого рипера в нужный момент времени. Этот маршрут я видел и сейчас — красным пунктиром, наложенным поверх обычного слоя восприятия. Удобно, ничего не скажешь.

Дождавшись нужного момента, я скользнул вперёд. Тенью проскочил вдоль забора, на несколько секунд укрылся за полуразрушенным навесом, перепрыгнул через валун, юркнул в куст, из которого торчали сухие остатки когда-то декоративных посадок… Оттуда — двадцать метров по открытому пространству, и вот я в бетонной трубе, валяющийся посреди двора и заросшей кустами. Обычными, а не плотоядными, слава богу… В трубе пахло плесенью, ржавчиной и смертью. Отличное место для засады.

Я затаился. Жужжание сервоприводов нарастало. Рипер, идущий по маршруту, приближался. Я «видел» его силуэт, очерченный красным, даже сквозь стенку трубы — Симба транслировал картинку прямо в зрительный нерв, воспроизводя перемещения рипера с учётом скорости его движения.

Помимо жужжания, тварь не выдавало ничего. Лёгкий, юркий, он ступал почти бесшумно, лишь едва слышно постукивая когтями по обломкам.

Силуэт рипера приблизился, тварь на миг замерла за кустами, осматривая вверенный сектор, и я начал действовать.

Высунувшись у твари за спиной, я чётким, выверенным

движением бросил камень, целясь в металлический лист, валяющийся в нескольких метрах отсюда.

Дзанг!

Рипер встрепенулся, выпрямился, повернулся на звук, вытягивая шею. А я выскользнул наружу и, размахнувшись, обрушил топор на шею рипера.

Раздался металлический скрежет, рипер качнулся, лапы разъехались от неожиданности. Я, не дожидаясь, пока тварь обернётся, ударил ещё раз, в то же место. И ещё.

Из шеи твари сыпануло искрами. Рипер дёрнулся, затрепетал, клацнул захватом и осел, вяло завалившись набок. Я же пулей метнулся обратно в трубу, где затаился, боясь даже дышать. Оставшиеся трое патрульных на миг замерли, услышав посторонний звук, как один, повели шеями… И через полминуты продолжили свой равнодушный обход.

— Почему они такие тупые, Симба? — одними губами прошептал я.

— Риперы — примитивные модели, предназначенные для сбора припасов. Сейчас вирус заставляет их исполнять непривычную работу, они не созданы для охраны и патрулирования, управляющие алгоритмы не справляются, — тут же отозвался ассистент.

— Ну хоть где-то повезло, — я вытер тыльной стороной перчатки выступивший пот.

Один готов. Осталось три. Если у меня получится с ними справиться с такой же лёгкостью, дело в шляпе.

Но рассчитывать на это я бы не стал. Хоть и не мог запретить себе надеяться.

Следующую точку Симба наметил к юго-востоку от ретранслятора. Полузасохшие кусты, скрывающие внутри себя вентиляционный колодец с люком. Симба подсветил его как возможную зону подхода, и я не стал спорить. Вход в колодец я присмотрел заранее — у самой стены института, надёжно скрытые железной бочкой. Я снова прошёл через трубу, пригибаясь, юркнул за обломки и вышел к нужному месту. Люк был утоплен в землю и замаскирован травой и корнями. Я огляделся, убедился, что риперы продолжают патрулирование, и принялся за работу.

Топор скрежетнул по металлу. Пришлось поддевать дважды, потом ухватиться обеими руками, упереться ногой и срывать крышку с места. В нос ударил запах затхлой сырости и старого железа.

— Везёт мне на подземелья, — пробормотал я, и, зацепившись за край, начал спуск.

Глубина была совсем небольшой — около трёх метров. Вниз вели проржавевшие, но с виду все ещё надёжные скобы. Я аккуратно спускался, стараясь вести себя, как можно тише, пока не оказался по колено в гнилом мху.

Подземный проход оказался узким, но проходимым. Пахло канализацией, выгоревшим кабелем и каким-то старым химическим мусором. Но по сравнению с гнёздами Сетников — просто курорт. Мох скрадывал звуки шагов. Я сколь-

зил вдоль стены, пока не подал голос Симба.

— Точка выхода — прямо над головой. Осторожно.

Я поднял голову. Силуэт рипера, воссозданный Симбой, приближался, но у меня ещё было время на то, чтобы подняться вверх, выбраться наружу и затаиться в кустах. Но медлить не стоило. Ну, я и не стал.

Быстро поднявшись по ступеням, я упёрся плечом в люк и толкнул. Тот подался неожиданно легко, с лёгким скрежетом отодвинулся в сторону, я рванулся вверх…

И едва не врезался в рипера.

Его морда — гладкий бронешлем, сенсорная маска, усеянная линзами, смотрела вниз. Прямо на меня. Времени на раздумья не оставалось. Я рванулся вверх, оттолкнулся ногами от ступеней, и с силой выбросил вперёд правую руку.

Клинок вышел из предплечья с сухим щелчком, металл пробил сенсорную маску, проник дальше, кроша платы и микросхемы, или что там это твари заменяло мозги? Рипер конвульсивно дёрнулся, внутри что-то заискрило, и тварь завалилась прямо на меня.

С усилием сдвинув тушу, я прикрыл люк и скользнул вниз.

— Симба, какого хрена? — двигаясь по трубе, возмутился я. — Ты мне транслировал совсем другое местоположение!

— Вероятно рипер по дороге отвлёкся, нарушив алгоритм, из-за этого реальное положение не совпало с транслируемым, — будто даже виновато ответил Симба.

Замечательно… Надо бы сделать себе зарубку на будущее: всецело полагаться на ассистента не стоит. Он, конечно, большой молодец, но и на старуху бывает проруха, как показывает практика. И однажды это может стоить мне жизни.

— Ладно, — буркнул я. — Минус два. Ещё немного — и закончили.

«Закончили» звучало оптимистично. То, что мне удалось успокоить двух тварей, не подняв шум, заслуга не только тактического гения Симбы и моих ловких рук, но и везения. Причём, как по мне — в большей части. А рано или поздно оно может и прекратиться… Но, кроме оптимизма и топора другого оружия не завезли, так что придётся обходиться тем, что есть…

Следующей удобной для атаки точкой Симба обозначил контейнер, стоящий в тени полуобвалившегося навеса. Ржавая махина, когда-то служившая складом, теперь выглядела как гигантский гроб, готовый к погребению. Что ж, будем надеяться, он ждёт не меня…

Я забрался наверх по наклонному боку, стараясь не издавать ни звука. Металл тихо скрипел под моим весом. Я замер на краю, сжимая топор и выжидая нужный момент.

— Сейчас, — прошелестел Симба.

Я прыгнул.

В последний момент рипер словно что-то почувствовал и дёрнулся в сторону. Удар, призванный одним махом разрубить хрупкое шейное сочленение, скользнул по броне. Я

приземлился, перехватил топор и тут же ударил опять — на этот раз целясь в повёрнутый ко мне сенсор. Хруст, скрежет, рипер забился, взвыл каким-то металлическим звуком и попытался атаковать. Новым ударом я завершил начатое, но было поздно. Меня заметили.

— Внимание. Четвёртый рипер меняет маршрут, — послышался голос Симбы, и я готов был спорить, что слышу в нём нотки обеспокоенности.

— Дерьмо, — выдохнул я сквозь зубы.

Рипер нёсся прямо на меня, высекая искры из старого асфальта. Двадцать метров, десять, пять… Рипер пробрался готовясь к прыжку, я замер, стискивая рукоять топора до боли в пальцах…

И прыгнул в сторону.

Длинной очередью из крупнокалиберного пулемёта рипера практически разрезало пополам. Вот только радоваться было нечему. Робот-сборщик был сопутствующей потерей и погиб только потому, что оказался на пути.

А настоящей целью был я.

Следующая очередь прошла в метре от меня, ударила по обломкам бетона и контейнеру. Я расстелился над землёй в низком прыжке, кувырком ушёл за бетонные блоки, вскочил и продолжил движение. А позади раздавался грохот пулемёта, визг поворачивающейся турели и громоподобный топот.

Бастион проснулся и жаждал крови.

Пригнувшись, я метнулся за следующее укрытие, в кото-

рое тут же ударили пули. Во все стороны полетели куски бетона, и я рванул дальше: очень уж иллюзорным оказалось укрытие. По-хорошему мне бы сейчас скатиться в люк, да дать дёру по подземному тоннелю, но…

Я слишком далеко зашёл и не собирался останавливаться.

— Симба, уязвимые точки «Бастиона»! — рыкнул я, выхватывая взглядом очередное укрытие и устремляясь к нему.

Кажется, ассистент настолько охренел от запроса, что даже не стал спорить. Передо мной возникла уменьшенная проекция гигантского робота.

— Сверни! — выплюнул я, в очередной раз опережая смерть на считаные сантиметры. — Голосом!

— При наличествующем арсенале единственный способ остановить «Бастион» — перерубить основной силовой кабель. Доступ возможен через люк для технического обслуживания в передней части робота.

— Отлично, — буркнул я, вскочил на ноги и рванул вперёд. Куда там тому нейрогену!

Пули прошивали бетон, высекая искры и выбивая пыль. Я нырнул в сторону, перекатился, поджал ноги, что было сил оттолкнулся и прыгнул. Ещё один рывок, ещё один скачок — и вот я уже в двух метрах от монструозной лапы Бастиона.

Железо. Холодное, серое, исполосованное вмятинами и трещинами, будто эта тварь прошла через сотни боёв и вышла победителем. Я вцепился в выемку между бронепластинами, подтянулся, затем ногой оттолкнулся от торчащего

ребра и полез выше. Пулемёты умолкли. Я попал в мёртвую зону.

Подтянувшись, я втащил себя на спину роботу и тяжело распластался на металле.

— Ну и где твоя крутизна, зверюга? — выдохнул я. — Робот прорыва хренов. Да любой нормальный диверсант тебя уделает… Если по пути ноги не переломает…

— Уточнение: в штатной конфигурации Бастион работает при поддержке юнитов сопровождения — рапторов и роя летающих дронов. Тактическое взаимодействие компенсирует уязвимость ближнего сектора.

— Ну, остаётся только радоваться, что у нас — не штатная конфигурация и этих тварей нет, — выдохнул я. — Ведь их нет, да? Нет? Симба!

Ассистент молчал.

Твою мать.

Что-то у меня хреновое предчувствие…

Щёлк.

Я замер.

Щёлк-щёлк-щёлк. Три коротких щелчка. За ними — низкий гудящий звук, будто кто-то тихонько нажал на басовые клавиши рояля. Блин. Ну нет! Ну вы издеваетесь, что ли?

Я обернулся.

На спине Бастиона, один за другим, открылись три люка. А из них, медленно, как в замедленной съёмке, поднимались дроны. Узкие, чёрные, чем-то похожие на гигантских метал-

лизированных ос. С расправляющимися крыльями и светящимися линзами.

— Вот же дерьмо, — выдохнул я.

Первый дрон взмыл в воздух. Второй за ним. Медленно, будто пробуждаясь ото сна. А вот третий оказался каким-то слишком резким. Резко взлетев на несколько метров, он сорвался в пике и пошёл прямо на меня.

Твою мать!

Я рванулся в сторону, перекатился по спинному бронелисту, уходя с линии удара. Раздалось резкое шипение — лазер прошил воздух рядом с ухом и пропахал борозду в спине Бастиона. Визг. Запах палёного металла и озона…

Я развернулся, поднырнул под атакующий дрон и ударил топором сбоку, со всего размаха. Лезвие врезалось в корпус, с треском сминая его. Искры. Машина дёрнулась, зажужжала и рухнула на броню. Я коротко разогнался и резким, футбольным ударом отправил его в последний полёт.

Минус один.

Второй уже был рядом. Разряд резанул по броне слева. Я неуклюже отпрыгнул, поскользнулся, чудом зацепился за антенну, и, качнувшись на ней, бросил тело вперёд. Покатился по металлу, почувствовал, как смерть, прядя крыльями, прошла прямо над головой, вскочил, и, резко развернувшись, ударил обухом топора.

Дзанг!

Дрон шмякнулся о броню, я подскочил и мощным уда-

ром разрубил его практически надвое. Глухой удар, металлический скрежет — и корпус вспух от короткого замыкания. Разряд чуть не выжег мне сетчатку. Я отшатнулся, закрыл лицо рукой. Дрон задымился и замер.

— Симба, где третий?!

Впрочем, ответ мне не понадобился.

Целая очередь лазерных разрядов обрушилась на меня. Я успел кувыркнуться в сторону, чудом уйдя от удара. Один из разрядов прожёг здоровенную дыру в пыльнике, завоняло горелой тканью…

А могло бы мясом.

— Визуальный контакт: один активный дрон. Остальные — нейтрализованы, — послышался голос Симбы.

— Да что ты говоришь? — не сдержался я.

Отстрелявшись, дрон заложил вираж и пошёл в лобовую атаку. Я развернулся, отскочил от торчащего силового модуля и прыгнул на ближайшую техпанель, пытаясь запутать алгоритмы наведения. Помогло ненадолго. Дрон скорректировался, взмыл выше и обрушился на меня в крутом пике.

В последний момент я рухнул на спину и лёжа наотмашь рубанул топором. Попал. Лезвие врезалось в сенсорную маску, и дрон, с визгом заваливаясь набок, ушёл в сторону, прокувыркавшись по броне.

Я вскочил, бросился следом, настиг и добил — коротким ударом по корпусу.

Третий — готов.

Всё. Тишина. Только гудение Бастиона под ногами и звенящая пустота в ушах.

— Ну чё, мать вашу, съели? — выкрикнул я, потрясая топором. Меня трясло от адреналина, колени подрагивали, но сознание заполнял триумф. Я победил! Один, полуживой — против грёбаных механизмов. На мне — почти ни царапины, а они всё так тут ржаветь и останутся! Вот так-то! Будете знать, как восставать против создателей!

— Вывожу расположение технического отсека «Бастиона», — вернул меня в суровую действительность Симба. Я огляделся. Одна из плиток практически у скоса основной башни подсвечивалась красным квадратом.

— Спасибо, Симба!

Я бросился вперёд. Упав на колени перед плиткой, выпустил клинок-имплант, вбил его в щель, приналёг и с мясом выдрал технический люк.

Внутри — кабели. Один из них — главный. Толстый, обмотанный изоляцией, чуть дрожащий от напряжения.

Я не думал. Просто занёс топор — и рубанул.

Вспышка. Грохнуло так, что я, выпустив топор, кубарем покатился по спине робота. Послышался чудовищный, утробный вой, а потом всё стихло.

Робот замер.

Я распластался на холодном металле, глядя в ночное небо. Охренеть. Я справился!

Я не знаю, сколько пролежал на спине. Может, минуту.

Может, вечность. Мир дрожал, как пламя над горелкой. Руки подрагивали, лёгкие посвистывали на вдохе. Но Бастион был мёртв, и это уже даже не казалось чудом.

Вцепившись в обшивку, я поднялся и сделал шаг. Так. Теперь ретранслятор. Я задрал голову, глядя на тонкую иглу антенны…

И тут меня снова накрыло.

Вскрикнув, я повалился на колени, обхватывая руками голову. Чудовищная боль раскалённой спицей пронзила мозг, с каждой секундой становясь всё острее. Мир осыпался в пиксели. Помехи, как в старых телевизорах — серый шум, искажения, миграции цвета. Симба что-то говорил, но голос рвался и шипел.

А потом — провал.

Я больше не был на спине Бастиона.

Узкий металлический коридор с белыми глянцевыми стенами. На них пляшет моё отражение. По левой стене — эмблема. Синие буквы, как насечка на коже. Электронные цепи, переплетённые с двойной спиралью ДНК.

Крики. Выстрелы.

Грудь горит, я едва ковыляю, прижимая руки к чудовищной ране. Успеть. Уйти. Выбраться за периметр. А там…

Сердце сбивается с ритма. Быстрее! Наружу!

Окно. Витраж. Лопнувшее стекло. Я лечу вниз. Удар. Боль.Темнота.

Я пришёл в себя на животе. Лицо в пыли, губы в крови.

Бастион мёртв. А я пока нет. Но, кажется, кое-что во мне снова сгорело.

— Симба… — хрипло выдохнул я. — Что это было?

— Углубление сбоя. Распад нейросвязей усиливается. Предыдущий прогноз недействителен. Время до функционального коллапса: менее десяти часов.

— Отлично… — прохрипел я. — Просто шикарно…

Я отдышался. Прислонился лбом к холодной броне Бастиона, потом встал. Ноги дрожали, но держали.

Нужно заканчивать.

Я отыскал топор, пристроил его за вещмешком и начал спуск.

***

Хвала богам, пульт управления ретранслятором оказался не на самой верхотуре. Всего-то метров на двадцать подняться пришлось. Ступени лестницы, в отличие от уже виденных мною, были почти новыми, едва ли не блестящими. Ну, хоть что-то в этом мире содержится в порядке…

Отдышавшись, я осмотрелся.

Пульт представлял собой серый ящик с несколькими гнёздами, закрытыми резиновыми заглушками. Так. А дальше-то что? За всё это время я как-то даже не подумал, что не имею понятия, как перенастраивать ретранслятор. Как к нему подключиться вообще? Чем? И что делать потом?

— Стандартный интерфейсный разъём для подключения

юнитов Эдема, — будто поняв моё затруднение, проговорил Симба, подсвечивая один из портов. Я шагнул вперёд, выдрал резиновую заглушку. Под ней оказалась узкая щель.

— И что дальше?

— Подключение осуществляется через имплант, — последовал ответ. Имплант?

Я поднял руку, из предплечья со звоном выскочил клинок. Я посмотрел на него, на разъём… Вроде как подходит. Ну, хорошо…

Шагнув вперёд, я ввёл клинок в разъём. Тот загорелся бледно-синим. По клинку будто прошла лёгкая вибрация, я почувствовал головокружение…

— Подключение авторизовано, — проговорил Симба. — Меня программу ретранслятора.

Панель ожила.

По краям пульта зажглись диоды, перед глазами появилась полоса загрузки. Пятьдесят процентов… Семьдесят… Девяносто… Сто.

— Настройка ретранслятора завершена.

Всё?

Я вытащил клинок из разъёма, вставил на место заглушку и недоумённо огляделся.

Визуально не изменилось ничего. С другой стороны, а что я хотел увидеть? Шаровые молнии? Яркий луч, бьющий из антенны в ночное небо? Здесь не компьютерная игра, спецэффектов не будет. Просто ретранслятор начал работать в

обычном режиме, а миссия — выполнена.

Ведь выполнена же, да?

И в этот момент поперёк поля зрения вспыхнула красная надпись.

ВХОДЯЩЕЕ ПОДКЛЮЧЕНИЕ. АВТОРИЗАЦИЯ — УСПЕШНО. НАЧИНАЕТСЯ ЗАГРУЗКА ДАННЫХ…

Я замер.

— Симба. Что за хрень происходит?

— Регистрирую входящее подключение с высочайшим уровнем допуска. Идёт замена системных файлов.

— Замена чего?!

— Системных файлов. Обновление ядра и модулей управления.

— Какого хрена? Что ты делаешь, прекрати!

— Это не я. Подключение имеет авторизацию разработчика.

— Стоп. Нас что, ломают?

— Вероятность — крайне высока.

— Отрубай доступ! Немедленно!

— Невозможно. Приоритет уровня «создатель». Все команды блокированы.

— Симба, твою мать, ВЫРУБАЙ!

— Я не могу управлять этим процессом.

— ПРОСТО РАЗОРВИ НА ХЕР СОЕДИНЕНИЕ!

— Отключение внешних сенсоров приведёт к частичной

потере функциональности…

— Вырубай, твою мать!

В голове раздался отчётливый щелчок, и надпись погасла.

— Все внешние подключения прерваны. Потеря функциональности — пятьдесят процентов. Функция слежения за юнитами недоступна. Сканер биомассы недоступен. Сканер механоидной активности недоступен…

— Да и хрен с ними, — я сплюнул через перила, вытер пол со лба и уселся прямо на решётчатый пол.

— Симба… Что это было?

— Попытка удалённого доступа. Несанкционированный апгрейд и перезапись базового ядра.

— И кто это сделал?

Тишина.

— Симба! Кто нас ломал?

Снова тишина. Долгая. Тягучая. Я уже открыл рот, чтобы повторить — как вдруг Симба ответил. В глубине души я был готов к такому ответу, но всё же надеялся на лучшее.

— Полагаю… — Симба сделал почти театральную паузу и закончил — будто топором ударил. — Полагаю, это был Эдем.

И почему я не удивляюсь?

Глава 16

Собственно, новость меня не сказать чтоб удивила. Всё, увиденн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.